

№ 3 Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1969
МАЙ — ИЮНЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

Ф. П. Филин. Институт русского языка теперь и в будущей пятилетке	3
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
С. Д. Селиванова. Об эволюции стиля «Кавказского пленника»	7
Ю. Д. Левин. Метафора в «Скупом рыцаре»	17
А. Н. Шустов. Нерукотворный памятник	21
В. П. Ковалев. Однородные неоднородности у Паустовского	27
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
В. Д. Пятницкий. Их нет в словарях	32
Ю. С. Сорокин. Производные слова	34
А. Н. Попов. Ошибки в переводах	39
Л. Н. Шердакова. Нормативны ли многочленные словосочетания?	41
Л. П. Катлинская. Зимой — зимою	43
ЯЗЫК ГАЗЕТЫ	
«Сельская жизнь»	48
«Комсомольская правда»	59
ТЕРМИНОЛОГИЯ	
П. В. Веселов. Стандартизация терминов	67
УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА	
Л. Е. Лопатина. Семинар в Суздале	73
Лев Кассиль. О законах и тайнах родного слова	77
И. А. Пругалова. Воспитание интереса к русскому языку	79

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

- Ю. С. Сорокин. Махры — махровый 81
В. С. Филиппов. Музыкальные инструменты на Руси 88

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

- В. И. Фадеев. Русские слова в английском языке 91
И. Г. Добродомов. Гювеч 95

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- В. В. Веселитский. Словари 96
Д. И. Алексеев, В. Д. Бондалетов. Народный филолог
В. С. Дубровин 106
ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

- П. С. Пустовалов. Отбор материала. План сочинения 110

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

- А. А. Шибяев. Удивительные слова 116

КОНСУЛЬТАЦИИ

- Б. М. Гриншпун. Недостатки речи у детей 117
Словарь начинающего филолога 121
Новые словари 15,97
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ» 123

На обложке: А. С. Пушкин
Гравюра Ю. И. Космынина

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Хроника

ЛЕНИН — ТРИБУН РЕВОЛЮЦИИ

С 3 по 6 марта 1969 года в Москве проходила Всесоюзная научно-методическая конференция «В. И. Ленин — выдающийся мастер революционной пропаганды». Созвана эта конференция правлением Всесоюзного общества «Знание», Академией общественных наук при ЦК КПСС, Центральным Комитетом ВЛКСМ и правлением общества «Знание» РСФСР.

На тему «Ленин как пропагандист» написано уже много брошюр и статей. В них говорится о неизгладимом впечатлении, которое произ-

водили выступления Владимира Ильича на слушателей и об огромной силе их воздействия на аудиторию. В мемуарной литературе также содержится много интересного материала об ораторском искусстве В. И. Ленина, его умении убеждать слушателей, его способности ярко освещать самые сложные вопросы науки и политики. Но еще мало работ, из которых начинающие лекторы, докладчики, политинформаторы, агитаторы могли бы извлечь представление о том, из чего складывалось непревзойденное искусство ленинской речи.

Именно поэтому в центре внимания участников конференции было рассмотрение методологических и методических особенностей ленинских речей, докладов и лекций, изучение всего многообразия пропаган-

Окончание см. на стр. 6.

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ТЕПЕРЬ И В БУДУЩЕЙ ПЯТИЛЕТКЕ

Директор Института русского языка
член-корреспондент АН СССР
Ф. П. ФИЛИН

Русский язык изучается с давних пор. М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, И. И. Срезневский, Ф. И. Буславев, А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, многие поколения ученых-языковедов посвятили ему свои замечательные исследования. Казалось бы, все уже изучено, и нам остается только воспользоваться трудами своих предшественников, популяризировать их несомненно большие достижения и распространять среди населения. Однако это совсем не так. Русский язык в своем прошлом и настоящем — необозримый океан явлений, простых и очень сложных. В них проявляется бесконечное разнообразие постоянно развивающихся закономерностей. Неустанно обогащается русский язык, расширяется его применение в качестве средства общения. Русский язык стал одним из ведущих мировых языков, что выдвигает перед современным отечественным языкознанием новые нерешенные проблемы. Во многих отношениях изучение русского языка только начинается.

Потребуется еще много усилий ученых-языковедов для того, чтобы направить достижения нашей науки на благо народа — создателя и носителя языка.

Общепризнанным центром исследований работ по русскому языку является Институт русского языка Академии наук СССР. Он был выделен в конце войны из Института языка и мышления АН СССР. Первым директором Института был замечательный русский языковед академик С. П. Обнорский, многие годы его возглавлял академик В. В. Виноградов.

За четверть века существования Института его коллектив подготовил и опубликовал сотни книг, из которых

прежде всего нужно назвать двухтомную «Грамматику русского языка» (1952—1954), семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1950—1965) и четырехтомный «Словарь русского языка» (1957—1961), получившие мировое признание. Из последних публикаций следует упомянуть «Русский язык и советское общество» (в четырех томах, 1968), пятитомные «Очерки по истории русского литературного языка XIX века» (1964), двухтомный «Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков» (1968), хотя, разумеется, список значительных исследований этими работами не заканчивается.

В прошлом году группа наших словарников под руководством А. П. Евгеньевой подготовила первый в истории русистики двухтомный академический «Словарь русских синонимов», который в ближайшее время должен выйти в свет, а сотрудники во главе с Н. Ю. Шведовой написали обширную «Граматику современного русского литературного языка», имеющую экспериментально-исследовательскую направленность. Все выполненные Институтом работы перечислить здесь невозможно, да в этом и нет надобности — читатель и время дадут им свою оценку.

Над какими, с моей точки зрения, наиболее важными темами сотрудники Института работают теперь и предполагают работать в предстоящей пятилетке (1971—1975)?

Прежде всего мне хотелось бы выделить пособия, предназначенные для широкого использования. Долг наших ученых — не только исследовать свой предмет, но и активно участвовать во внедрении научных знаний в народные массы. Это, конечно, относится и к языковедам. Давно уже возникла необходимость

обогатить школьное преподавание русского языка современными научными достижениями в области русистики, ликвидировать образовавшийся разрыв между теорией и школьной практикой. Группа сотрудников Института под руководством М. В. Панова начинает готовить учебник русского языка для IV—VIII классов, в котором научность изложения должна сочетаться с доступностью материалов для учащихся. Прежде чем учебник будет напечатан, предполагается проверить его на уроках в некоторых школах.

Интерес к изучению русского языка возрастает во всех странах, на всех континентах. Степень овладения им различна. За рубежом прежде всего очень важно распространить основные начатки знания русского языка: умение читать и понимать простые тексты, объясняться на житейски важные темы. В некоторых странах для распространения знания своих языков за пределами их массового употребления подготовлены специальные пособия, которые позволяют в сравнительно короткий срок овладеть самым необходимым в жизни кругом слов и умением строить из них предложения. Издание таких книг оправдало себя.

Группа сотрудников (руководитель К. С. Горбачевич) займется составлением пособия «Основы русского языка», которое будет состоять из краткого словаря наиболее важных и распространенных в речи слов, небольшого грамматического очерка, текстов, упражнений и методических указаний. Мы рассчитываем получить хорошее средство дальнейшего развертывания действительной пропаганды русского языка в различных странах мира. Работу предполагается выполнять в тесном контакте с Научно-методическим центром русского языка при Московском государственном университете.

Из исследований грамматического строя современного русского литературного языка основной работой будет академическая «Грамматика русского языка». Что значит «академическая грамматика»? Так принято называть научное описание всего свода грамматических правил современного языка со всеми исключениями из них и объяснениями исключений.

В этом труде должны отсутствовать какие-либо гипотетические решения и споры, а содержаться непреложные рекомендации, основывающиеся на образцах языка классической литературы. Изложение материала должно быть простым и понятным широким кругам читателей. Написать такой труд очень нелегко. Упомянутая уже академическая «Грамматика русского языка» далеко не удовлетворяет указанным требованиям. Кроме того, в связи с постоянным развитием языкознания и изменениями, происходящими в русском языке (особенно в распределении того, что можно называть нормой и что выходит за пределы нормы), представляется необходимым один раз в двадцать—тридцать лет повторять публикации академической грамматики. Она должна быть своего рода эталоном для вузовских и других учебных пособий по русскому языку. Сама она — один из важнейших документов языковой эпохи. Прежде чем приступить к написанию академической грамматики, решено подготовить ее проспект (руководитель Н. Ю. Шведова), который будет широко обсуждаться.

Огромные задачи нам предстоит решать в деле подготовки словарей. В идеале мы должны иметь полное описание словарного состава русского языка начиная от древнейших письменных памятников и кончая современной лексикой во всех ее разновидностях. Нам нужны словари толковые, синонимические, идеологические, исторические, диалектные, этимологические и многие другие. В до-революционной Академии наук не прекращающаяся работа над толковым словарем русского языка была традицией, хотя некоторые важные словарные начинания так и не были завершены. Лучшее из этой традиции — постоянное внимание к национальному словарю — мы пытаемся продолжать.

Нам предстоит подготовить новый академический словарь русского языка (руководитель А. М. Бабкин), в котором должно найти отражение словарное богатство русского языка советской эпохи. Предполагается также переработать и подготовить второе издание четырехтомного «Словаря русского языка» (под редакцией А. П. Евгеньевой), выпустить для

массового употребления краткий синонимический словарь (руководитель А. П. Евгеньева).

В настоящее время ведется много-томное издание «Словаря русских народных говоров» (главный редактор Ф. П. Филин, редактор Ф. П. Сорокалетов), заключающего в себе во много раз больше сведений об областной лексике, чем знаменитый словарь В. И. Даля. В новой пятилетке это издание будет продолжено. Готовятся многотомный «Словарь древнерусского языка XI—XIV веков» (главный редактор Р. И. Аванесов) и четырехтомный словарь XI—XVII веков (главный редактор С. Г. Бархударов), в недалеком будущем начнется составление словаря русского языка XVIII века (главный редактор Ю. С. Сорокин).

После того как будут закончены эти капитальные издания, мы получим словарные пособия по всем эпохам истории русского языка и по всем основным его разновидностям (письменному языку и бесписьменным говорам). Составители словарей нуждаются в расширении фактической базы — словарных картотек. Мы были бы признательны нашим читателям — любителям русского языка, если бы они присылали свои словарные наблюдения (записи местных слов, выписки из художественных произведений, журналов, газет и т. п.).

Истоки словарного состава русского языка уходят в глубокую древность. Изучению этих истоков будет посвящен капитальный «Этимологический словарь славянских языков» (руководитель О. Н. Трубачев), первые выпуски которого выйдут в свет в ближайшие годы.

Важное значение приобретает изучение современной разговорной речи. Основное внимание лингвистов всегда было приковано к исследованию письменных форм литературного языка, а его разговорная разновидность, полная синтаксических и иных разнообразий, оставалась в тени, хотя известно, что мы больше говорим и слушаем, чем пишем и читаем. В опубликованной недавно работе Е. А. Земской «Русская разговорная речь (Проспект)», поставлен ряд вопросов, относящихся к этой проблеме. После обсуждения Проспекта предполагается развернуть исследо-

вательские работы в этой области.

Планируется также проводить массовое обследование живого языка с целью установления особенностей употребления речевых средств в разных слоях населения, изучение отмирающего и развивающегося в языке, что важно и в теории и в практике — для рекомендации речевых норм. Сектор культуры речи Института (заведующий Л. И. Скворцов) готовит ряд пособий, посвященных актуальным проблемам правописания, произношения, стилистики, правильности русской речи.

Из индивидуальных монографий мне бы хотелось назвать работу М. В. Панова по истории русского произношения (XVIII—XX вв.).

Многое предстоит сделать в исследовании истории русского языка и диалектологии. В будущей пятилетке предполагается написать капитальную «Историческую грамматику русского языка» (редколлегия: В. И. Бороковский — руководитель темы, Р. И. Аванесов, Ф. П. Филин), в которой необходимо обобщить накопленный советскими и зарубежными учеными огромный материал и дать систематическое описание изменений звукового, грамматического и лексического строя русского языка и его предка — языка древнерусской народности. Институту следует также приступить к подготовке истории русского литературного языка XVIII—XX веков — в секторе языка и стиля художественной литературы.

Сектор диалектологии вот уже много лет готовит многотомный диалектологический атлас русского языка. Теперь эта работа подходит к концу, хотя трудности печатания томов атласа пока, к сожалению, не преодолены. Диалектологам Института предстоит начать подготовку сводного атласа русского языка, который, как мы полагаем, будет иметь большой спрос. Нет надобности говорить здесь, какое огромное научное и культурное значение имеют диалектологические атласы, заключающие в себе материалы первостепенной важности для истории русского языка и для истории его создателя — народа.

Институт является также научно-организационным центром международного предприятия — Общеславянского лингвистического атласа (пред-

седатель комиссии при Международном комитете славистов Р. И. Аванесов). В ближайшие годы предполагается закончить сбор материалов по специальной программе Атласа и приступить к картографической их обработке.

Есть еще важный раздел наших исследований — научное издание важнейших памятников древнерусской письменности и разработка проблем текстологии (руководитель С. И. Котков). Институт уже опубликовал знаменитый «Изборник Святослава 1076 г.» (1965), не менее известный «Синайский патерик» XI—XII вв. (1967), ряд изданий документов позднего времени. Этими книгами пользуются не только языковеды, но и историки и литературоведы. Работы по публикации памятников будут продолжены.

Фронт работ Института русского языка довольно широк, хотя здесь ничего не сказано ни о работе сектора структурной лингвистики, ни о работе нашей фонетической лаборатории, ни о десятках разного рода монографических исследований и сборников, которые должны быть подготовлены в 1969—1975 годах. В частности, я предполагаю закончить в будущем году новую большую книгу «Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк».

В заключение мне остается пожелать, чтобы читатели журнала вносили свои предложения, какие книги по русскому языку им хотелось бы иметь, какие проблемы, по их мнению, являются первоочередными.

Хроника

ЛЕНИН — Трибуна революции

Окончание. Начало см. на стр. 2.

дистских средств, которые давали В. И. Ленину и партии возможность распространять в самых широких народных массах всепобеждающие идеи научного коммунизма. Многие выступавшие говорили о творческом использовании ленинского пропагандистского искусства, его дальнейшем обогащении в решении задач коммунистического строительства.

Свыше пятидесяти ученых, методистов, лекторов и журналистов страны выступили с сообщениями о ленинском пропагандистском искусстве и его значении в идеологической работе сегодня. Более пятисот человек со всех уголков нашей страны, прибывших на конференцию, с большим интересом слушали выступления академиков Ф. В. Константинова и Б. М. Кедрова, доктора философских наук Г. З. Апресяна, доктора технических наук Г. С. Мигиренко (Новосибирск), доктора философских наук В. А. Кудина (Киев), доктора биологических наук А. А. Логинова (Минск), доцента Московского института иностранных

языков имени М. Тореза И. А. Зимней, кандидатов искусствоведческих наук А. Н. Куницына (Ленинград) и Л. А. Ходжаевой (Ташкент), лектора Е. А. Адамова и многих других замечательных пропагандистов.

По существу конференция стала коллективным исследованием тех образцов пропагандистского искусства, которые мы находим в публичных выступлениях В. И. Ленина.

О степени конкретности рассмотрения ленинского пропагандистского наследия говорит сама тематика выступлений. Значительное внимание на конференции было уделено, например, тому, как изменялись в речах Ленина в зависимости от характера аудитории («зачин» и вступительная часть той или иной речи, структура выступления, аргументация, элементы полемики, использование опыта слушателей, подбор примеров, язык и стиль речи, заключительная часть выступления. На основе анализа грамофонных записей были рассмотрены также логические акценты, интонация и «курсив» в выступлениях В. И. Ленина.

Ленинские конференции готовятся и будут проведены в ряде областных и краевых организаций общества «Знание».

Г. Елигулашвили
старший референт правления
Всесоюзного общества «Знание»

Как немногие из поэтов, Пушкин «творил с пером в руках». Любое слово, любой поэтический образ, любая художественная деталь, возникавшие в воображении, заносились им на бумагу. Поэтому пушкинские рукописи отражают весь ход его работы, самое течение мысли и позволяют увидеть художественное произведение не только в той готовой, вполне определившейся форме, какую оно в конечном итоге принимает, а в его становлении, развитии, движении. А это способствует более глубокому и верному постижению смысла, внутреннего содержания произведения, дает возможность правильно понять характер тех историко-литературных явлений, с которыми произведение связано, вернее определить основные творческие принципы автора, глубже почувствовать специфику его художественной манеры.

Так, во многом помогает уяснению характерных особенностей работы Пушкина-романтика изучение черновиков «Кавказского пленника», первого опыта поэта в жанре романтической поэмы, еще не знавшей себе образцов на русской почве.

Дошедшие до нас рукописи «Кавказского пленника» дают нам счастливую возможность быть до некоторой степени свидетелями того, как происходил самый процесс овладения Пушкиным новым поэтическим содержанием, как и какими путями шли поиски новых выразительных средств, как постепенно, иногда очень нелегко, непросто поэтический замысел находил словесное воплощение, как стих за стихом, образ за образом поэма обретала определенные очертания, наполнялась живой плотью и кровью.

ОБ ЭВОЛЮЦИИ СТИЛЯ

КАВКАЗ- СКОГО ПЛЕННИКА

С. Д. СЕЛИВАНОВА

Анализ рукописного материала «Кавказского пленника» позволил нам выделить два наиболее существенных момента в работе Пушкина — с одной стороны, желание добиться особой романтической окрашенности образа: эмоциональной наполненности, некоторой приподнятости, необычности звучания, с другой — стремление нигде не отступать от жизненной правды образа, то есть соответствия содержания — и бытового, и психологического, и эмоционального — реальной действительности. Процесс, казалось бы, прямо противоположный первому, но тем не менее отчетливо прослеживающийся по черновикам поэмы.

Скорее всего, подобное направление в работе Пушкина объясняется свойственной его таланту особой реалистической зоркостью, наблюдательностью, умением живо и верно подмечать существенное, характерное в действительности и так же живо и верно воплощать его в поэтическом материале. Эта замечательная особенность пушкинского таланта сказалась даже в период романтического творчества.

Итак, две поэтические стихии (назовем их условно «романтическая» и «реалистическая») не исключают друг друга, а, дополняя, обогащая одна другую, сосуществуют в пушкинской поэме. Больше того, именно в результате их синтеза рождаются те качественно новые черты пушкинского стиля, которые в первую очередь и определяют специфику пушкинского романтизма.

Романтическая приподнятость, яркая экспрессивность повествования, эмоциональная взволнованность авторского голоса, особая недосказанность, некоторая интригующая туманность, таинственность отдельных сцен, образов — все эти непрменные атрибуты романтического стиля постоянно уравниваются в процессе работы Пушкина присущим ему поэтическим вкусом.

В результате образ, в целом выдержанный в романтических тонах, приобретает убедительность и достоверность, насыщается особым поэтическим смыслом. Примечательно, что для Пушкина романтическая приподнятость, необычность, с одной стороны, и туманная абстрактность, неконкретная образность, с другой, — вещи совершенно разные. Последнее, иногда ложно считающееся непрменной особенностью романтического стиля, совершенно чуждо поэтической манере Пушкина.

Пушкин-романтик, так же как и Пушкин-реалист, работая над поэтическим материалом, постоянно стремится к максимальной экономии художественных средств. Он немногословен, каждая деталь, каждый образ, каждая картина получают у него свое особое назначение. Отбрасывая в процессе работы ту или иную деталь, образ, описание, Пушкин всегда сохраняет чувство меры; каждое исправление текста непременно имеет определенную логику. Творческую индивидуальность Пушкина характеризуют его же собственные слова: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Пожалуй, наиболее ярко подобные творческие тенденции сказались в работе поэта над образом героини «Кавказского пленника» — черкешенки. Часто, изменяя, переделывая ту или иную сцену, картину, Пушкин стремится к композиционной четкости, лаконичности, стройности образа, а также пытается добиться его психологической убедительности. Никогда внутренний смысл образа, логика не приносятся в жертву внешнему эффекту.

Чрезвычайно интересна с этой точки зрения сцена первого объяснения черкешенки и пленника. Пленник признается черкешенке в невозможности ответить на ее чувства. Какое же впечатление произвело на «бедную деву» горькое признание возлюбленного? Конечно, оно должно было потрясти ее, глубоко ранить душу. И вот какие детали, образы находит в данном случае Пушкин:

Умолкнул он — без слез рыдая,
Сидела дева молодая.
Туманный, неподвижный взгляд
Изображал укор безумный
Она молчала — ветер шумный,
Свистя, клубил ее наряд.
Бледна как тень, она дрожала,
В руках невольника лежала
Ее холодная рука...
И наконец любви тоска
В стесненной речи пролилася!

Несмотря на взволнованный, приподнятый авторский тон, романтическое обрамление («ветер шумный, свистя, клубил ее наряд»), картина полна глубокой психологической достоверности. Пожалуй, только два образа кажутся несколько искусственными, созданными намеренно сгущенными красками — «безумный укор» во взгляде черкешенки и порывистый ветер, развевающий ее платье. И Пушкин убирает эти две детали. Вторую он использует в сцене освобождения пленника черкешенкой, рисуя романтический портрет героини, гордой, смелой, полной отчаянной решимости. Там деталь эта более уместна, мотивированна, великолепно соответствует общему трагически-тревожному тону повествования, тогда как в первом случае она вряд ли убедительна, хотя и эффективна.

В результате — окончательный текст:

Раскрыв уста, без слез рыдая,
Сидела дева молодая.
Туманный, неподвижный взор
Безмолвный выражал укор;
Бледна как тень, она дрожала;
В руках любовника лежала
Ее холодная рука;
И наконец любви тоска
В печальной речи излилася...

Пушкин стремится передать внутреннее, психологическое состояние черкешенки, и ему это удается.

Приведем еще один пример, но уже связанный с другой сценой поэмы — сценой первого появления черкешенки. В рукописи мы находим ряд набросков, относящихся к этой сцене, — зарисовки внешности черкешенки:

1. И кудри стелятся волнами
По юным персям и плечам.
2. И черной падают волною
Власы на девственную грудь.
3. Власы на перси молодые
Бежали черною волной.
4. Отброшены ее власы
и др.

Предполагая ввести эту деталь в портрет героини, данный при первом ее появлении, Пушкин, вероятно, шел от байроновской традиции. Почти во всех романтических поэмах Байрона эта характерная деталь — обязательная принадлежность облика героини, традиционной «восточной красавицы», при первом ее появлении на страницах поэмы. Однако Пушкин при переработке черновика переносит эти стихи в другую сцену поэмы — последнего свидания героев. И здесь они звучат гораздо ярче, выразительнее, гармонируя с трагически-возвышенным обликом черкешенки. Причем стихи даны здесь в несколько иной редакции: Пушкин отменяет первоначальные традиционнo-поэтические определения («юные перси», «девственная грудь», «перси молодые»). Окончательный вариант:

Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло девы покрывало,
И вот — печальна и бледна
К нему приблизилась она.
Уста прекрасной ищут речи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падают волной
Ее власы на грудь и плечи.
В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный.

Так подчас традиционная деталь самого общего характера приобретает в пушкинских стихах особую яркость, неповторимость.

Как видим, работая над образом черкешенки, Пушкин неизменно стремится к большей психологической убедительности и достоверности. В первой черновой редакции поэмы черкешенка обрисована в байроновской манере — окутанная романтическим туманом, почти бесплотная, загадочная «дева гор». Но уже в следующих редакциях облик героини существенно меняется: он приобре-

тает реальные черты, первоначально несколько абстрактный, он как бы оживает под пером поэта, конкретизируется. Интересно, как создавалась сцена первого появления черкешенки:

1. Но кто в глубокой тишине
Идет как легкое ¹ виденье
При ясной трепетной луне? ²
¹ милое
² а) В прозрачной
б) В тени прозрачной
2. Но кто в сиянии луны
Среди глубокой тишины
Идет как легкое виденье?
 пленник. Перед ним
Мила как Гений утешенья
С приветом нежным и немым
Стоит черкешенка младая.

В окончательном тексте поэмы эта картина такова:

Но кто, в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкой ступая?
Очнулся русский. Перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.

Образ легкого видения, таинственно освещаемого призрачным светом трепетной луны, заменяется вполне реальной конкретной деталью: неслышной, крадущейся поступью девушки («идет, украдкой ступая»). Черкешенка, преклонив колени, подносит целебный кумыс к устам несчастного пленника; приятный звук ее волшебной речи, полный сочувствия взгляд возвращают юношу к жизни.

Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.
.....
Потом на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все к черкешенке младой
Угасший взор его стремился.

Так звучит окончательная редакция этой сцены. В процессе работы над отрывком Пушкин ищет наиболее поэтичное слово, образ, упоминая о прекрасной черкешенке:

1. К безвестной деве он стремился
2. К волшебнице стремился
3. К таинственной
4. К прелестной гостье он стремился.

Но характерно, что ни один из этих романтически-возвышенных вариантов не оставлен, а предпочтение отдано конкретному и реальному образу — «черкешенка младая».

Подобная поэтическая зоркость, особая наблюдательность, свойственная таланту Пушкина, сказались даже в работе над описательной частью поэмы, посвященной Кавказу, несмотря на то, что именно здесь романтическая устремленность молодого поэта проявилась наиболее последовательно и ярко.

Часто в черновиках «Кавказского пленника» встречаем мы отдельные образы, детали чисто реалистического звучания. Но, отчетливо выделяясь на общем романтическом фоне поэмы, они или намеренно «романтизировались» Пушкиным или совсем исключались из текста. Так, не вошла в поэму одна образная и вполне бытовая зарисовка, вероятно, сделанная с натуры:

С нагих полей между скалами
Влекутся с праздными сохами
Четы медлительных волов...

Слишком прозаическим показался Пушкину этот образ. Стремясь хоть сколько-нибудь романтизировать его, он придумывает новый вариант первого стиха:

Тропой опасной над скалами...

Но и эта редакция не удовлетворила Пушкина, и он совсем исключает стихи из поэмы.

Как видим, порою особая реалистическая зоркость Пушкина вступала в явное противоречие с поставленной им задачей, с избранным романтическим направлением. И он в отдельных случаях пытается так или иначе преодолеть свойственную его поэтической таланту реалистическую тенденцию.

Но замечательно то, что, и создавая картины типично романтические, Пушкин всегда старался избегать ярких эффектов и мелодраматических ситуаций. Интересно следующее признание Пушкина, сделанное им в письме к Вяземскому (март — апрель 1825 года): «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. Кстати еще — знаешь, почему не люблю я Мура? — потому что он чересчур уж восточен. Он подражает ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранять вкус и взор европейца».

Желание не выходить за пределы достоверности и «даже в упоении восточной роскоши... сохранять вкус и взор европейца» отчетливо прослеживается в работе Пушкина над многими сценами поэмы. В ярких, эффектных красках выполнены Пушкиным наброски к описанию черкеса, врывающегося в аул с пленником на аркане:

1. И вдруг пред ними на коне
Явился грозный похититель.
Он весел, горд — он победитель.

2. И вдруг пред ними на конё
[явился] С арканом хищник
3. «Вот Русский! — хищник возопил,
[Мне] [Нам] Аулу новый раб достался.

В окончательном варианте Пушкин гораздо сдержаннее:

И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влечил.
«Вот русской!» — хищник возопил.

Интересна в этом смысле работа поэта и над описанием раненого беспомощного пленника. Стремясь создать яркую романтическую картину, Пушкин набрасывает ряд деталей, образов, возникающих в его воображении. Первоначальные зарисовки носят явно романтический, экспрессивный характер. Но затем начинается отбор из множества набросков единственного и необходимого образа, детали. Вот ряд черновых вариантов, создающих яркий зрительный образ окровавленного, едва дышащего пленника:

1. Не видит он лица врагов,
Угроз, упреков он не слышит
[Он] Едва, едва [он] слабо дышит.
2. Не видит он лица врагов,
Угроз, упреков он не слышит
Едва [разбитой] стесненной грудью дышит
Вода и кровь [его] с его власов
Стекают [страшными] чёрными струями.

Стихи в их последней редакции звучат так:

Лица врагов не видит он,
Угроз и криков он не слышит;
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.

Яркие, эффектные детали (черные, страшные струи крови, стесненное дыхание) отбрасываются. Они не во вкусе Пушкина. Их заменяет один метафорический образ — сон смерти.

Вероятно, тем же стремлением к образной выразительности детали, к точности и яркости определения руководствовался Пушкин, работая и над следующим местом поэмы. Речь идет о несчастном пленнике, измученном и морально угнетенном. Первоначальные наброски:

[Отчаянной] [В отчаяньи] [Увядшею] [Бесчувственной] главой
К земле чужой припал он снова.

И последующая редакция:

Усталую главой
К земле чужой припал он снова...

Как видим, несколько вполне романтическим, но слишком общим, абстрактным эпитетам предпочитается не столь романтический, но конкретный, а главное, психологически достоверный вариант. К предмету найден такой изобразительный эпитет, который обогатил его содержание, выделил в нем существенный для данной ситуации признак. В окончательный текст этот стих не вошел.

Итак, черновики «Кавказского пленника» дают нам возможность совершенно уверенно сказать, что уже в период романтического творчества проявилось замечательное свойство поэтического таланта Пушкина — постоянное стремление к живописной образности детали, к конкретности и психологической убедительности образа. А как романтик Пушкин всегда добивается эмоциональной приподнятости, яркости.

В синтезе этих двух творческих начал — корни той оригинальности и неповторимости, которые отличают пушкинскую романтическую поэму.

Из черновиков «КАВКАЗСКОГО ПЛЕННИКА»

Мы предлагаем вниманию читателя некоторые варианты из черновиков первой романтической поэмы Пушкина.

Порядок подачи вариантов в первой группе примеров следующий: цифрами (1, 2...) обозначены отдельные слова и группы слов в стихах, варианты к которым приводятся ниже. Варианты даются под буквенными обозначениями (а, б, в...) в той последовательности, в какой они расположены в рукописи.

<p>Превратный мир изведал он
И знал неверной жизни цену.—
Презрев мечтаний ложный сон
Бесплодной¹ истины замену.²</p> <p>1. Печальной
2. Вместо стихов 3—4</p> <p>а) Стих начат: Любви
б) Стих начат: Утратив
в) Любил мечтаний легкой сон
Печальной Истине замену!
г) Любви и дружбы легкой сон
д) Младых мечтаний легкой сон
е) В любви нашел он тяжелой сон
А в дружбе сладостной измену.
ж) Ласкал он лживый сон
д) В любви ласкал он [лживый]
[легкой] тяжелой сон</p> | <p>и) Искал он счастья лживый сон
к) По прежний сон
л) Мечтаний презрел милый
(лживый) сон
м) В любви лаская лживый сон
В лукавом дружестве измену.
п) Презрев мечтаний (лживый)
ложный сон
[Печальной] Бесплодной исти-
ны замену
И легковверные мечты.
В Россию дальний путь идет...
Где тайную¹ познал он ра-
дость...</p> <p>а) первую
б) позднюю</p> |
|---|--|

Далее под цифрами (1, 2...) мы повторяем целиком стихотворный отрывок, поскольку правка Пушкина распространяется на всю группу стихов.

1. Воспоминают прежних дней
Неотразимые набег,
Наездников, богатырей,
Удары пашек их жестоких...	Визжит железо, цепь погнулась,
И, спадши на скалы, гремит...
2. Воспоминают прежних дней
Неотразимые набег,
Обманы хитрых уздевей,
Удары пашек их жестоких...	2. Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась;
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.
1. Один за хатами лежит
Он у колючего забора.	1. За днями дни бегут как тень —
В горах, окованный, у стада
Проводит Русской долгой день
Пещеры темная прохлада
Его скрывает в летний зной.
2. Один близ хижины лежит
Он у колючего забора.	2. За днями дни прошли как тень.
В горах, окованный, у стада
Проводит пленник каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрывает в летний зной.
3. За саклями лежит
Он у колючего забора.	
1. И молча твердою рукой
Его цепей она коснулась;
Уняли слезы... — под пилой	

Новые словари

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Среди трудных случаев употребления слов выделяются те, когда слова имеют общий корень, но разные приставки, суффиксы и т. д. Внешнее сходство их затрудняет различение по смыслу. Между тем каждому слову присуще не только свое собственное значение, но и, что особенно важно, специфическая сочетаемость. Как правильно: нарушить дружбу, нарушить или разрушить дружбу, нарушить порядок или разрушить порядок, нетерпимое поведение или нестерпимое поведение? Какая разница между словами: обидный и обидчивый, раздражение и раздражительность? Такие вопросы возникают часто. Слова, о которых идет речь (нарушить — разрушить, обидный —

обидчивый и т. д.), — паронимы (однокоренные, родственные наименования, принадлежащие к одной части речи).

Паронимия представляет перво-степенный интерес для культуры речи, поскольку значительная часть ошибок и неточностей словоупотребления возникает именно из-за внешнего сходства различных однокоренных слов. В выпущенном словаре-справочнике «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» (составили Ю. А. Бельчиков и М. С. Папюшева, М., 1968) рассматриваются такие пары и ряды: абонемент — абонент, база — базис, выплата — оплата — плата, гармонический — гармоничный, двойной — двойственный — раздвоенный, желанный — желательный, эмалевый — эмалированный и т. д. Им посвящены отдельные статьи, в начале которых приводится толкование слова крупнейшими современными словарями, затем даются примеры из литературных произведений разных жанров. Например: *Героизм*. Способность к совер-

шению подвига, к самопожертвованию. Героика. Героическое содержание, героическая сторона чего-либо. Геройство. То же, что героизм; смелость, храбрость...

Во втором разделе статьи («Сравните») даны характерные для каждого слова сочетания. Например, упомянутые слова употребляются обычно с дополнением в родительном падеже или с определением. Соответственно указывается, что героизм встречается в таких сочетаниях, как: героизм труженников, народа, матери и т. д., массовый, подлинный и т. д.; героика — революции, труда, эпохи и т. д., революционная, массовая и т. д.; геройство — защитников города, солдата и т. д., истинное, показное и т. д.

Следующий раздел («Обратите внимание») непосредственно связан с предыдущим и содержит конкретные указания к употреблению паронимов. Так, слово героизм сочетается в основном с существительными одушевленными, а героика — не сочетается. Геройство, хотя и сходно со словом героизм, в отличие от него может употребляться во множественном числе. Трудность заключается не только в различении самих паронимов, но и сочетаний с ними других слов. Так, героизм и героика встречаются во внешне одинаковых контекстах, смысл которых, однако, различен. Сравните: героизм сражений — героизм участников сраже-

ния» и героика сражений 'героическая сторона сражений'.

Последний раздел словарной статьи («Ошибочно») заключает примеры неправильного употребления паронимов, встречающиеся в литературе.

Случай, когда особенности слов связаны с управлением, рассматриваются в разделе «Схема управления». Паронимы могут иметь разные управления, и тогда это помогает различению их: оплата чего и плата за что. Но управление может быть внешне одинаковым, и тогда необходимо обращать внимание на разный смысл конструкций: оплата чего (счета) и плата чего (денег, налога). В необходимых случаях приводятся стилистически замечания, синонимы и антонимы.

Таковы сведения, которые дает словарь читателю. Уже приведенные примеры показывают, что с паронимами связан материал «тонкий» и трудный для самостоятельного изучения. Справочник богато иллюстрирован примерами из словарей и современной литературы. Он будет полезен не только нашим читателям, которые найдут здесь немало рекомендаций, но и всем, кто изучает русский язык и для кого паронимы представляют одну из основных трудностей словоупотребления.

В. В. Веселитский

При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство.

Н. В. Г о г о л ь. Несколько слов о Пушкине [1832]

МЕТАФОРА В «СКУПОМ РЫЦАРЕ»

Пушкинские метафоры обычно просты; они создают ясный и точный образ и при этом предельно лаконичны:

Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой...

или

Жизни мышья беготня..

И вдруг мы встречаем у Пушкина:

Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть,
Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть,
Незванный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый, эта ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы
Смущаются и мертвых высылают?..

Так выражает свои чувства Барон, «скупой рыцарь», во второй сцене маленькой трагедии Пушкина. Этот отрывок резко отличается стилистически от того хотя бы, что говорит о совести другой герой пушкинской драматургии — Борис Годунов:

Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось;
Тогда — беда!

Не правда ли, совершенно иная образная система!

Метафора в монологе Барона не свойственна пушкинской поэтической манере, чужда ей, и более того, напоминает иной лите-

атурный стиль. Еще Тургенев писал П. В. Анненкову 2 февраля 1853 года: «Несколько стихов в монологе Скупца носят слишком резкий отпечаток нерусского происхождения — от них вѣет переводом». И далее, процитировав приведенное выше место из монолога, Тургенев восклицал: «Чистая английская шекспировская манера!».

Напомним, что Пушкин выдавал «Скупого рыцаря» за переведенные с английского «Сцены из Ченстоновой трагикомедии „The Covetous Knight“», и Тургенев видел в этой необычной для русского поэта метафоре доказательство переводного происхождения маленькой трагедии. Он даже обращался к английскому критику Генри Чорли с просьбой найти соответствующую английскую трагедию. Однако ни поиски Чорли, ни дальнейшие разыскания пушкинovedов успеха не имели: ссылка Пушкина на Ченстона была мистификацией. Правда, в XVIII веке в Англии существовал поэт-сентименталист Вильям Шенстон (Shenstone, 1714—1763), которого в России иногда именовали то Ченстоном, то даже Сенстоном. Но среди его произведений нет ни трагикомедии «The Covetous Knight», ни чего-либо подобного.

Тургенев тем не менее чутко уловил близость пушкинской метафоры поэтической системе Шекспира. Метафоризм составляет самое существо поэтики Шекспира-драматурга. Его метафоры, сложные и причудливые, яркие и выразительные, представляют мир в неожиданных эмоционально-поэтических ракурсах и тем самым позволяют глубже раскрывать суть вещей, отношений, чувствований.

Известный пушкинист Н. О. Лернер (Рассказы о Пушкине. Л., 1929) обнаружил, что у Шекспира неоднократно встречается подобный пушкинскому образ могилы, высылающей мертвецов: в «Макбете» («Если склены и наши могилы высылают назад тех, кого мы похоронили, то наши памятники должны быть утробами коршунов»), в «Буре», в «Гамлете», в «Короле Генрихе IV».

Но Лернер не обратил внимания на то, что близость к Шекспиру выражается здесь не столько в этом отдельно взятом образе, сколько в самом приеме последовательного нагнетания метафор. У Пушкина совесть уподобляется поочередно зверю, гостю, заимодавцу, ведьме. Ср. знаменитые слова Макбета:

Жизнь — ускользающая тень, фигляр,
Который час кривляется на сцене
И навсегда смолкает; это — повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но смысла нет.

Перевод М. Л. Лозинского

В этом примере в метафоре «жизнь — фигляр» (в оригинале — a rooф player) проявляется и другая характерная особенность шекспировского метафоризма, которую находим у Пушкина, — стремление представить отвлеченные понятия в виде живых су-

ществ. У Шекспира, в частности, есть и олицетворение «совести» — в монологе Ричарда III, пробудившегося от кошмарных видений:

Сто языков у совести моей,
И каждый мне твердит по сотне сказок
И в каждой сказке извергом зовет.

Перевод А. В. Дружинина

Генетически такие образы у Шекспира восходят к средневековому театру, к моралите — аллегорическим драмам, в которых действовали олицетворенные символы страстей, добродетелей и пороков, борющихся за душу человека. В речах шекспировских героев постоянно встречаются олицетворения радости, горя, удачи, роскоши, нужды, ярости, ревности и т. д. Нечто похожее мы находим и у Пушкина в том же монологе Барона:

Я свистну, и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смограть, в них знак моей читая воли.

Это не просто метонимия: замена *злодея* — *злодейством* (отвлеченное вместо конкретного), а именно олицетворение свойства, потому что оно ведет себя даже не как человек, а как собака.

И у Шекспира можно встретить «окровавленное злодейство» (bloody villainy — «Король Джон») и многочисленные олицетворения «злодейства», например: «Злодейство насмеялось над любовью» (Отелло), и, наконец, «ползущее» олицетворение: «Позор и нищета вползли во дворец нашего короля» (Генрих VI) или «Пусть разврат и беспутство вползут в мозг нашей молодежи!» (Тимон Афинский).

Отметим также, что в «Скупом рыцаре» чаще, чем в других маленьких трагедиях, встречаются развернутые сравнения. «Рыцарское слово» Альберта сравнивается с «талисманом», отпирающим все замки, и с «ключом от брошенной шкатулки в море»; Барон, охраняющий свои сокровища, — с «псом ценным», который

...в нетопленной конуре
Живет, пьет воду, ест сухие корки,
Всю ночь не спит, все бегает да лает...

Деньги уподобляются «слугам проворным» и «друзьям надежным». Наконец, развернутым сравнением начинается монолог Барона во второй сцене:

Как молодой повеса ждет свиданья
С какой-нибудь развратницей лукавой
Иль душой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал...

Такая усложненная образность, приближение «Скупого рыцаря» к стилю шекспировской драматургии были не случайны. Хотя

действие пушкинской трагедии происходит в средневековой Франции и трагедия была оригинальным творением русского поэта, Пушкин, как мы уже говорили, выдавал ее за перевод с английского. И это побудило поэта стилизовать «Скупого рыцаря» в английской манере, образцом которой он, естественно, считал Шекспира.

К сказанному можно добавить, что яркие примеры олицетворения содержатся также в другой маленькой трагедии Пушкина — в «Пире во время чумы». Здесь Председатель поет и о «могущей Зиме», которая, «как бодрый вождь, ведет... косматые дружины своих морозов и снегов», и о «царице грозной Чуме», которая тоже наступает на людей

И льстится жатвою богатой;
И к нам в окошко днем и ночью
Стучит могильною лопатой.

Известно, что «Пир во время чумы» — это перевод (уже не мнимый, а действительный) одной из сцен драматической поэмы английского поэта-романтика Джона Вильсона «Чумной город» (The City of the Plague, 1816). Но гимн Председателя (как и песня Мери) является самостоятельным творением Пушкина и немало напоминает соответствующую песню у Вильсона. В английской песне чума тоже олицетворяется, но содержание этого тропа совсем иное:

King of the aisle! and churchyard cell!
Thy regal robes become thee well.
With yellow spots, like lurid stars
Prophetic of throne-shattering wars,
Bespangled is its night-like gloom...

Король церковных погребений и кладбищ! Как идут тебе твои царственные одежды. Желтыми пятнами, подобными зловеющим звездам, предвестницам войн, сотрясающих троны, испещрена их ночеподобная мрачность... и т. д.

Использование Пушкиным той же стилистической фигуры при полном изменении содержания показывает и в этом случае, что он считал ее характерной чертой английской поэтической манеры.

Ю. Д. ЛЕВИН
Ленинград

В следующем номере читайте
статью В. И. Чернышева о языке и стиле
стихотворений Е. А. Баратынского

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Само по себе слово *нерукотворный* сегодня кажется не более удивительным, чем, например, соседствующее с ним *воздвиг*. Но не так звучало оно для современников Пушкина. У этого слова счастливая судьба: историю его в русском литературном языке можно проследить довольно подробно.

Корни слова *нерукотворный* уходят далеко в глубь истории. Родина его — древняя Греция. В древнегреческом языке имела категория слов, образованных из двух основ, вторая из которых была глагольной. При добавлении суффикса *-tos* получалось прилагательное, имевшее значение причастия прошедшего времени страдательного залога.

Существовало два близких по смыслу слова, синонима: *cheirotmētos* (вторая основа — глагол *katno* — ‘изготавливать, делать, работать’) — ‘сделанный руками’; *cheiropoietos* (вторая основа — глагол *poieo* — ‘делать, творить’) — ‘сделанный, изготовленный руками’. Глагол *katno* в приведенном значении употреблялся редко. Напротив, *poieo* имел несколько значений и давал множество производных с очень широким диапазоном оттенков. Слово *cheiropoietos* — одно из них. Его употребляли, начиная с V века до н. э., крупнейшие мыслители и историки древности: Геродот, Платон, Аристотель, Фукидид и др.

Отрицательная форма этого прилагательного *acheiropoietos* в столь древних памятниках письменности не зафиксирована. Ее употребление отмечается только в книгах Нового завета в значении ‘нерукотворный’: «...я разрушу церковь эту рукотворную и через три дня создам другую — нерукотворную».

В греческих переводах Ветхого завета слов *рукотворный* и *нерукотворный* нет. Таким образом, отпадает возможное предположение о заимствовании их из древнееврейского языка. В этом случае можно говорить лишь о смысловой связи, поскольку конструкция «дело (творение) чьих-либо рук» очень распространена в оригинале

НЕРУКО ТВОРНЫЙ ПАМЯТ НИК

Ветхого завета. Стих из Второзакония переводится так: «И будете там служить богам, изделию рук человека...». Аналогичные обороты встречаются в Ветхом завете много раз.

Создавая книги Нового завета, греческие христианские писатели начали использовать имевшееся в их языке слово *cheiropoietos* для обозначения произведений человеческих рук, а противоположное ему *acheiropoietos* — для обозначения дел бога, различных чудес, не созданных человеком (в древнееврейском смыслового разделения не было). Такое отнесение понятий к человеку и к богу совсем не коснулось литературного языка поздней Греции.

Когда древние южнославянские писатели в IX—X веках переводили греческие духовные книги, они, встретив незнакомое слово, сделали точный перевод его по составным частям (осуществили лексико-морфологическую кальку):

а — *cheiro* — *poiētos*

не — руко — творенный

Западные церковные деятели при переводе Нового завета на латинский язык не сделали кальку, а предпочли описательную конструкцию, дававшую толкование непонятного для них слова. Формально это могло выглядеть как «*non manu factos*», а фактически гораздо сложнее: «*absque manibus factum*».

Поскольку у католиков служба велась на латинском языке, то им не надо было передавать чуждое для них понятие на национальных языках. Поэтому буквальный перевод интересующего нас слова на западноевропейские языки пока не осуществлен. В случае необходимости переводчикам приходится применять громоздкие фразеологические обороты: «не человеческими руками сделан», либо переходить к иносказаниям, порой весьма поэтическим, но искажающим существо понятия: «созданный природой, богом». На своей родине, в Греции, слово это и до наших дней весьма редкое и служит лишь для обозначения евангельских чудес.

Попав из древнегреческого языка в церковнославянские книги, слово *нерукотворный* прочно закрепилось

в них. Русские церковные писатели либо цитировали в своих произведениях новозаветные книги со словом *нерукотворенный*, либо создавали сами обороты подобного рода. Так делали, например, Дмитрий Ростовский, митрополит Платон (Левшин) и другие авторы.

По аналогии с *нерукотворенным* создателями богослужебных книг были образованы: *нерукоплетенный* (венец) и *нерукопечный* (камень). Позднее греческое соответствие первому слову *acheiroplokos* обнаружено нами в не изданном до сих пор словаре Епифания Славянецкого (XVII век).

Сфера употребления всех этих прилагательных была крайне узка. Ко времени Пушкина слово приняло устойчивую форму в конструкциях: «нерукотворенный храм», «Спас нерукотворенный» и «нерукотворенный образ». Однако имеется несколько случаев употребления этого слова писателями и до Пушкина.

По всей вероятности, первым, кто осмелился извлечь слово (в его положительном значении) из церковной стихии, был В. Г. Григорович-Барский. В его записках, сделанных после путешествия в Палестину и другие страны Ближнего Востока (1723—1747), читаем: «Недалече от Египта [Каира.— А. III.] об он пол [на другой стороне — А. III.] реки Нила суть рукотворенные горы, или пирамиды, между ими же три высочайшие суть и именуются горы фараоновы, понеже фараон, суци древле царем Египетским, своим иждивением вся созда...».

«Рукотворенные горы» — пирамиды. Пирамида, как одно из «чудес света», встречается в «Памятниках» почти всех предшественников Пушкина (как русских, так и западноевропейских). Самому Пушкину пирамиды не понадобились: у него для сравнения и противопоставления был «Александрийский столп» — явное воплощение современной ему монархии.

Появление слова *рукотворенный* у Григоровича Барского вполне закономерно: ведь он был «монахом антиохийским». Церковные тексты ему были хорошо известны, из них

он и перенес это слово в свой путевой дневник. Светские писатели постепенно отходили от норм церковнославянского языка. Державин, в частности, заменил слово *рукотворенный* словом *рукодельный* (1790):

Дохнешь в ветрила корабельны,
Пошлешь избытки рукодельны,
И реки злата и сребра
От Орма до Невы прольются.

В прозе подобное словоупотребление мы находим у А. Н. Радищева. В его «Путешествии» (глава «Вышний Волочок») читаем: «Первый, которому на мысль пришло уподобиться природе в ее благоденствиях и сделать реку рукодельную, дабы все концы единыя области в вящею привести сообщенье, достойныя памятника для дальнейшего потомства».

Именно это место пересказал в своей статье Пушкин, выделив *рукодельный* курсивом. «Словарь языка Пушкина» (М., 1959) толкует это слово-цитату так: «Работающий на человека, способствующий его деятельности». Иначе говоря, полезный. Такое объяснение не вполне точно. Река рукодельная — это руками сделанная река, то есть заменяющий плохие русские дороги канал, которым восхищен Радищев. Это эквивалент слова *рукотворенный*.

В «Словаре Академии Российской» (1789—1794) толкование *рукодельный* резко отличается от приведенных нами значений. В славянском переводе обоих заветов слова *рукодельный* нет. Пушкин это слово не употребляет. Вместе с тем следует отметить, что пушкинская форма *нерукотворный* могла возникнуть еще в первой половине XVIII века. Это видно из того, что *рукотворный* было известно современникам Григоровича-Барского и оказалось включенным в словарь, о котором будет сказано ниже. Позже мы действительно встречаем эту форму в поэтическом произведении.

В 1770 году известный поэт В. Г. Рубан опубликовал свою «Надпись к камню, назначенному для подножия статуи Петра Великого». Пушкин был знаком с деятельностью

Рубана: он пользовался его трудами (в одном из которых была перепечатана «Надпись...») при работе над «Медным Всадником» и «Историей Петра».

«Надпись...» в связи со стихотворением Пушкина уже приводилась исследователями. Вот отрывок из нее:

Колосс Родийский, свой смири прегордый вид!

И нильских здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бранными соделаны руками.

Нерукотворная здесь росскля гора...

Таково первое и единственное употребление слова *нерукотворный* в русской поэзии до Пушкина.

С лингвистической точки зрения, к появлению неологизма *нерукотворный* привело следующее. Суффикс второй основы *-ени* был заменен на *-н* (*-творенный* на *-творный*), при этом слово автоматически перешло из разряда страдательных причастий в разряд отглагольных прилагательных. Слово сократилось на один гласный (пять слогов вместо шести), ударение перешло с нечетного, пятого, слога на четный, четвертый, и новое «сокращенное» слово стало легко укладываться в ямбические строки, наиболее распространенные в русской поэзии XVIII — начала XIX века.

Введение Рубаном нового слова в литературный обиход само по себе не было чем-то исключительным. В русском языке с давних пор существовала группа прилагательных со второй основой *-творный*: *благодарный* (Срезневский, памятники XV века, Тредиаковский, Бобров, Востоков, Фонвизин, Державин), *добротворный* (Срезневский, Лексикон Поликарпова, Тредиаковский), *животворный* (Срезневский, Костров, Капнист, Бобров, Востоков, Державин) и другие. Многие из этих слов субстантивных соответствий не получили.

Легко заметить, что эти слова имеют разные значения: 'творящий что-либо' — *благодарный*, *животворный* и 'творящий при помощи чего-либо или каким-либо способом' — *рифмоторный*, *сти-*

хотворный. Группа слов с первым значением имела более древнее происхождение и была более распространённой.

Вторая основа *-творенный* была значительно менее продуктивной, и поэтому причастия встречались гораздо реже: оживотворенный (Словарь Академии Российской, 1789—1794), сотворенный (Аввакум, Словарь Академии Российской) и рассматриваемые нами *рукотворенный* и *нерукотворенный*, известные еще с XI века.

Другие русские авторы, подобно Рубану, учитывая существовавшие образцы, также создавали новые слова: митрополит Платон — несотворенный (отрицательная форма существовавшего ранее слова), радостворный; митрополит Филарет (Дроздов) — новотворный (вошло в Словарь 1847 года); поэт и драматург А. А. Шаховской — зевотворный (1815).

Следует иметь в виду, что записки Григоровича-Барского впервые были изданы в 1778 году именно Рубаном. В свете этого факта приобретает значение то обстоятельство, что Рубан в своей надписи обратился к пирамидам (и Колоссу Родосскому) — знаменитым в древности «чудесам света». При этом *рукотворенным* горам Григоровича-Барского он противопоставил *нерукотворную гору* — русский громкамень.

Необходимо отметить также, что к новой форме слова, воскрешенной Рубаном, современники отнеслись осторожно, не сразу поняв и приняв ее. В 1772 году Н. И. Новиков процитировал «Надпись...» в «Опыте исторического словаря...», «поправив» автора и вернув слову его привычное звучание.

Трудно обойти еще один случай употребления слова *нерукотворный* — у К. Ф. Рыльева. В последнем письме, написанном за несколько часов до казни, Рылеев обращается к жене: «Настиньку [дочь.— А. Ш.] благословляю мысленно нерукотворным образом спасителя...». Письмо Рыльева крайне интересно и важно: оно явилось своеобразным завещанием и было широко распространено в списках. Пушкин тоже должен был знать

его. Само по себе, с его религиозными мотивами отрешенности от всего земного, оно вряд ли могло его затронуть, но новая форма слова, уже известная ему из Рубана, оживила мысль.

Сложная судьба слова *нерукотворный* (*-творенный*) отразилась и в словарях русского языка. Самые первые из них — «Лексис...» Лаврентия Зизания (1596) и «Лексикон славенороссийский» Памвы Беринды (1627) — слов *нерукотворенный* и *рукотворенный* в своем составе не имеют. Это можно объяснить тем, что названные словари кратки и дают толкования только относительно трудных слов книжного стиля. Интересующие нас слова были понятны и без дополнительного разъяснения. К тому же они были чрезвычайно редки и в то время употреблялись исключительно в духовной литературе.

В середине XVII века филологом и переводчиком Епифанием Славинским был составлен «Греко-славяно-латинский лексикон» (рукопись хранится в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина). В словаре приводится довольно большая группа греческих слов: *acheiropoiētos*, *acheirugeitos*, *cheirokeimētos*, *cheiropoiētos*, *cheirurgikos* — с соответствующими переводами: *нерукотворен, верукоделац, рукоздан, рукотворен, рукодельный*.

Следующий печатный словарь «Лексикон трехязычный» Ф. Поликарпова (1704) имеет только *рукотворенный* с переводами на греческий и латинский языки. Слова *нерукотворенный* здесь нет.

Изданный в 1964 году «Рукописный лексикон первой половины XVIII века» (предполагаемый автор В. Н. Татищев) имеет много общего в словнике с «Лексиконом трехязычным». Однако «рукописный» отличается составом лексики нейтрального стиля, близкого к разговорному, в котором отсутствуют книжные слова и формы слов» (Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Л., 1964). Как уже отмечалось выше, в этот словарь включено слово *рукотворный*, а отрицательная форма отсутствует.

Автор «Церковного словаря» (1773) П. А. Алексеев, напротив, по вполне понятным причинам, поместил только одно слово *нерукотворен*, снабдив его обширным рассказом-толкованием о происхождении «нерукотворенного образа». В первые словари Академии Российской (1789—1794 и 1806—1822) включены только формы *нерукотворенный* и *рукотворенный*. В этом они следуют словарю Нордстета (1780—1782). Слова *нерукотворный* и *рукотворный* наряду со старыми формами впервые вошли в Толковый словарь В. И. Даля.

Словарь Алексеева, первый академический словарь, а также словарь П. И. Соколова (1834) имелись в библиотеке Пушкина.

Из прилагательных со второй основой на *-теорный* в произведениях Пушкина встречаются: *благотворный* (9 раз, первый — 1814 г.), *животворный* (1 раз, 1827 г.), *плодотворный* (1 раз, 1834 г.) и *тлетворный* (2 раза, первый — 1820 г.).

Создавая в 1836 году свое поэтическое завещание, свой «Памятник»; Пушкин использовал для этого многозначительного по замыслу стихотворения лексику традиционного высокого стиля. Такую лексику он, подобно многим своим предшественникам и современникам, почерпнул в церковнославянском языке, взяв из него несколько слов, и в том числе *нерукотворный*, в новом звучании.

С 1841 года, после публикации В. А. Жуковского, стихотворение Пушкина стало широко известно читающей публике. «Надпись...» Рубана к этому времени была уже забыта. Новое слово *нерукотворный* стояло у Пушкина в первой же строке и рифмовалось с «дераким» словом *непокорной*. И если сначала оно вызывало какие-то недоумения (у Белинского и у Вяземского), то потом к нему привыкли. Его взяли на вооружение и другие поэты.

В 1857 году это слово удачно употребил А. А. Фет:

В благословенный день, когда стремлюсь
душою
В блаженный мир любви, добра и
красоты,
Воспоминание выносит предо мною
Нерукотворные черты.

Легко заметить, что Фет позаимствовал у Пушкина и метрическую схему строфы в целом. Примерно в то же время (конец 50-х годов) Л. А. Мей закончил драму «Исковитянка». В уста Иоанна Грозного он вложил следующие слова:

Взглянул я скорбно на господний образ,...
На Спаса лик нерукотворный...

Как видим, даже в духовном контексте светские писатели уже употребляют новую форму. Позже, в 1902 году, это слово мы находим у В. Я. Брюсова в стихотворении «Habet illa in alvo» («Она понесла во чреве»):

Ее движенья неprovорны,
Оча ступает тяжело,
Неся сосуд нерукотворный,
В который небо снизошло.

К этому времени пушкинский эпитет окончательно приобретает свое метафорическое значение и начинает превращаться в крылатое выражение. В 1913 году в статье «Евгений Потье» это слово использовал В. И. Ленин: Потье «оставил по себе поистине нерукотворный памятник. Он был одним из самых великих пропагандистов посредством песни».

Советские поэты и писатели также часто употребляют в своих произведениях слова *рукотворный* и *нерукотворный*. И звучат они свежо и молодо. М. М. Пришвин в книге «Моя страна» пишет: «На иных берегах, обращенных к солнцу, появились сережки, золотые, чудесные, нерукотворные».

А. Безыменский в поэме «Трагедийная ночь» о строителях Днепротрасса:

Вы памятник себе воздвигли рукотворный,

Бригады покорителей Днепра!

А. Твардовский в поэме «За далью — даль»:

...люди, счастье наше в том,
Что счастья мы хотим упорно,
Что на века свой строим дом,
Свой мир живой и рукотворный.

Встречаются эти слова в статьях А. Ахматовой, И. Кремлева, Е. Богата, Б. Полевого; в стихах С. Маршак, П. Шумакова и др.

Передко используют эти слова и журналисты, придавая им несколько упрощенные значения: рукотворный — ‘созданный руками человека’ (как правило, это нечто грандиозное), нерукотворный — ‘созданный не человеком, а природой’. Слово *нерукотворный* встречается гораздо реже, чем *рукотворный*. Причем второе в последнее время превратилось в словесный шаблон, штамп. То и дело на страницах газет и журналов мелькают: *рукотворные* (моря, звезды, острова, реки, кометы, асбест, вулкан, солнце и т. д.).

Эпитет *нерукотворный* остался одним из средств высокого стиля и плохо сочетается с обыденными словами: нерукотворная маска — наплав на коре дерева в виде челове-

ческого лица; нерукотворный фарс — абстрактная скульптура из спрессованных кузовов автомобилей и т. п.

Проследив путь одного из старинных слов, имеющих тысячелетнюю историю, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря Пушкину оно приобрело бессмертие. Без «Памятника» мы давно оставили бы его на страницах церковных и исторических книг так же, как мы оставили и забыли его современников: боголепен — ‘богоугодный’, велелепен — ‘великолепный’, власивмисати — ‘злословить, богохульствовать’, вскрылие — ‘край одежды’ и им подобные.

Ныне слова *нерукотворный* и *рукотворный* прочно вошли в наш обиходный язык.

А. Н. ШУСТОВ
Ленинград

Из письма полковника в отставке П. Д. Трифонова

В разделе справочной службы «Недели» (1967, № 32) напечатан ответ научного сотрудника Института истории АН СССР Я. Водарского на вопрос А. Крохалева: «Я запутался, какие годы столетия надо считать двадцатыми, тридцатыми и так далее...». Я. Водарский ответил: «Двадцатые годы XIX века, например, — это годы с 1811-го по 1820-й, соответственно тридцатые — с 1821-го по 1830-й. Бытующее иное понимание, когда двадцатые или тридцатые годы на десяток лет сдвигаются, формально неправильное».

Практика никак не подтверждает подобный ответ. И дело тут не в формальности, а в общепринятом понимании данных терминов, которое издавна считается наиболее удобным. *Двадцатые* годы XIX столетия потому так и именуется, что они начинаются не с 1811-го, как утверждает Я. Водарский, а с 1820-го и кончатся 1829 годом. *Двадцатые* годы нельзя путать со *вторым десятилетием* века.

Кто не знает, что двадцатые годы нашего века — это годы победного завершения гражданской войны, годы восстановления разрушенного предыдущими войнами народного хозяйства, годы успешного начала выполнения первого пятилетнего плана, начала и развития коллективизации сельского хозяйства в СССР. Завершающим двадцатые годы нашего столетия был 1929 год, который вошел в историю как год «великого перелома».

А тридцатые годы? Это годы индустриализации и завершения сплошной коллективизации, годы выполнения и перевыполнения знаменитых довоенных пятилеток, годы развернутого наступления социализма по всему фронту.

От редакции

Примерно в то же время, что и «Неделя», мы писали по этому вопросу (надо сказать, что наши рекомендации были отличны от тех, которые давала «Неделя»). Однако в редакцию продолжают поступать письма с вопросами, что же следует называть *тридцатыми*, *сороковыми* и т. д. годами. Поэтому мы сочли возможным еще раз вернуться к этой теме и опубликовать отрывок из письма П. Д. Трифонова, к мнению которого редакция полностью присоединяется.

ОДНО - РОДНЫЕ НЕОДНО - РОДНОСТИ У ПАУСТОВСКОГО

В произведениях Паустовского мы встречаем один чрезвычайно характерный стилистический прием. Он состоит в том, что в качестве однородных членов выступают слова или словосочетания, разноплановые по смыслу, в речи обычно не соединяемые. Например: «Я просматривал его [репортера.— В. К.] наброски. Они пахли *табаком и страстью*» (Приморские встречи); «На бесплодных горах, залитых светом и ветром, были только мы, *пастух, овцы и полуденная горная тишина*» (Романтики.) Изредка такие же смысловые отношения наблюдаются и между частями сложносочиненного предложения и даже между отдельными предложениями: «Почему-то все замолчали. *Слышнее стал оркестр, и как будто ярче загорелась заря*» (Повесть о лесах); «*Так пахнет ветер, так пахнет лед, тающий во рту, так пахнет юность*» (Московское лето); «*Бронзовый адмирал Корнилов с равнодушным лицом предлагал оттаивать Севастополь. В колючих кустарниках паслись коровы*» (Черное море).

В произведениях Паустовского такие конструкции с соединением семантически разнородных элементов встречаются не только в авторском повествовании, но и в речи персонажей. Писатель и своих героев заставляет мыслить и говорить по-своему: «Капитана я боюсь,— она искоса взглянула на Берга.— Говорят, он *ненавидит женщин и одной рукой двигает комод*», «В номере Берг сказал Батурицу: — Чудесный город. Пустынный, весь в море, в грехах, в камнях» (Блισταющие облака).

Сущность этого приема состоит в том, что вследствие соединения в одном ряду неоднородных по смыслу явлений у слова, входящего в сочетание с соподчинением и связанного с разными по содержанию однородными членами, одновременно реализуются разные общеязыковые и индивидуальные его употребления.

Обычно совмещение разных употреблений в сочетаниях с соподчинительной связью характерно для грамматически господствующего слова. Несколько реже разные употребления наблюдаются и у грамматически зависимого слова, относящегося одновременно к двум однородным членам, например,

у слова *легкомысленных*: «Он постукивал палкой по мшистым валунам и размышлял о плееде Людовиков, создавших из Франции прелестный рай для *легкомысленных вельмож и женщин*» (Судьба Шарля Лонсевиля), у слова *старятся*: «И каждый раз, приезжая, я замечал, как разрастается сад и как *старятся дом и его хозяйка*» (Ночь в октябре).

В трехсловных сочетаниях с однородными членами одновременно могут реализоваться и разные индивидуально-авторские употребления слов. Так, необычны для русского языка два употребления слова *носил* в сочетаниях *носил нищету и одиночество*: «Нищету свою и одиночество он носил просто и с достоинством, как суровую одежду» (Морская прививка); подобное наблюдаем и у грамматически зависимого слова *переливались* в предложении «Ослепительное утро и прозрачный ветер *переливались* в листьях деревьев» (Колхида). Ср. еще: «И снова вернулось потерянное ощущение крепко *настоенного на жаре и запахе* водорослей одесского лета» (Время больших ожиданий); «Я пишу о сером и теплом вечере, когда от пасмурной воды еще *сочится запоздалое тепло и запах* подводных трав» (Романтики).

Но наибольший интерес представляют случаи одновременной реализации общеязыковых и индивидуальных (метафорических) употреблений слов: «Греки приносили с собой запах маслин и эгейского солнца» (Слава боцмана Миронова). Здесь в сочетании *запах маслин* — обычное в языке употребление слова, а в сочетании *запах солнца* — метафорическое.

Сведения в один ряд общеязыковых и индивидуальных употреблений слова очень часто в творчестве Паустовского. Нередко этот прием позволяет автору сделать метафору более рельефной. Так, метафоричность слова *созревать*, возникающая в выражении «перестанут созревать художники» в составе сочетания «перестанут созревать апельсины и художники» оказывается более понятной и яркой: «В Италии никогда не перестанут созревать апельсины и художники» (Орест Кипренский). Ср. еще некоторые примеры такого введения метафор в контекст: «Не верилось, что под свист ветра в простреленных крышах, над непробудными этими ночами, *замешанными на саже и отчаянии*, просочится когда-нибудь стылый рассвет...» (Начало неведомого века); «Я не был готов к этой встрече с Кремлем. Он подымался среди огромного города, как крепость, *построенная из розового камня, старого золота и тишины*» (Далекие годы) и др.

В одном ряду однородных членов Паустовский сводит самые разнообразные по содержанию понятия: сумрак и тишину — «Исполинские корпуса тонут в северном сумраке и тишине» (Соль земли), прозрачный воздух и тишину — «В те годы притихшая и пустынная Одесса была погружена в прозрачный воздух и тишину» (Черное море), лук и страсть — «Я танцевал с Миркой. Она дышала на меня луком и страстью» (Романтики), гнев и махорку — «Что делается в душах солдат, заскорузлых от крови, горьких от гнева и крепкой махорки?» (там же), тьму, огни, и грохот, и запах — «Римская ночь была полна тьмы, огней, затихающего грохота колес и запаха жасмина» (Орест Кипренский), женщину и гранаты, запах и речь, ленты и концерты, мечи и облавы — «Все перепуталось,— Варя Панина и гранаты, запах йодоформа и украинская певучая „мова“, красные ленты на папах и симфонические концерты, мечты богунцев о тихих прудах среди веселых левад и истерические виагливые облавы на базарах» (Начало неведомого века).

Этот прием отражает характерную особенность художественного мышления Паустовского, которая у него прежде всего проявляется в метафоризации, возникающей в необычных сочетаниях слов, объединенных подчинительной связью. Ведь у него можно встретить «зеленоватую прохладу» (Северная повесть) и «синий штиль» (Черноморское солнце), «теплый свет» (Географические записки) и «зябкий свет» (Начало неведомого века), «вязкую декабрьскую ночь» (Потерянный день) и «мохнатое зимнее утро» (Начало неведомого века), «озябшие огни» (Бросок на юг) и «заспанные фонари» (Начало неведомого века) и многие другие подчинительные сочетания, не менее необычные с точки зрения общезыкового употребления слов.

Нередко в произведениях Паустовского разнородные по смыслу слова употребляются и в сочетаниях с сочинительной связью и в сочетаниях со связью подчинительной. Например: «Африка тонула в крошечной тьме и гуле прибоя» (Жара) — «Темнота шумела за стенами плеском дождя и ударами ветра» (Прощание с летом); «...Ливни, рушившие на крыши реки воды и грохота» (Бросок на юг) — «...тишина этого вулканического джрка была совсем не беззвучна. Сквозь нее сочилось едва заметное *звучание*» (Черное море); «...ее [лодку.— В. К.] сносит к какому-то черному широкому водопаду, куда низвергается мутная вода и тьма, и вся эта ночь» (Ночь в октябре) — «Реки света лились на землю...» (Бросок на юг).

Склонность Паустовского к рассматриваемому стилистическому приему проявляется и в несколько необычном использовании сочинительных союзов: писатель вставляет соединительный союз между разнородными по смыслу определениями, привлекая этим внимание к связываемым словам. Например, если бы в предложении «Она мечтала попасть в *дрянной и малярный* греческий городок Миссолонги, где умер Байрон» (Черное море) не было союза *и*, то и при наличии запятой между прилагательными их синтаксическая однородность могла бы остаться незамеченной. Ср. еще примеры: «И порт, и окрестные берега веют *музейной и тонкой тишиной*» (Приазовье), «*Стояла ледяная и горькая осень*» (Блisterающие облака), «*Равнодушно и величественно* заиграли над головой куранты» (Далекие годы) и др.

Иногда использование разных по смыслу однородных членов несколько осложняется. Так, в примере «Воскресли кровавые времена „уманской резни“, засвистели пашки, срубая головки чертополоха и человеческие головы» (Начало неведомого века) осложнение состоит в столкновении разных по смыслу однокоренных слов *головки* и *головы*. В предложении «Из окон редакции газеты „Морик“ были видны желтые мачты в порту и вереницы стариков, сидевших вдоль набережной с гигантскими бамбуковыми удочками» (Слава боцмана Миронова) сведение в один ряд однородных членов — *мачт* и *стариков* — поддерживается такой деталью, как «гигантские бамбуковые удочки». Благодаря этому возникает ироническое сопоставление кораблей с желтыми мачтами, с одной стороны, и стариков — с бамбуковыми (следовательно — тоже желтыми) удочками, с другой.

Иногда у Паустовского встречаются конструкции, по общему содержанию близкие к рассмотренным сочинительным сочетаниям, но оформленные подчинительной связью с помощью слов *вместе с*, *с*. Так, предложным сочетанием *вместе с* сводятся в один ряд слова *воздух* и *крик* в примере: «В пол-

день трюм открыли. Гнилой *воздух* вырвался оттуда *вместе* с испуганным криком грузина...» (Кара-Бугаз). Ср. еще: «Но слухи были не только смехотворные, но и грозные. Они *врывались* в город *вместе* с буйным северным ветром из Херсонских степей» (Начало неведомого века); «Адмирал, не глядя на Шестакова, сказал, пережевывая слова *вместе* с мундштуком трубы» (Тост); «Шустрый удивленно повернулся, ткнулся лицом в стенку окопа, выплюнул *с кровью* последнюю матерщину и сполз в глинистую лужу...» (Начало неведомого века) и т. п.

●

Рассмотренный стилистический прием известен в русской классической литературе XIX — XX веков. Соединение в группе однородных членов различных и даже противоположных по смыслу слов встречаем в прозе Пушкина и Лермонтова, в произведениях Гоголя, Тургенева, Л. Толстого, Лескова, Достоевского, Чехова, Куприна и М. Горького. Но ни у кого из них этот прием не используется так часто. Вместе с тем творчество Паустовского отличается необычайным смысловым многообразием в объединении разнородных понятий. Особенно заметно это в сочетаниях с одновременной реализацией общеязыковых и индивидуальных употреблений слов.

Единичные примеры рассматриваемого приема находим в прозе Пушкина, Лермонтова, Гоголя. У этих писателей в сочетаниях однородных членов реализуются только общеязыковые употребления слова. Значительно чаще конструкции с различными по значению однородными членами встречаются у Тургенева, Л. Толстого, Лескова, Достоевского, Чехова, Куприна и М. Горького.

При этом у Лескова и Тургенева также находим преимущественно случаи реализации общеязыковых употреблений слов. У Лескова: «...я и не подозревал *вовсе* существования такого странного зверя в пределах нашей черноземной полосы, *изобилующей хлебом, нищими и ворами*» (Овцебык). У Тургенева: «...кликнул свою собаку Эсперанс, подаренную ему кузиной, *старой девицей с отличным сердцем, но без волос*» (Смерть); «Половой этот... *носил подмышкой салфетку и множество угрей на щеках*» (Странная история).

В произведениях Достоевского и Куприна примерно в равной мере наблюдаются и случаи реализации только общеязыковых употреблений слов и комбинации с общеязыковыми и индивидуальными их употреблениями. Вот примеры из произведений Достоевского: «*Подруг* у ней никогда *не бывало, ума тоже*» (Скверный анекдот); «...Некто Толкаченко... *щеголявший между нами дурным платьем, смазными сапогами, прищуренно-хитрым видом и народными фразами с завитком*» (Бесы); «...жила бы там тридцать лет, *питаясь кореньями, восторгами и видениями*», «...эссенция блинов, жирных кулебяк, *вечернего самовара, тихих воздыханий и теплых кацавеек, накопленных лежанок...*» (Преступление и наказание). У Куприна: «Между тюлевыми занавесками, *подхваченными синими бантами, висела клетка с породистым голосистым канарем, который пожимил дьями, купаясь в солнечном свете и фарфоровом корытце, распевал пронзительно и самозабвенно*» (Звезда Соломона); «Тогда во всем господствовало однообразие и равенство направо.

Все равнялись: люди, лошади, будки, аббаты, студенты, фонари и улицы» (Царский писарь).

В использовании конструкций с сочинительными элементами творческая манера Паустовского ближе всего к речевой практике Л. Толстого и М. Горького: у обоих этих писателей явно преобладают сочетания с одновременной реализацией общеязыковых и индивидуальных употреблений слов. Например, у Л. Толстого: «Мы жили с ним точно чужие в этом большом старом доме, в котором над всем стоял строгий дух старины и Татьяны Семеновны» (Семейное счастье); «Потом начались тосты за Барятинского, за Воронцова, за офицеров, за солдат, и гости вышли от обеда *опьяненные и выпитым сином и военным восторгом...*» (Хаджи-Мурат). У М. Горького довольно часто наблюдаются весьма смелые и свежие соединения обычных и метафорических употреблений слов. Именно это составляет одну из оригинальнейших особенностей и творческой манеры Паустовского. См., например, употребление слов *веяло* и *звук* у Горького: «После чая — летом — дети отправлялись в густой, огромный сад, спускавшийся в овраг, на дне которого всегда было темно. Оттуда *веяло сыростью и чем-то жутким*», «Странный *звук* подплывал все ближе и рос в своей силе, *рыдал и таял* в черной тьме» (Фома Гордеев).

Однако в отличие от Л. Толстого и М. Горького у Паустовского мы видим обилие контрастных по своему содержанию, нередко парадоксальных соединений слов, особенно с игрой на общеязыковых и метафорических употреблениях слова, что и составляет одну из существенных особенностей стиля Паустовского.

В. П. КОВАЛЕВ
Херсон

РТУТНЫЙ СТОЛБИК

«Мороз был по-архангельски крепок: ртутный столбик термометра опустился ниже тридцати» (Ник. Кривенко. Костер в лесу. — «Известия», 17 марта 1965).

Бедный ртутный столбик! Какие фокусы только не заставляют его выделять журналисты! Он опускается и до пятидесяти, и даже до семидесяти градусов в ежедневных сводках погоды только потому, что такая манера выражаться кажется

некоторым изящной. Но, увы, эти некоторые и не подозревают, что такое выражение элементарно безграмотно. Ведь ртутными термометрами измеряют температуру человеческого тела под мышкой, а уличные и комнатные термометры — спиртовые. Но это мелочь, скажут некоторые, не все ли равно, ртуть или спирт. Оказывается, вовсе не все равно. Дело в том, что ртуть — особый, своеобразный материал, находящийся при комнатной температуре в жидком (рас-

плавленном) состоянии, застывает (кристаллизуется) при -38° , 87° С. Именно поэтому ртуть непригодна для изготовления термометров, рассчитанных на большие морозы.

Русский язык богат и гибок: «Был сильный мороз; Было 30 градусов мороза; Мороз усиливался; Температура понизилась; Было ниже тридцати градусов...». Да мало ли как можно еще сказать, не прибегая к помощи пресловутого ртутного столбика!

А. В. Супранская

Культура речи

1

Их нет в словарях

Когда нужно образовать существительное со значением качества, качественного состояния, отвлеченного признака вообще, чаще всего используется суффикс *-ость*. Такие существительные обыкновенно производятся от качественных прилагательных или качественно-относительных в их качественных значениях. Слова на *-ость* достаточно полно представлены в толковых словарях, то есть они существуют как языковые единицы.

Однако всех существительных с суффиксом *-ость*, имеющих качественное значение, в словарях нет, да и быть не может: ведь суффикс очень употребителен или, как говорят лингвисты, он обладает высокой продуктивностью.

В этой статье речь пойдет о словах, которые пока не включены в словари, но вполне заслуживают официального признания. Чтобы слово можно было включить в словарь, оно должно, во-первых, достаточно широко использоваться авторитетными носителями языка, и, во-вторых, его строение должно соответствовать словообразовательной норме. Единичные случаи употребления того или иного существительного не дают основания считать его реальной лексической единицей. Такие слова — всего лишь индивидуальные образования (окказионализмы). Например:

Озаренность, счастливость,
врачеванье свободой,
первобытная слитность
человека с природой.

Урин. Озаренность

«Шутливость таких скороговорок облегчает их запоминаемость, *ходовитость*» (Асеев. Жизнь слова); «Теперь многое зависит от инициативы и *радивости* начальников шахт» (Пантелеев. Ночная смена. — «Известия», 13 ноября 1959).

Еще более случайны существительные, произведенные от основ прилагательных, сама структура которых не способствует такому образованию. Сюда можно, например, отнести существительные на *-скость* (словари приводят лишь слова *детскость*, *светскость*, *старосветскость*), *-енькость* и некоторые другие: «Какая-то грусть — может быть, от неумелости, от *интеллигентскости*, от разных языков» (Блок. Дневник 1918 года, 18 января); «Мы понимаем первоначальные намерения авторов. Может, оно и лучше от бело-розовых лент, от фильмов „добреньких“ и бездушных в своей „добренькости“ перейти к симпатиям и антипатиям, выраженным без „будьте добры, пожа-

луйста» (Орлов. Вызывает возражения...— «Литературная газета, 15 мая 1968).

На фоне этих индивидуальных образований реальность приводимых нами существительных особенно ощутима.

Бесстрастность: «Под внешней бесстрастностью дневниковых записей Л. Н. Рубинштейна мы ощущаем стойкость и мужество физически слабого, больного человека, степень его волевого превосходства над врагами» (Довлатов.— «Нева», 1967, № 10); «Впоследствии сам Киш — замечательный журналист — далеко выходит за рамки предписанной бесстрастности» (Краммов. Литературные портреты. Джон Рид); «Он хотел убить этого желтого предателя без глаз, с его страшной бесстрастностью и желваками на скулах» (Лидин. Изгнание); «Но это кажущаяся бесстрастность. Диагноз все-таки ставится» (Сидоров. Мне тридцать лет.— «Юность», 1967, № 9).

Бездумность: «Но не боюсь смотреть в упор, В душе — бездумность и беспечность» (Блок. Песенка); «На сцене азбука применяется актером в той же бездумности, в какой официант накрывает стол» (Федин. Костер); «Пора поэтической бездумности, обильных цитаций из других поэтов (без ссылок на них) слишком затянулась у Поперечного» («Новый мир», 1965, № 10); «Думается, что стихийность, бездумность и драчливость никак не могут быть названы ведущими чертами главного героя нашего времени» («Новый мир», 1964, № 12).

Всеядность: «Мешала этому всеядность читателя, — всеядность, которую он и наиболее красноречивые критики именовали „широтой мировоззрения“» (М. Горький. О прозе); «Всеядность читателя делала его многоликим и как материал непонятым, неуловимым для писателя...» (там же); «Повторяю: на пути к зрелости у поэта стоит барьер — злостная переимчивость, всеядность, невнятность своей особой стиховой поступи, своего почерка...» (Л. Озеров.— «Вопросы литературы», 1968, № 2); «Находятся люди, которые забывают о партийности литературы, под видом рая за творческое многообразие зовут к всеядности и всепрощению» (передовая. «Литературная газета», 8 мая 1956).

Лиловость: «Можно написать, как это разноцветное горение сочетается с синевой, желтизной, розовостью, лиловостью и белизной луговых цветов...» (Солоухин. Капля росы); «Жирная, слипшаяся прядь, свисавшая на лоб, показалась ей ядовитого зеленого оттенка, переходящего в ту самую лиловость, в которой запомнился ей гиблый карась» (Леонов. Соть); «Она с новым интересом пригляделась к Минаеву, к его смелым, резким движениям, напряженному, узкоглазому лицу с темным, в лиловость, румянцем на смугловатых щеках» (Нагибин. Дети лепят из снега).

Хамоватость: «Серость и хамоватость придворных Муравьева (г. Лесневский)» (Блок. Дневник 1917 года, 2 августа); «Где-то позади добродушия, почти всегда несколько наигранного, россияне скрывают нечто, напоминающее хамоватость» (М. Горький. В. Г. Короленко); «Хирург скупко похвалил: „Терпеливый парень попался...“ Он это произнес при девушке, и Федор простил ему хамоватость» (Тендряков. Свидание с Нефертити); «В его манерах появилась та хамоватость, которая у провинциальных дам считается признаком хорошего общества» (Гнедич. [Фельетон].— «Новое время», 1898, № 7955).

Претендовать на включение в словарь могут, по-видимому и такие слова (они тоже весьма часто употребляются в печатных изданиях):

безлюдность	зеленоватость
белесость	камерность
беллетристичность	классичность
бескрайность	мастеровитость
бесплотность	мелкотравчатость
боевитость	многозвучность
взрослость	многоцветность
вслеречивость	огненность
вороватость	однозвучность
гневность	отвратность
дискуссионность	панегиричность
душистость	разноликость
жалкость	резковатость
заумность	салонность

Эти существительные — по преимуществу книжные образования.

В. Д. ПЯТНИЦКИЙ,
аспирант МГПИ имени В. И. Ленина

2

Производные слова

О статье В. Д. Пятницкого

Слово — это самостоятельный элемент в материальной части языка, в его «составе»; своего рода особь, индивид со своей судьбой, во многом независимой, определяемой его прямым соотношением с тем кусочком действительности, с тем предметом или понятием, представителем которого в нашем сознании оно является. Но слово вместе с тем — и часть общей языковой структуры, оно связано разными отношениями, в том числе и грамматическими, формальными, с другими словами, другими отдельными «клеточками» языка.

Оба эти момента — смысловой определенности и самостоятельности слова и формально-грамматической его соотнесенности, структурной зависимости и относительности отдельных слов — тесно слетаются и как бы переходят один в другой. Характерно во всяком случае, что степень независимости, смысловой конкрет-

ности, с одной стороны, и формальной зависимости, простой соотнесенности слов, с другой, может для отдельных слов и целых их разрядов быть различной.

Обширный разряд существительных на *-ость*, образованных от прилагательных и имеющих прежде всего общее значение свойства, качества, представляемого как бы отдельно от предмета, наглядно это показывает. Такие существительные «формальны» уже потому, что легко и свободно, по определенному шаблону образуются от соответствующих прилагательных. В сущности, чтобы образовать новое существительное в этом чрезвычайно обширном и принципиально неограниченном, незамкнутом ряду, достаточно двух условий: 1) прилагательное, от которого оно произведено, должно иметь (или в особых условиях получить) качественное значение и 2) иметь возможность в соответствующем рече-

вом контексте рассматривать качество или свойство того или иного рода «предметно», то есть в свою очередь приписать ему различные качества или свойства.

Среди примеров, приводимых В. Д. Пятицким, есть один, который отчетливо показывает механизм образования таких слов. «Мы понимаем,— говорится в одной из статей „Литературной газеты“,— первоначальные намерения авторов. Может, оно и лучше от бело-розовых лент, от фильмов „добреньких“ и бездумных в своей „добренности“ перейти к симпатиям и антипатиям без „будьте добры, пожалуйста“». Для чего понадобилось «изобретение» такого довольно неуклюжего и необычного существительного? Только для того, чтобы рассматривать это «свойство», приписанное некоторым фильмам (фильмы «добренькие»), как предмет сам по себе, как продукт определенного свойства и вместе с тем как источник и носитель других свойств и качеств, этим свойством порожденных (бездушные в своей «добренности»).

Если взглянуть на образование существительных с суффиксом *-ость* исторически, то можно отметить, что на протяжении последних столетий их количество увеличивается в русском языке. Особенно велика продуктивность суффикса *-ость* в XVIII—XIX веках, она продолжает оставаться столь же сильной и в наше время. Можно удивляться не тому, как свободно образуются эти существительные в языке нового времени и как легко они, явившись нередко по случаю, в очень специфических условиях predisposing к их образованию речевого контекста, закрепляются в общем употреблении и становятся обычными словами. Скорее можно поражаться относительно

немногочисленным случаям, когда некоторые из таких образований, уже существовавшие в языке, вышли, несмотря на их «естественность», из употребления.

Этому могла содействовать только очень сильная конкуренция со стороны однозначительных существительных иного образования, прочно закрепившихся в языке. Так исчезло сейчас существительное *белость* (довольно употребительное в языке XVIII века), потому что было другое, более раннее образование с тем же значением — *белизна*. По тем же причинам не образовались или не удержались в языке и такие формы, как *правость* (ср. *правога*), *слепость* (ср. *слепота*), *красность* (ср. *красота*) и т. п.; ср., впрочем, *глухость* (глухость выстрела), размежевавшееся по значению с более сильным своим соперником *глухота*.

Существующие словари далеко не исчерпывают всего круга таких легко возникающих, вполне возможных и даже достаточно распространенных и обычных образований именно в силу часто формального их характера. В самом деле, эти существительные делятся, по своей значимости или, если угодно, по лексической значимости, на два вида. Одни из них наделены или постепенно приобретают за время их жизни в языке особое самостоятельное значение. Они могут быть употреблены «абсолютивно», как говорят лингвисты, то есть независимо, сами по себе, вне обязательных сочетаний с другими словами и сохраняют при этом свой особый смысл, являются своего рода терминами. Таковы, например: промышленность, действительность, реальность, народность, художественность, партийность и т. д. В своей строгой терминологичности эти слова иногда становятся настолько зна-

чимыми, важными в смысловом отношении, что могут даже занять господствующее положение в соответствующем гнезде слов, подчиняя себе по смыслу и то слово, от которого они произведены.

Очень выразительный пример такой смысловой и вместе с тем словообразовательной трансформации дает история существительного *промышленность*. Оно, как известно, было образовано Н. М. Карамзиным (впервые появилось в «Письмах русского путешественника», 1791), понравилось современникам и быстро вошло в общее употребление. Первоначальное его значение было в большой степени формально; словари XIX века определяли его соответственно как 'свойство промышленного (человека)', либо как 'занятие каким-либо промыслом или рукоделием'. Смысловые связи со значением глагола *промышлять* и входящего в систему форм этого глагола причастия *промышленный* были явственными и непосредственными.

Но с течением времени популярное слово получило свой особый, очень специфический и точно терминированный смысл. Оно означает теперь прежде всего определенную отрасль народного хозяйства со всеми характерными для нее признаками; с ним связано представление о совокупности предприятий по добыче определенного рода сырья, извлекаемого из недр земли и т. д., и особенно по переработке сырых продуктов; с представлением о промышленности тесно связано понятие механизации, широкого разделения труда и т. п. Теперь уже просто невозможно сказать: «Промышленность этого человека поражает», как еще было можно выразить идею о предприимчивости кого-либо на первых порах существования слова. Прямым следствием раз-

ртия этого абсолютивного (независимого) значения явилось то, что слово *промышленность* стало очень весомым и сильным и из рядового члена гнезда от глагола *промышлять* превратилось в главу своего особого гнезда слова (промышленный, промышленник и т. п.).

Действительно, слово *промышленный*, от которого было произведено существительное *промышленность*, теперь по смыслу зависит от своего производного, стало прилагательным при нем. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года *промышленный* определялось так: «Причастие страдательное глагола *промышлять*»; в современных словарях оно определяется иначе: «Прилагательное к *промышленность*».

Но среди существительных с суффиксом *-ость* несравненно больше таких, которые самостоятельного значения не имеют, употребляются лишь в составе сочетаний и могут быть определены самым общим образом: «свойство (или качество) по значению такого-то прилагательного»: бледность — 'свойство бледного', выпуклость — 'свойство выпуклого', сомнительность — 'свойство сомнительного' и т. д. и т. п.

В таких словах мало своего «личного», лексического; в них проступает та сильная степень абстрактности значения, которая так характерна для грамматических форм слова. Это не формы слова в собственном смысле этого термина; в них есть особое лексическое содержание, но последнее целиком определяется и ограничивается значением соответствующего прилагательного, а отличия от этого прилагательного сводятся в сущности к форме, к особой синтаксической роли слова: из о п р е д е л е н и я выражение свойства предмета стало о п р е д е л я е м ы м.

Понятно, что при такой пестроте состава этого почти безграничного ряда слов, при такой формальности и зависимости многих из них, при такой легкой и неожиданной возможности образовать почти от любого прилагательного, нелегко их все включить в словарь языка, даже самый полный по составу. Таких слов очень много и найти наиболее существенные единицы среди них не так просто; трудно отделить обычное и устойчивое от «окаzionaleного», мимолетного, явившегося только для данного случая. Конечно, эта проблема не стоит перед лексикографом в отношении слов первой группы, то есть получивших конкретное значение, ставших своего рода терминами. Все они даны в словаре.

Но в отношении существительных на *-ость* с чисто формальным определением ни в одном из вышедших до сих пор словарей русского языка нет сколько-нибудь заметной последовательности. В. Д. Пятницкий приводит список таких существительных (этот список можно было бы значительно увеличить), которые вполне обычны для современного употребления, встречаются в речи довольно часто и которые тем не менее не попали еще до сих пор ни в один словарь, даже в большой семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», хотя многие им подобные находятся в этих словарях на своих местах.

В самом деле, почему исчезло из наших словарей существительное *безлюдность* (оно было в Словаре 1847 года, Словаре В. И. Даля, академическом Словаре русского языка 1891 года)? Разве оно вышло из употребления? Нет. Оно до сих пор является живым спутником и синонимом другого образования: *безлюдье*. Такая же история приключилась и с

существительными *бескрайность*, *беспорность* и некоторыми другими. Они исчезли из словарей, не уйдя, однако, из языкового употребления. Действительно, почему не включены до сих пор в словарь не вчера появившиеся и такие очень привычные и нужные слова, как *бездумность*, *бесстрастность*, *беллетристичность*, *боевитость* (впрочем, в наших словарях не найдем, к нашему удивлению, и прилагательного *боевитый*, столь характерного для прессы, речей и разных общественно-политических документов последних десятилетий), *дискуссионность* и т. д.? Они тоже приводятся в списке В. Д. Пятницкого, который дает также убедительные доказательства их употребительности в языке современной прессы и литературы. А между прочим, в тех же современных словарях специально отмечены такие слова, как *бесперспективность*, *бесправность*, *беспредельность*, *беспредметность* и т. п. Причем, естественно, что они выступают в них также лишь с очень общим формальным определением: «свойство по значению прилагательного *бесперспективный*» и т. п., нередко без цитат-иллюстраций. Словом, они ничуть не лучше и не хуже тех «не включенных», ничуть не обычнее, не «нормальнее» последних, не употребительнее их.

В этом проявляется известный прои́звол словарей, впрочем не столь уж тягостный и страшный (не будем преувеличивать!), так как все это слова, не нуждающиеся в особом истолковании, легко схватываемые и понимаемые. Их следует включать лишь для того, чтобы показать, что они не только возможны, но и есть, существуют, что они обычные члены обширного нашего словарного инвентаря.

Я думаю, что можно вполне согла-

ситься с пожеланием автора статьи, чтобы и эти слова тоже были включены в общую опись лексических материалов, какой являются все наши нередко многотомные словари. Можно согласиться и с критериями, предлагаемыми В. Д. Пятницким для отбора слов подобного рода. Если они вполне нормальны по своему образованию, если их употребительность подкреплена рядом примеров из современной прессы и литературы, их нельзя не замечать и игнорировать.

Однако нужно принимать во внимание также их особое положение среди других слов, полную смысловую зависимость от соответствующих прилагательных, явную вторичность и несамостоятельность. Сказать о них, кроме чисто формальной отписки («свойство по значению...»), часто нечего.

В нашей лексикографии за последние годы прочно утвердился принцип чисто алфавитной инвентаризации отдельных слов. Попытки строить словарь по принципу широкого гнездования родственных по происхождению слов, которые неоднократно в прошлом имели место (в первом издании Словаря Академии Российской, 1789—1794; в Словаре В. И. Даля; в первых трех томах семнадцатитомного Словаря), не приводили к желаемым результатам. Трудности и для составителей и тем более для читателей этих словарей оказывались часто непреодолимыми, а ошибки, вольные или невольные, в расположении материалов значительными.

Но для ряда очевидных случаев принцип «малого», ограниченного гнездования следовало бы в словарях оставить. Это было бы практично, технически удобно и теоретически правильно. (Такой прием был отчасти использован в одготомном Словаре С. И. Ожегова.)

Сюда, безусловно, относятся и те многочисленные существительные на *-ость*, которые, как сказано, имеют только формальное значение, тесно примыкая к своим непосредственным родителям — качественным или качественно-относительным прилагательным. Их судьбу могли бы разделить и наречия при соответствующих прилагательных (что также делалось уже в словарях), и многие отглагольные существительные на *-ние* с общим значением действия или состояния при соответствующих глаголах. Такое ограниченное гнездование слов дало бы возможность шире и последовательнее показывать в словарях и уменьшительные и увеличительные образования существительных (столик, столнце; лапка, лапочка, лапища и т. д.) и эмоционально-экспрессивные образования от прилагательных (беленький, белехонек, белешенок и т. п.), которые лишь от случая к случаю появляются в наших словарях как отдельные слова. Они действительно больше похожи на специфические формы слов, но в отношении именно их у читателей так часто возникают вопросы: как они образуются? как разграничиваются и соотносятся между собой в семантико-стилистическом отношении?

В этом смысле частная и ограниченная по ближайшим целям статья В. Д. Пятницкого вновь возвращает нас к тем нерешенным вопросам, которые давно уже стоят перед нашей лексикологией и лексикографией. Они имеют и принципиально теоретический интерес и практическое значение.

Доктор филологических наук
Ю. С. СОРОКИН,
зав. словарным сектором
Института русского языка АН СССР

ПОВЕСТКА ДНЯ

Вопросы, подлежащие обсуждению на каком-нибудь собрании, обозначаются установившимся термином *повестка дня*. Впрочем, первая часть этого сочетания — *повестка* — сравнительно недавнего происхождения. Если просмотреть периодическую печать за последние несколько десятков лет (мы имеем в виду советский период), то увидим, что подобное извещение гласило: *порядок дня*. Но поскольку последовательность вопросов, намеченных к рассмотрению, могла в процессе заседания изменяться, то, чтобы не предрешать обязательно очередность, появился другой термин — *повестка дня*. Иногда встречается и более многословное выражение — *повестка дня заседания*. Но сколько бы времени ни длилось заседание и как бы оно ни называлось (конференция, съезд, форум, симпозиум), слово *день* остается неприкосновенным. Если же заведомо известно, что совещание продлится больше одного дня, то слово *день* в выражении *повестка дня* не только лишнее, но и явно неуместное.

Откуда появился здесь *день*? Перед нами неправильный перевод стандартного немецкого *Tages Ordnung* — вот почему раньше и писали не *повестка*, а *порядок дня*. Немецкое *Tag* соответствует русскому 'день', но оно имеет и другое, более редкое значение — 'заседание', 'совет', и выражение *Tages Ordnung* следовало понимать как 'порядок заседания', а не 'порядок дня'.

Ведь такие слова, как *рейхстаг*, *ландтаг*, *бундестаг* имеют значение 'Государственное совещание', 'Государственный совет', 'Местный совет', 'Совет союза', а уж никак не 'государственный день' не 'местный день' и не 'союзный день'. Интересно отметить, что в «Известиях» (29 августа 1968) в статье «Визит к южнокорейским марионеткам» читаем: «...В газетах не упоминается о характере вопросов, которые находятся в повестке дня», а несколько ниже: «Визит в Сеул... совпал по времени с предложениями 11 стран... о включении в повестку приближающейся XXIII сессии Генеральной Ассамблеи... вопроса „о выводе американских и всех других войск, оккупирующих под флагом ООН Южную Корею“». Никакого *дня* уже нет. Пора в русском языке в официальных сообщениях отказаться от лишнего *дня*, ограничиваясь *повесткой заседания* (совещания и т. п.).

ЛЮБЕЗНЕЙШИЙ, ТЫ НЕ В СВОЕЙ ТАРЕЛКЕ

С такими словами, как известно, Фамусов обратился к Чацкому, услышав разговоры о его сумасшествии. А Чацкий, по-видимому, несколько не удивился, что он в тарелке (да еще и в чужой!), а не в миске, не в чашке и не в какой-то иной посудине.

Возможно, что это выражение бытовало у нас еще в конце XVIII века, в ходу оно было в XIX веке, а более широкое распространение получило, может быть, даже с легкой руки Фамусова.

Здесь неправильный перевод с французского — «Etre dans son assiette» (Быть в своем обычном положении) — никаких недоумений не вызывает.

Этимологически слово *assiette* связано с глаголом *s'asseoir* 'садиться' и воспринимается как 'посадка', 'положение' (нередко по отношению к всаднику, сидящему верхом на лошади). Выражение «N'être pas dans son assiette» значит 'чувствовать себя неловко, неудобно'. Но слово *assiette* имеет и другое, более распространенное значение — 'тарелка'. Поэтому, когда француз говорит своему собеседнику: «Tu n'es pas dans ton assiette», это вполне можно понимать как шутивное 'Ты не в своей тарелке'. В обычной разговорной речи, конечно, это так и воспринимается.

ГОРА РОДИЛА МЫШЬ

Метафора ясная и особых разъяснений не требует. Источник этого афоризма — «Ars poetica» Горация, где стих 139 читается так: «Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus» (Рожают горы, родится смешной мышонок). В этом стихе, взятом вне контекста, *montes* 'горы' служит подлежащим, а сказуемое *parturiunt* 'рожают' имеет непреходное значение. Такое понимание допустимо, и, по-видимому, именно этот смысл стиха 139 понравился и получил широкое распространение. По крайней мере, Плутарх, писавший лет сто спустя после Горация, не только приводит это выражение «Ὀδινειν βρος (единственное число) εἰτα μυῖα ἀποτεκεῖν» (Тяжкими родовыми болями мучилась гора, а родила мышь), но и дает понять, что оно стало ходячим, поскольку Плутарх называет его *mythologumenon*. Но почему же у Горация в качестве роженицы выступает не *mons* 'гора', а *montes* 'горы'?

Оказывается, что смысл этого стиха и грамматическая конструкция иные: *montes* — не подлежащее, а прямое дополнение, зависящее от *parturiunt* (в переходном значении). Как видно из предыдущих стихов 136—138, Гораций имеет в виду писателей, которые *parturiunt montes* (беременны горами, собираются родить горы), то есть хотят создать какое-то монументальное произведение, а в конце концов тяжкие муки творчества разрешаются появлением на свет ничтожно мелкой вещи. При правильном понимании грамматической конструкции стиха 139 (где подлежащее подразумевается — писатели, а *montes* — прямое дополнение) данный выше перевод 'рожают горы, родится смешной мышонок' получает то значение, которое имел в виду Гораций. Но поскольку *montes*, как и русское *горы*, может быть и именительным и винительным падежом, афоризм Горация, допускающий оба перевода, естественно, воспринимался слушателями и читателями в более легкой конструкции и в таком виде был использован многими писателями, в том числе и русскими (Герценом, Салтыковым-Щедриным и др.).

Дмитриев и Фет, переводившие Горация, правильно поняли смысл стиха 139, что видно из их перевода стихов 136—138, но все-таки дали неточный и неудачный перевод, сделав *montes* субъектом. Дмитриев:

Бойся начать как циклический прежних времен стихотворец:
«Участь Приама пою и войну достославную Трои!»
Чем обещанье исполнить, разинувши рот столь широко?
Мучило гору, а что родилось? Смешной лишь мышонок!
Лучше сто крат, кто не хочет пачать не по силам!

Фет:

Не начинай ты так, как поэт киклический начал.

«Участь Приама пою и войну достославную Трои!»

Чем же хвастун оправдает такой притязательный возглас?

Горы томятся родами, а мышь смешная родится.

Вместо «Мучило гору...» и «Горы томятся родами» правильно было бы «Горы хочешь родить» В этом случае мысль первоисточника была бы передана без всяких искажений.

ЗЛОБА ДНЯ

И в литературном и в живом разговорном языке у нас нередко встречается выражение *злоба дня*, соответствующее по смыслу интересам текущего момента. Но при чем тут *злоба*? Почему же интересы, которые могут быть весьма важными, привлекательными, прекрасными, относящимися и к общественной жизни, и к науке, и к искусству, оказываются понятием отрицательного характера? И здесь перед нами неточный перевод с древнегреческого. Подлинный греческий текст в евангелии «Arketon tēi hēmerai kakia autēs» был переведен на старославянский язык так: «Довлеет дневи злоба его», то есть для данного дня достаточно своих неприятностей, трудностей, забот. В каноническом русском тексте евангелия это место переведено более точно: «Довольно для каждого дня своей заботы». Как видим, никакой «злости» нет.

Дело в том, что греческое *kakia* имеет чрезвычайно широкое значение, обобщающее все нехорошее (ср. *какофония* 'неприятное сочетание звуков') и в зависимости от контекста может обозначать различные понятия негативного характера: и негодность, и порочность, и неприятность, и неприязнь и т. п. Переводчики с греческого крайне неудачно воспользовались словом *злоба*, а любители щегольнуть цитатами на старославянском языке пустили в оборот *злобу дня* скорее всего сначала в шутовском значении, а потом это выражение приобрело устойчивый характер с переосмыслением слова *злоба*. Впрочем, в настоящее время в печати гораздо чаще встречается правильное *темы дня*, а не *злоба дня*, хотя прилагательное *злободневный* сохраняется.

Профессор МГУ

А. Н. ПОПОВ

4

Нормативны ли многочленные словосочетания?

Многочленные конструкции, использующиеся в современном русском языке, нередко кажутся нам стилистически неуклюжими. Однако они употребляются достаточно широко, особенно в языке научной литературы и деловой документации (юридической, дипломатической).

О. А. Лаптева справедливо отмечает активное использование многочленных конструкций с последовательным наизыванием родительного падежа в научном языке (сб. «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966).

Причем употребительны не одни

только цепочки родительного падежа. Часто встречаются и другие многочленные структуры: «В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству [здесь и далее разрядка наша.— Л. Ш.], уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло *извращение* марксизма и полное опощение его» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 33, стр. 103); «Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства» (там же, стр. 83); «Главное преимущество исследований Котса, которое по праву ставит его работу во главе учения об изменении силы сердечного сокращения под нервным влиянием,— это вполне совершенная методика» (И. П. Павлов.— Полное собрание сочинений. Т. 1): «Переход работника в другое предприятие по распоряжению администрации не превышает указанного двухлетнего срока» («Сборник законодательных актов о труде». М., 1965); «Если ликвидация организации начата независимо от возбуждения в суде дела о несостоятельности, кредиторы организации, а также органы, указанные в ст. 420, сохраняют право обратиться в суд с заявлением о признании организации несостоятельной со всеми последствиями, установленными правилами настоящей главы» («Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». М., 1960).

Многочленные конструкции состоят из существительных (иногда с согласованными определениями), связанных, как правило, посредством управления и выражающих определенные (в широком смысле) и объектные отношения. Чем же обусловлена распространенность таких словосочетаний в современном языке? На этот вопрос помогают ответить их некоторые особенности.

Очень часто в многочленные именные словосочетания входят отглагольные существительные, допускающие, а иногда требующие употребления управляемых слов. Эти конструкции нередко даже построены и

формируются на основе соответствующих им глагольных словосочетаний. Особенно они распространены в языке юридической литературы: «При подаче в суд ходатайства об учреждении мировой сделки правление организации-должника обязано представить мировое соглашение, а также заверенные его подписью баланс организации и список всех упомянутых в ст. 434 кредиторов с указанием их адресов и сумм задолженности...» («Гражданский процессуальный кодекс РСФСР». М., 1961), но: «подать в суд ходатайство об учреждении мировой сделки...» (с заменой приименного родительного объекта на винительный при переходном глаголе); «взыскание с работника имущественного ущерба» и «взыскать с работника имущественный ущерб»; «уклонение от исполнения судебного решения» и «уклониться от исполнения судебного решения»; «отказ в возбуждении уголовного дела» и «отказать в возбуждении уголовного дела»; «возбуждение в суде дела о несостоятельности» и «возбудить в суде дело о несостоятельности».

В состав многочленных конструкций часто входят термины, выраженные устойчивыми словосочетаниями, которые обычно представляют собой:

1) сочетания существительных и согласующихся с ними прилагательных (мировая сделка, заработная плата, уголовная ответственность, общественный контроль, солнечное сплетение, поджелудочная железа, брюшная полость, ускоряющие нервы, угловая скорость);

2) сочетания двух существительных, одно из которых управляет родительным падежом другого (органы дознания, мера пресечения, выслуга лет, техника безопасности, часть речи, категория состояния).

Развитие многочленных словосочетаний (с управлением как стержневой связью между словами) обусловлено, очевидно, действием некоторых языковых закономерностей. Теперь зачастую сочетания прилагательных с существительными перестают выражать определенные отношения: «Так, *зверская смерть* значило бы в современном языке 'же-

стокая» (зверское убийство, совершенное человеком), а не от зверя» (см.: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968, стр. 413—414). Отсюда и рост словосочетаний с управляющими и управляемыми компонентами. Этому также способствует широкое использование отглагольных существительных, допускающих или требующих управляемых слов, и увеличение числа устойчивых оборотов-терминов, построенных как подчинительные словосочетания.

Таким образом, нормативность употребления многочленных именных конструкций в языке научной литературы и деловой письменности несомненна. Однако это не относится к таким словосочетаниям, в которых чрезмерное обилие компонентов мешает восприятию всего оборота в целом, особенно в устном общении: публичных докладах, лекциях, сообщениях научно-популярного характера.

Л. Н. ШЕРДАКОВА
Ленинград

5

Зимой ~ зимою

Если кто-нибудь из наших знакомых говорит *зимою* вместо общепринятого в настоящее время *зимой*, мы, как правило, этого не замечаем. Однако нам покажется странной или даже грамматически неправильной фраза: «Я встретился с женщиной, *командовавшею* во время войны *пятою эскадрильею*». Почему же, с точки зрения современного носителя языка, выделенные словоформы кажутся неуместными, тогда как в ряде других случаев окончания *-ою* — *-ею* творительного единственного имен женского рода выглядят вполне приемлемо?

«Девушка побледнела, схватилась *рукою* за рот» (Нагибин. Погоня); «А как же хорош он *зимою*, на сверкающем белом фоне снегов» (Казаков. Голубое и зеленое); «...в узкой щели перед *собою* Литовченко не видел ничего» (Леонов. Взятие Великошумска); «Он пощупал убитых *мною* уток, потрогал ружье» («Мурзилка», 1967, № 6).

Развитие русского языка в последние два столетия характеризуется, в частности, интенсивным вытеснением двусложного окончания творительного падежа единственного числа имен женского рода *-ою* — *-ею*. Оно оставалось нормой вплоть до эпохи Карамзина, но в языке современников Пушкина все чаще и чаще заменялось односложным вариантом.

Чтобы определить характер борьбы вариантов *-ой* — *-ою* и *-ей* — *-ею*, потребовалось изучение большого количества литературных источников с конца XVIII века и до наших дней. Источники отбирались по четырем хронологическим отрезкам, каждый из которых равен примерно полувеку: первый — конец XVII — первая треть XIX века, второй — середина XIX века, третий — конец XIX — начало XX века; четвертый — советский период. Писатели распределены по периодам в зависимости от года рождения. Были взяты произведения наиболее выдающиеся, именно те, которые составляют сокровищницу русского языка. К первому периоду

отнесены Фонвизин, Пушкин, Крылов, Загоскин, Гоголь и др., ко второму — Гончаров, Тургенев, Л. Толстой и др.

С помощью статистического анализа собранных данных установлены определенные закономерности в развитии интересного для нас языкового явления. Объективным и необходимым следствием этого развития является состояние системы языка наших дней.

В первый период колебания, то есть использование обоих вариантов, в целом для литературного языка характеризуются как развивающийся процесс. Однако в разных речевых сферах он проходил неодинаково. Так, доля словоформ на *-ою* — *-ею* в научных и публицистических произведениях в среднем составляет 90,5 процента, а в языке художественной прозы — 59,2. Это вызвано, очевидно, тем обстоятельством, что в сознании носителя языка той поры двусложное окончание было закреплено в качестве нормы, и в строгом стиле книжной речи авторы в значительной степени сознательно избегали употребления его ненормированного варианта.

Несомненно также и то, что в разговорном языке окончание *-ой* — *-ей* было распространено уже достаточно широко, потому что почти все грамматисты, начиная с Ломоносова, отмечали факт существования этого варианта. Рассматривая речь сценических персонажей в пьесах Фонвизина, Крылова и Гоголя как максимальное приближение к разговорному языку, мы установили, что доля словоформ на *-ой* — *-ей* составляет в них 42,4 процента.

Своеобразно складывались отношения вариантов в поэтической речи. Любопытно, например, что в «Евгении Онегине» среди всех словоформ творительного единственного имен женского рода всего 30 процентов с окончанием *-ою* — *-ею*.

Сопоставление количественных характеристик убеждает в том, что тенденция к замене двусложного окончания односложным действовала достаточно определенно во всех художественных жанрах литературного языка уже в период, который мы условно считаем начальным (первый).

Художественная проза по сравнению с драматургией и поэзией представляется более нейтральной сферой языка. Поэтому при выявлении закономерностей в соотношении вариантов мы ограничимся материалами художественной прозы.

С помощью некоторых статистических приемов определены условия, которые регулировали процесс становления новой языковой традиции. Основная особенность этого процесса в том, что он проходил в разном темпе в пределах трех грамматических категорий: местоимений, существительных и прилагательных. Для первого периода соотношения таковы:

Таблица 1

Грамматическая категория	Доля словоформ (в процентах)	
	<i>-ою</i> — <i>-ею</i>	<i>-ой</i> — <i>-ей</i>
Местоимения	66,6	33,4
Существительные	58,1	41,9
Прилагательные	54	46

Местоимения наиболее стойко сохраняли традиционную норму. Важно отметить также, что уже в первый период внутри местоимений произошло размежевание: доли словоформ на *-ою* — *-ею* у местоименных существительных и местоименных прилагательных существенно различались (данные соответственно: 73 и 52,8 процента). Значит, наиболее «стойкими» в борьбе со своими конкурентами оказались словоформы: мною, тобою, собою, с нею. Эта особенность является постоянной характеристикой исследуемого процесса.

В то же время жанровая закрепленность вариантов на *-ою* — *-ею* теряет силу по мере их вытеснения. В первый период, когда варьирование только развивалось, господствующими оставались требования жанра. В таблице 2 показано распределение форм на *-ою* — *-ею* по трем жанровым группам (в процентах).

Таблица 2

Авторы	Нехудожественная проза	Художественная проза	Драматические произведения
Пушкин	82,8	69	—
Гоголь	—	67,8	47
Фонвизин	93,4	—	69
Крылов	95	—	60

Прочерк всюду в таблицах означает, что в выборку не вошли произведения автора в этом жанре.

Пушкин чаще употреблял двусложные окончания в «Истории Пугачева», чем в «Повестях Белкина», Гоголь — чаще в прозе, чем в пьесах, Фонвизин и Крылов — много чаще в литературно-публицистических статьях, чем в пьесах.

Иначе складывались условия варьирования на втором хронологическом отрезке.

Таблица 3

Авторы	Нехудожественная проза	Художественная проза	Драматические произведения
Писарев	98	—	—
Анненков	10,6	—	—
Гончаров	—	16,7	—
Тургенев	—	15,9	12,7
Чернышевский	—	96,8	—

Как видно из таблицы 3, Тургенев, например, одинаково редко использовал окончания *-ою* — *-ею* и в драматургии и в художественной прозе, а

различия авторских индивидуальностей в пределах одного жанра становятся чрезвычайно резкими. Такой размах колебаний, определившихся по существу индивидуальными склонностями автора, несомненно, свидетельствует о том, что в сознании носителей языка представление о норме к этому времени уже стерлось.

В языке писателей, которые отнесены нами к третьему периоду, авторская индивидуальность продолжает оставаться решающей, она заслоняет жанровые различия.

Т а б л и ц а 4

Авторы	Нехудожественная проза	Художественная проза	Драматические произведения
Чехов	—	19,1	20,2
Горький	—	9	12
Вересаев	55,2	59,6	—
Гаршин	58,5	50,8	—

В этот период во всех обследованных жанрах уже преобладают варианты с односложным окончанием, словоформы на *-ою* — *-ею* для нехудожественной прозы, художественной и драматических произведений составляют соответственно: 37,6; 27,4; 16,6 процента. Средние данные выявляют еще существующие жанровые различия. Однако в этот период они уже не так резки, как в первый.

Таким образом, варьирование как процесс, вызванный к жизни начавшимся сдвигом в норме, прошло стадию предельной амплитуды на втором этапе и, поменяв местами конкурентов, на третьем стало затухать.

В литературном языке нашего времени (количество обследованных текстов составляет 10 миллионов печатных знаков) варианты с двусложным окончанием очень редки: на 15 тысяч словоформ творительного единственного мы отметили всего 461 употребление окончания *-ою* — *-ею*, то есть примерно 3 процента. Нет ни одного прозаического литературного жанра, где можно было бы наблюдать их относительную концентрацию. По-видимому, следует признать если не ошибочной, то крайне неопределенной традиционную точку зрения, согласно которой употребление *-ою* — *-ею* ставится в зависимость от жанра или стиля (иногда эти окончания объявляются устаревшими, иногда рассматриваются как факультативные, а иногда — как употребляемые в поэзии или научной прозе).

В языке современной художественной прозы степень употребления словоформ на *-ою* — *-ею* может служить лишь признаком индивидуальной манеры автора. Например, у М. Булгакова они распространены (в романе «Мастер и Маргарита» доля их — 15,2 процента), у Л. Леонова и К. Федина встречаются довольно часто, а у их ровесников И. Эренбурга и К. Паустовского — единичны. Молодые писатели Д. Гранин и В. Аксенов тоже по-разному относятся к этим вариантам: первый их употребляет, второй почти нет (отмечено только местоимение *за мною* в рассказе «Дикой»).

Проведенный анализ показал, что двусложные окончания в современном языке закреплены за определенным кругом слов, которые до сих пор сохраняют способность выступать в такой форме вне всякой зависимости от жанровых условий. Это прежде всего местоименные существительные: *мною, тобою, собою, с нею*, которые по-прежнему «хранят верность» старой традиции, хотя и они сдают позиции под неуклонно возрастающим натиском конкурентов. Тем не менее среди 461 формы на *-ю* — *-ю*, которые отмечены нами в текстах последнего периода, 273 местоименных существительных, то есть больше половины. Остальные распределены так: 141 знаменательное существительное, 47 прилагательных, среди которых 22 местоименных, ни одного причастия. Подавляющее большинство существительных, употребляющихся в традиционной форме, трехсложные (в расчет принимается и сама форма на *-ю* — *-ю*), с ударением на окончании: порою, рукою, спиною, длиною, зимою, весною, зарею и др. Все знаменательные прилагательные и еще 37 существительных (большинство среди тех и других также с ударением на окончании) мы не считаем колеблющимися, потому что они встретились с таким окончанием по одному разу.

Если учесть, что в пределах этого склонения имен существительных с ударением на окончании всего 15,8 процента, то наши данные становятся весьма показательными: по сути дела варьируют до сих пор слово т о л ь к о определенной акцентно-слоговой характеристики.

Все сказанное как раз и объясняет, почему *рукою, зимою, порою, собою* (из примеров в начале нашей статьи) не останавливают на себе внимания, а причастие, порядковое числительное и существительное *эскадрильею* в специально составленной фразе звучат как безнадежно устаревшие. По существу это уже отклонения от современной нормы. Однако в грамматиках и учебных пособиях, в таблицах или в примерах, всегда можно найти и *молниею* и *лисьею*. Иными словами, реальный языковой факт не находит отражения в нормативах современного русского языка. Очевидно, именно поэтому А. А. Зализняк в своем последнем исследовании «Русское именное словоизменение» (М., 1967) окончания *-ю* — *-ю* признает всегда допустимыми наряду с окончаниями *-ой* — *-ей*. Словоформы-варианты творительного единственного оп определяет как типичные колебания, «которые характеризуют не отдельное слово или группу слов, а саму грамматическую форму или определенный аффикс, выражающий эту форму».

Вряд ли можно признать эту точку зрения правильной: окончания *-ю* — *-ю* отнюдь не всегда допустимы, и, скажем, словоформы *функциею, отражающею, неорганическою зимею* просто невозможны в современном речевом употреблении. Безусловно, в составленной нами фразе и последних примерах есть нарочитость: условия словосочетаемости, фонетический облик слова. Во многих случаях употребление двусложного окончания вместо общераспространенного односложного кажется вполне возможным. Однако этот факт не противоречит основным выводам статьи.

Л. П. КАТЛИНСКАЯ

Язык газеты

В № 5 за 1968 год редакция «Русской речи» объявила о намерении обсудить язык «Комсомольской правды», «Сельской жизни», «Труда», «Советской России». Под прицел читательского внимания были взяты номера с 1 по 15 декабря 1968 года.

Газета, по верному замечанию читателя Б. В. Федорова, — наш ежедневный собеседник. Поэтому мы вправе рассчитывать на то, что материалы в ней будут изложены правильным, хорошим русским языком. Однако наши читатели отдают себе отчет в том, сколь трудно дело журналиста-газетчика. Оперативность информации, необходимость в предельно сжатой форме отразить основные события дня порождают особые законы газетных жанров. И судить о языке прессы нужно, учитывая прежде всего именно эти объективные законы.

Нам приятно отметить, что читатели «Русской речи» верно поняли задачу обсуждения: помочь газете выявить и развить все хорошее и удачное в ее языковом оформлении и попутно избавиться от досадных недочетов.

В этом номере мы публикуем материалы о языке и стиле «Комсомольской правды» и «Сельской жизни». Кроме обобщений, сделанных специалистами по нашей обширной почте, мы помещаем здесь несколько читательских писем. Ведь мнение тех, для кого в сущности и делается газета, несомненно будет полезно знать работникам печати и всем, кто профессионально занимается или интересуется языком.

Примечание. В скобках даются ссылки на числа (1—15 декабря).

Стиль «Сельской жизни»

Не каждый из нас сам достаточно искусен в родной речи, но все же я решил поделиться своим мнением о том, какой хотелось бы видеть газету — нашего ежедневного собеседника.

Работая на Московском метрострое, я много лет сотрудничал в многотиражке нашего строительства. Да и сейчас участвую в ее выпуске. Избирался членом редколлегии этой газеты.

В страдную пору на отдаленных полевых станах газета не только агитатор, пропагандист, информатор, но зачастую и тот наиболее грамотный собеседник, что сможет порадовать рассказом о близких тебе по духу людях, заронить в сердце поэтическую искорку удачным образом. Таким собеседником чаще всего является газета «Сельская жизнь»...

Запоминается репортаж «Малеевы» (15). В меру вводит автор репортажа в чужую речь областные слова и выражения, от этого ярче воспринимается облик старой Амплеевны. Свообразны и ее афоризмы, например: «Жизнь была никудышняя, что старые вожжи — в одних узлах».

Образен диалог в очерке «На рассвете» (13) между детским врачом и руководителем колхоза:

— Что-нибудь случилось, Нелли Васильевна?

— Да. Была в вашем детском саду, некоторые дети, как это говоря ваши зоотехники, дают плохой привес.

— Помилуйте, дорогая, я-то здесь причем?

— Как это причем? Если телята не прибавляют в весе, вы бьете во все колокола! А дети, будущая смена... вас не интересует?

Однако достаточно пробежать статью по специальному вопросу, как перед глазами замелькают стереотипные обороты: «в результате проделанной работы», «есть все возможности получать», «сделают все зависящее от них», «поставлена задача», «фактически собрали» (словно можно что-то собрать не фактически), «еще и сейчас кое-кто... склонен думать», «есть еще немало трудностей», «есть еще серьезные недостатки и упущения», «полнее использовать внутренние резервы», «всемерно повышать эффективность» и т. д. и т. п.

Прискорбно, что эти штампы путешествуют не только из номера в номер, но и бродят по одному и тому же номеру. Если «практика показывает» и в номере за 1 декабря («Экономика — в центре внимания»), и 4 декабря («Сахалин — остров земледельческий»), то в последнем номере она «показала» вторично уже в статье «Урожайная культура». И если в этой статье имеется: «сводим к минимуму», в напечатанной ниже («Сила агротехники»): «сведены к минимуму». В ней же: «решающую роль сыграли» и «большую роль сыграла». А в «Урожайной культуре» трижды упоминается «как правило». Трижды встретишь здесь и штампы со словом внимание, которому определенно везет: большое внимание, особое внимание, усилили внимание.

Без «большого внимания» не обошлось и в соседней статье «Сахалин — остров земледельческий». «Много внимания уделяют» и в статье «Глубокие корни» (5), а ниже («Экономичность, удобства, красота») снова «особое внимание»...

Очевидно, без какого-то количества подобных оборотов не обойтись, тем более в статьях на специальные темы. Некоторые стереотипные словосочетания стали как бы специальными терминами: «основные предшественники», «глубина заделки», «воздушно-тепловой

обогрев» (в корреспонденциях о гречихе). Но если им в избытке сопутствуют штампы, не вызванные необходимостью, то улавливать смысл статей очень утомительно.

Почему бы в материале «Экономичность, удобства, красота» вместо трафаретного «Первые новоселы дают хорошую оценку квартирам» не написать: «Новоселы довольны квартирами», вместо «Положено начало газификации» — «Начата газификация», вместо «Вопрос о путях улучшения застройки» — «Вопрос об улучшении застройки». Как видно, не столь уж трудна для газеты задача помочь автору выбраться из штампованных оборотов.

Кос-где отступление от шаблона порождает тяжеловесные фразы, как, например: «Для повышения энергии прорастания...» («Урожайная культура». 4), а не проще ли написать: «Чтоб ускорить прорастание»? Ведь в этой же статье хорошо сказано: «...гречиха очень отзывчива на удобрения».

Конец — делу венец. Хотелось бы сказать немного и об окончаниях газетных материалов «Сельской жизни», в частности очерков. Порой окончания излишне прозаичны. К примеру, живой по изложению очерк «Зеленые звезды» (12) (он даже с вполне уместным юмором: «Шутники говорят: романтика — это драка с природой, максимум юмора при минимуме уюта») заканчивается до предела сухим абзацем: «Все это в руках молодежи, а правление колхоза... во всем им помогает». К тому же, здесь правильнее было бы вместо им написать **ей**, так как это местоимение относится к слову **молодежи**.

В очерке «Это было в Петровском» только что развернувшаяся деятельность молодого участкового уполномоченного сравнивается в последнем абзаце с пристанью да еще подчеркивается, что от героя очерка и общественности зависит «сделать эту пристань тихой» (1). Хотя дальше и поясняется: «покончить с преступностью», но все же традиционное выражение «тихая пристань», имеющее определенное значение, не вяжется с кипучей деятельностью...

Б. В. ФЕДОРОВ
Москва

ПОГРЕШНОСТИ

Просмотрев отдельные номера газеты «Сельская жизнь» за первую половину декабря 1968 года, я заметил ряд языковых и стилистических погрешностей.

Например: «У него [академика К. И. Скрябина. — П. П.] есть не только непосредственные восприемники его идей и знаний, но и, как он говорит, научные внуки и правнуки...» (Радость творчества. 1). Слова **восприемник** нет, а **восприимчик** — крестный отец. Следовало: **преимники** 'продолжатели'. Прилагательное **непосредственные** кажется лишним.

«Сейчас ведутся опыты по извлечению золота из горных пород, воздействуя на них бактериями...» (Золото в вине. 3). Неправильно употреблен деепричастный оборот.

«В артели решено создать постоянный механизированный отряд по производству, заготовке и внесению местных удобрений» (Коммунисты изыскивают резервы. 3). Речь идет о навозе. А навоз — помет животных плюс подстилка. В чем же состоит производство механизированным отрядом навоза?

«...Чтобы колхозники знали, где и какие, сколько и когда надо вносить удобрений...» (там же). Нарушено согласование.

«Контроль на полноту выдаивания молока производят специально выделенные доярки» (Турнир мастеров машинной дойки. 3). Следовало бы: «Контроль над полнотой и т. д...». И вместо производят лучше осуществляют.

«Количество баллов за показатель „продолжительность доения“ определяется по времени, затраченному в среднем на одну корову» (там же). Следовало бы: «Количество баллов за продолжительность доения и т. д.».

«Человек добрый, умный, готовый за родной колхоз „живот положить“, но не очень грамотный и к тому же не молодой, Калинин в начале страшился отступить от дедовской неписаной „агротехники“ и нового, ему неизвестного» (Разговор с сыном. 4). Из-за неправильного построения фразы получается, что Калинин страшился отступить и от дедовской «агротехники», и от нового, ему неизвестного. Надо бы: «...боялся отступить от неписаной дедовской „агротехники“ и страшился нового, ему неизвестного».

В материале «У земледельцев Польши» (4) разницей в написании по-русски польских фамилий: то «Комаровская», то «Муравски», то «Станковский» и т. п.

«Как многое сделал он для семьи, для него, для других» (Краса души. 4). Следовало: «Как много».

«Единственной и главной целью их — конечный пункт пробега австралийский город Сидней» (На «Москвичах» через полмира. 4). Если есть главная цель, тогда она не единственная. А если цель единственная, то о ней нельзя сказать главная. Учитывая также, что сказуемое является опущено, надо было построить фразу так: «Единственная цель их — конечный и т. д.».

П. В. ПОДОЛЬСКИЙ
Краснодар

ВЫБОР СЛОВА

«...Неповторима степь в пору летней страды. Врезаясь в густое море колосьев, натруженно стрекочут жатки. А на соседнем поле вдоль бесконечных линий валков снуют комбайны. Вот один агрегат замедлил ход, и к нему пристроился голубой „ЗИЛ“. Из бункера хлынула золотистая пшеница. Минута-две и автомобиль, вздымая пыль, уже мчится к элеватору. Его настигают другие машины с зерном. В закрома Родины идет хлеб».

Так начинается статья «Хлебное поле» (13). Простой, ясный язык. В основном автор использует общеупотребительные слова. Метафоры (врезаясь в море колосьев; натруженно стрекочут жатки; снуют комбайны) помогают читателю представить себе описываемые действия.

Еще пример: «Давай же вместе с тобой, читатель, совершим экскурсию по павильону „Зерно“, сопоставим цифры и факты, мысленно заглянем в будущее зернового хозяйства страны» (там же). Здесь примечательно непосредственное обращение автора к читателю, оживляющее текст, делающее его более непринужденным, более теплым.

Количество примеров удачного использования речевых средств в газете «Сельская жизнь» можно было бы увеличить. Рассмотрение приемов, усиливающих действенность языка газеты, могло бы стать темой отдельного исследования. Задача этой статьи — анализ речевых недостатков. Мы надеемся, что такой разбор поможет журналистам и всем пишущим более сознательно и квалифицированно решать вопросы выбора слова и его грамматической формы.

Слово обладает несколькими основными признаками: значением, стилевой окраской, эмоциональной окраской, сочетаемостью с другими словами, грамматическими формами. Самый существенный признак — соотнесенность слова с понятием, его лексическое значение. Рассмотрим такой пример: «Председатель Всесоюзного объединения „Союзсельхозтехника“ А. А. Ежовский в своем докладе рассказал о задачах работников системы по выполнению решений октябрьского Пленума ЦК КПСС. Он, как и другие ораторы, отметил, что услуги, оказываемые организациями и предприятиями „Сельхозтехники“ колхозам и совхозам, из года в год растут» (3). Оратор означает 'лицо, произносящее речь, выступающее с речью'. Не следует так называть докладчика, лектора и т. п. Употребление слова оратор в несвойственном ему значении может быть оправдано лишь особым художественным заданием.

В современной печати широко употребляется слово досуг, причем не всегда правильно. В «Сельской жизни» отмечено такое словопользование: «Вооруженные глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками, они становятся заповедями и организаторами действительно интересного и разумного досуга» (8). Досуг имеет значение 'свободное от работы, от дела время'. Ясно, что время не может быть ни интересным, ни разумным. Можно догадаться, что здесь это слово употреблено вместо отдыха. Вызывает также возражение и сочетание заповедаль досуга.

Сеть имеет много значений. «Словарь русского языка» в 4-х томах (М., 1957—1961) определяет одно из них так: 'совокупность однородных учреждений, предприятий и т. п., расположенных на какой-либо территории'. Это значение предопределяет сочетаемость слова сеть с предметными существительными. Поэтому ошибочна фраза: «С каждым годом в области расширяется сеть медицинской помощи» (14). Понятие помощь не входит в число предметных. Здесь можно было

бы использовать сочетание **сеть лечебных учреждений** или **сеть пунктов медицинской помощи**.

Иногда лексическая ошибка возникает из-за незнания автором значения заимствованного слова. Например: «Судя по всему, огромное повышение культуры достигнуто... Вот, например, до тысячи колхозников в год посещают ленинградские театры по абонеентам, приобритенным колхозом..., двести тружеников побывали на выставке „ИпрЫбпром“, многие не пропускают сколько-нибудь значительного **вернисажа**» (5). **Вернисаж** — это ‘закрытый просмотр художественной выставки’, а также ‘день ее открытия’. Из текста можно понять, что речь идет не о вернисажах, а о выставках.

А вот как употреблено слово **контингент**: «Постоянно совершенствуется учебный процесс, растет **контингент** студентов в вузах, и в частности в нашем» (8). **Контингент** — это совокупность людей, составляющих однородную в каком-либо отношении группу, категорию. В приведенном же примере **контингент** использовано вместо **количество**.

Незнание точного значения часто приводит к появлению лишнего слова в составе словосочетания. Этот вид лексической ошибки называется **плеоназмом**. Например, очень широко употребляют плеоназм **памятный сувенир**. Не исключение в этом смысле и газета «Сельская жизнь»: «Под аплодисменты собравшихся С. И. Зубкову вручили **памятные сувениры** и бесплатный билет до Киева» (4). Сочетание это избыточно, так как в понятии **сувенир** уже заключена идея ‘памятности’.

Более редкий случай отмечен в таком тексте: «На сцену вносят новые красные знамена, вручают **памятные подарки и сувениры**, на стол президиума водружают огромный каравай оренбургского хлеба...» (14). Но сувенир — это и есть памятный подарок.

Плеоназмы в «Сельской жизни» довольно многочисленны, причем некоторые из них очень интересны: «Эти успехи — следствие улучшения **агротехники возделывания сельскохозяйственных культур**» (15); «Шоферы, авторемонтники, диспетчеры, осматривая таблицы, графики, вновь переживают горячие будни **уборочной страды**» (14); «Рабочие совхоза рассказали о своих трудовых успехах в этом году, **перспективах на будущее**» (3). **Агротехника** — это ‘система приемов возделывания сельскохозяйственных культур’, **страда** — ‘напряженная летняя работа на полях в период жатвы, уборки хлеба’, **перспективы** — ‘виды, планы на будущее’.

Рассмотрим еще один пример избыточного словосочетания: «Помочь свежего, **пахнущего ароматом** стены хлеба... Что может быть дороже человеку!» (13). Глагол **пахнуть** означает ‘издавать запах’, а существительное **аромат** — ‘приятный запах’. Таким образом, в содержанье обоих слов — **пахнуть** и **аромат** — включено понятие **запах**, и это приводит к избыточности сочетания. Следовало бы: **пахнуть стенью** или **издавать аромат** стены.

Одна из существенных ошибок при выборе слова — смешение так называемых паронимов, то есть однокоренных слов, имеющих

сходную форму, но различное значение. Например, **войти** и **зайти** имеют разные значения: **войти** 'идя, двигаясь, проникнуть куда-либо, в пределы чего-либо' — войти в комнату, войти в дом и т. п.; **зайти** 'идя, по пути побывать где-либо, посетить кого-либо, навеститься к кому-либо' — «По пути он зашел к соседу», «Она зашла на минутку в аптеку» и т. п.

Сравните правильное употребление: «Но каждый, кто приезжает сюда..., обязательно заходит в старый сельский дом с балконом» (10). Неразличение слов **зайти** и **войти** приводит к лексической ошибке: «Есть в Москве ничем внешне не выделяющийся дом темно-серого цвета... **Заходишь** внутрь и сразу понимаешь, даже если не прочел неброскую вывеску у дверей, что попал в научное учреждение» (1); «В купе **зашел**... крестьянин с обветренным лицом...— Извините,— сказал он, поздоровавшись.— Тут чистота, а я в пыли весь. Зерно очищал на току. Срочно понадобилось ехать, даже переодеться не успел» (10). Из контекста ясно, что крестьянин не по пути, не из другого купе **зашел**, а именно **вошел** и остался здесь до конца дороги.

Очень распространенный случай — смешение паронимов **командировочный** и **командированный**: «И с того самого дня в местной гостинице стали пропадать вещи: то плащ и портфель у **командировочного**, то чемодан с ценными вещами у приезжих артистов» (10). Здесь нужно: **командированный** (в литературной речи слово **командировочный** — прилагательное от **командировка**: командировочное предписание; командировочные деньги и т. п.).

По отношению к тому, кого или что трудно найти, употребляют сочетание **нужно поискать** (нужно еще поискать). Использование вместо него сочетания **трудно поискать** приводит к ошибке: «Такую семью **трудно поискать**. Сын Ивана Павловича Николай — тоже механизатор... Дочь Грязнова Зина и жена Степанида Ивановна трудятся на ферме...» (1). В этом тексте правильно было бы: **трудно найти** или **нужно поискать**. Рассмотрим еще один пример: «И стал механизатор скотником... Главное — заботился, чтобы всегда была сухая подстилка у телят, разнообразное **кормление**» (1). В значении 'пища животных' употребляется слово **корм**; а **кормление** означает действие по глаголу **кормить** (ср.: кормление коров).

При выборе слова приходится учитывать не только его значение, но и стиливую окраску. Помимо нейтральных, или межстилевых (их называют так потому, что они образуют основу всех стилей русского языка), существуют слова книжные, разговорные, просторечные.

Один из разрядов книжной лексики — слова официально-деловые (они характерны для словарного состава официально-делового стиля). Эти слова «соразмерны и сообразны» в соответствующих материалах (в указах, законах, протоколах, в деловой и дипломатической переписке и т. п.). Но употребление их в языке газеты (без специального художественного задания) приводит к неоправданному стиливому смешению: «Но отдаленных малых населенных пунктов

пока много. В ряде районов и областей в них **проживает** до трети населения» (3). В языке есть синонимы **жить** и **проживать**. Последний глагол свойствен официальным документам, например, справке из домоуправления. Поэтому в приведенном тексте следует предпочесть межстилевое **жить**.

Официально-деловой характер придает газетному тексту предлог **против** (кстати, не отраженный четырехтомным «Словарем русского языка»), синонимичный межстилевому по сравнению с...: «За время эксперимента затраты труда на центнер зерна уменьшились здесь **против** средних показателей прошлых лет на 15 процентов» (1); «**Денежные доходы населения** в 1969 году увеличатся **против** 1968 года на 11,2 миллиарда рублей» (15).

В последнее время в газетную речь проникло канцелярское словосочетание **посадочное место**, которое употребляется при указании на количество мест в столовых, ресторанах и т. п. Сравните оценочное использование этого словосочетания: «Ведь только в Москве 476 тысяч... **так называемых посадочных мест** на предприятиях общественного питания...» (4).

Книжная лексика не ограничивается словами канцелярскими, сухими, «казенными», лишенными всякой выразительности. Среди книжных слов есть и такие, которые в словарях сопровождаются пометой «высокое». Эти слова имеют эмоциональную окраску торжественности, приподнятости, они употребляются в текстах, исполненных гражданского пафоса и патетики, например: «Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василия Тредьяковского: вечный **труженик!** Какой взгляд! какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный **труженик?**» (Пушкин. Всем известны слова Петра...). В этом тексте слово **труженик** позволяет поэту выразить чувство восхищения и гордости. Интересно сопоставить это использование **труженик** с другим: «...двести **тружеников** побывали на выставке „Инрыбпром“...» (5). Здесь слово употреблено неверно, так как текст явно лишен какой бы то ни было высоты.

Столь же немотивированно использование **трудиться** в следующих примерах: «Дочь Грязнова Зина и жена Степанида Ивановна **трудятся** на ферме, молодежь выхаживают» (1); «Их сын Виктор — механизатор, сейчас в армии, а остальные пятеро учатся в школе и **трудятся** в колхозе» (5). В этих фразах уместным был бы нейтральный глагол **работать**.

Как видим, стремление журналистов выразиться «погромче», по красивее приводит к эмоциональному смещению. В подтверждение этого можно привести еще такой пример: «Проблема квалифицированных кадров для культурно-просветительной работы на селе — одна из самых наиболее сложных. Из 808 деятелей культуры, работающих ныне в селах нашей области, только 80 имеют специальное образование» (8). Очень часто газетчики употребляют без всякой необходимости высокое слово **возвести** вместо межстилевого **построить**: «**Возводятся** комплексы крупных животноводческих ферм, птицефаб-

рики, мастерские по ремонту тракторов и комбайнов, механизированные склады, молоко- и хлебозаводы. И, конечно, жилье, объекты культурно-бытового назначения» (5); «Только за последние пять лет в селах той же Харьковской области возведено около 300 клубов и Домов культуры, 36 библиотек» (8).

Рассматривая вопрос о немотивированном использовании высоких слов, исследователи обычно ограничиваются констатацией ошибки. Между тем не менее важна и другая сторона проблемы: такое употребление торжественных слов лишает их эмоционально-экспрессивной окраски. А это приводит к тому, что словарный состав русского языка теряет часть своих выразительных средств. Кроме того, постоянное, из номера в номер, использование высоких слов в одних и тех же сочетаниях делает их графаретными, штампованными. Это, в конце концов, обедняет язык печати.

Журналисты встречаются с трудностями не только в выборе слов, но и в выборе грамматической формы, в частности в выборе падежа и предлога в словосочетаниях, построенных по принципу управления. Трудности эти связаны, во-первых, с тем, что управление многих слов бывает различным в зависимости от различия их значений, во-вторых, многие синонимичные слова управляют по-разному, в-третьих, отдельные слова в ходе развития языка изменяют свое управление и т. п. Например, глагол **занять** может быть употреблен в значении 'заполнить посевную площадь (какой-либо сельскохозяйственной культурой)' в таких конструкциях, как **занять что под что** или **занять что чем**: «Заливные луга были заняты овощными культурами» или «Заливные луга были заняты под овощные культуры». В результате смешения указанных конструкций встречается ошибочное словосочетание **занять что под чем**: «В нынешнем году **под сахарной свеклой было занято 188 тысяч гектаров земли**» (3). Следовало бы употребить конструкцию **под сахарную свеклу было занято...** или **сахарной свеклой было занято**.

Но особенно часто встречается неверное управление при однородных членах предложения. В практической стилистике существует такое правило: при двух или нескольких управляющих словах общее зависимое слово может быть использовано только тогда, когда каждое из управляющих требует одинакового падежа и предлога. Например: «...выпускницы профессиональных училищ... **приняли** и достойно **несут** трудовую эстафету» (5). Нарушение этого правила приводит к синтаксическим ошибкам: «За последние годы они [колхозные и совхозные профсоюзные организации.— В. В.] стали шире привлекать трудящихся к **планированию и управлению производством**» (следует: к планированию производства и управлению им) (11); «Профком, партбюро и правление колхоза иногда вставали перед проблемой: **кому из механизаторов по итогам за пятидневку вручить** переходящий красный вымпел, **признать победителем** в соревновании на севе или уборке урожая» (следует: кому ...вручить вымпел, кого признать победителем) (10).

В некоторых случаях неудачно избирается предлог: «Лишь в

прошлом учебном году состоялось более 120 массовых **бесед и концертов перед тружениками села** (8) — вместо **перед** (который здесь употреблен, вероятно, под влиянием конструкции «выступить перед кем-либо с концертом») следовало бы **для**.

В последние годы очень широко употребляются конструкции с предлогом **по**. В ряде случаев словосочетание с этим предлогом и дательным падежом существительного синонимично беспредложному сочетанию с родительным существительного: **план по сдаче молока** — **план сдачи молока**; **задачи по повышению производительности труда** — **задачи повышения производительности и т. п.** Конструкции с предлогом **по** свойственны официально-деловой речи, а сочетания с родительным — межстилевые, общеупотребительные (не говоря уже о том, что они более лаконичны).

Сравним два примера: «Намеченные сессией **планы развития сельского хозяйства** — важнейшая политическая, общепартийная и общегосударственная задача» (15) и «Однако, как указывалось на совещании, строительство ремонтных предприятий „Сельхозтехники“ ведется в ряде мест медленно, **план по вводу мощностей** выполняется плохо» (3). В первом предложении использована общелитературная конструкция **план развития сельского хозяйства**. А во втором — громоздкое сочетание с предлогом **по**, придающее тексту ненужный официально-деловой колорит.

Устойчивое словосочетание **принимать меры** управляет дополнением при помощи предлогов **к** или **для**: «**Принимаем меры для** укрепления сельских строительных организаций кадрами» (5). Нельзя признать удачным использование в газетной речи конструкции **принимать меры по чему-либо**, заимствованной из официально-делового стиля: «**Принимаются также меры по улучшению** почтовой связи, бытового, торгового и кинообслуживания» (3); «От имени птицеводов области тов. Колотушкина обращается к работникам „Россельхозтехники“ с просьбой **принять меры по обеспечению** птичников необходимым оборудованием...» (11).

Конструкции с **по** получили такое широкое распространение, что стали иногда ошибочно употребляться вместо беспредложных конструкций или сочетаний с другими предлогами: «Как известно, на работников „Сельхозтехники“ возложена **обязанность по продаже** колхозам и совхозам машин, запасных частей, строительных и других материалов» (3). Здесь нужно было бы избрать сочетание: «**обязанность продавать...** машины, запасные части...». «С ростом машинного парка колхозов и совхозов возникают особые **заботы по** быстрейшему **внедрению** комплексной механизации, более производительному использованию техники» (3). Существительное **забота** требует зависимого слова в предложном падеже с предлогом **о**. Встречающееся в печати сочетание **завод по производству чего-либо** тавтологично в том случае, когда в языке существует традиционное, общепринятое название, состоящее из родового понятия и ограничивающего определения: «Помимо крупного **завода по производству кирпича...** в артелях действует несколько более мелких предприя-

тий)... (8). Многословную конструкцию завод по производству кирпича легко заменить простым сочетанием кирпичный завод.

Если обратиться к прошлому, то в 30-е годы подобное расширительное (и часто ошибочное) употребление имел предлог о. Об этом писал К. Федин в «Тетради писателя»: «Странный образ жизни ведет последние пять лет предлог о. Он как будто решил вытеснить собою из речи все возможные иные согласования. И ему повезло. Один репортер пишет: „Читатель просит объяснить о роли литературы“. Другой: „Разногласия о том, что...“. Критик рассматривает „построение о петровской эпохе“... Литератор говорит: „Я вижу о том, что...“. В судебном отчете встречается: „Попытка о смягчении участи...“» («Литературная учеба», 1940, № 11).

В обзоре газеты «Сельская жизнь» привлекались трудные случаи словоупотребления, которые типичны для языка печати. Мы сознательно не приводили примеры случайных ошибок, допущенных по досадной небрежности, например: «На портрете простое русское лицо, с легкой улыбкой, едва заметной проседью волос» (13).

Анализ речевых недостатков «Сельской жизни» позволяет сделать некоторые выводы:

1. При выборе слова необходимо учитывать его значение, стиливую и эмоциональную окраску, сочетаемость с другими словами, грамматическую форму.

2. Незнание точного значения слова приводит к лексическим ошибкам.

3. Недостатками стиля являются:

а) немотивированное употребление слов официально-деловой речи, придающее газетным материалам канцелярский колорит и приводящее к стиливому смещению;

б) немотивированное употребление слов, обладающих эмоциональной окраской. Частое употребление в рядовых текстах высоких слов обедняет язык газеты. Этот недостаток можно охарактеризовать как эмоциональное смещение.

4. Определенные трудности возникают при выборе форм управления (беспредложного и предложного).

Очень часто приходится решать вопрос об использовании широко распространенных конструкций с предлогом по, синонимичных сочетаниям с родительным падежом существительного, а также таких конструкций, в которых по использован в значении других предлогов.

В. Н. ВАКУРОВ,
доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

« КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА »

ЗАГОЛОВКИ

«Комсомольская правда» в первой половине декабря опубликовала заметки В. Пескова, очерк о карпатских плотогонах А. Ларионова, статью «„Робинзон“ среди людей» Н. Павловой. Материалы такого качества я обычно рекомендую своим ученикам как образцовые, каждый — для своего жанра. Статья Н. Павловой интересна как информация о ходе исследований в одной из молодых наук — науке о коллективах, о сложных проблемах сказано увлекательно.

Особенности словоупотребления наиболее ярко сказываются в названиях статей и заметок: здесь требуется очень точное соответствие слова содержанию статьи, уместным бывает каламбур, игра слов.

На мой взгляд, очень удачны следующие заглавия (5):

«Торжество народовластия», «Трасса, проложенная дружбой», «Селение наше — Коста», «Когда оживает прошлое», «Свет и музыка» — это рассказ о нашей жизни, о самом важном и значительном в ней; «Италия бастует», «До каких пор?!» (об израильской военщине), «Трагедия Кфар Ассада», «Картинки с начинкой».

Остроумно введены в заголовок два ответа на вопрос «По первопутку — на чем?»: «Оснований для тревоги нет» — ответ представителя Министерства, ответственного за выпуск лыж, «И лыж тоже нет» — пишут читатели «Комсомольской правды».

Однако можно встретить и неудачные заголовки.

Часто используется так называемый родительный определительный, где он вовсе не единственно возможный, необходимый: «Маршруты декабря» (4) — речь идет о туристских маршрутах в декабре, а первичное восприятие может оказаться иным.

Газета пользуется переносным значением одного и того же слова («Из объятий океана» — 3 и «Профессора в объятиях Пентагона» — (10), в то время как соотношения логического субъекта и объекта действия в этих случаях совершенно различны: профессора-дельцы вовсе не так беспомощны, как погибающие в океане люди, и не могут рассчитывать на сочувствие читателя. Однообразие же заглавий несколько не повышает интереса к напечатанному.

15 декабря помещена заметка с интригующим заглавием «Чемпионка живет в Крымском районе»; цель, которую ставил перед собой автор, очевидно, достигнута: многие прочитают эту заметку, желая узнать, что же за чемпионка проживает там. Но у тех, кто не

интересуется вопросами скоростного доения, может возникнуть чувство досады на автора за эту остроумную уловку.

В этом же номере статья о человеке, совершившем по существу преступление, нанесшем определенный моральный ущерб молодежи, названа: «Пустоцвет из Липовой долины». Слово пустоцвет, означавшее раньше только бесполезного, но не вредного человека (уже переносное значение), здесь должно было приобрести новый оттенок: пустоцвет вреден. Этого не произошло, и заглавие статьи невольно сгладило остроту вопроса.

З. А. ДУДЫРЕВА,
учительница
Челябинск

НЕПРАВИЛЬНОСТИ

Прочитав номера «Комсомольской правды» с 1 по 15 декабря, я заметил некоторые ошибки, неточности в словоупотреблении, непонятные фразы и другие неправильности. Приведу примеры:

«Здесь дается стенографическая расшифровка записи первой минуты спуска плота» (1). Следовало бы: «Здесь дается расшифровка стенографической записи первой минуты спуска плота».

«Профессии трактористов и комбайнеров для Сибири пока дефицитны» (3). Дефицитны не профессии, а люди этих профессий. Почему бы не написать просто: «Трактористов и комбайнеров в Сибири пока не хватает».

«Конкурс проходит под девизом: „Я вижу мир“. Он продлится до января 1969 г.» (3). Мир продлится до января? Не лучше было бы: «Конкурс проводится под девизом: „Я вижу мир“ и продлится до января 1969 г.».

«Свою первую демонстрацию провела вчера созданная организация английских сквоттеров» (3). Вчера провела или вчера создана?

«Не дали никакой отдачи» (3). Лучше бы: «Работали без всякой отдачи».

Одно из особенно любимых слов журналистов — **уникальный**:

«Этот сборник — уникальное издание» (3).

«Хотят приобрести лицензию на производство одного из самых современных и уникальных видов продукции» (4). И фабричная продукция уникальна!

«Уникальная книга — летопись обыкновенного осетинского села» (5). Разве мало описано обыкновенных сел?

«Уникальный двухтомник» «с макетом альбома-уникама» (10).

«Каждая из эти работ уникальна» (10). Речь идет о произведениях чеканщика. Но разве любая картина художника не «уникальна»?

«Няня — явление все более и более уникальное» (11).

«Коллекция восковых валиков с уникальнейшими записями» и «А записи, порой уникальнейшие» (13). От слова **уникальный** «един-

ственный в своем роде, как значится в словарях, образована превосходящая степень. Значит: единственнейший.

«Создается уникальный в своем роде генеральный каталог народной песни» (13). Это уже что-то новое: не просто уникальный, а еще и единственный в своем роде — вроде как бы вдвойне уникальный.

«Во внеурочное время» (5). Внеурочный — такого слова и в орфографическом словаре нет. Надо: «в неурочное время».

«...а лыж нет. Или есть только стерлитамакские, беговые, для спортсменов-разрядников, выпуск которых освоил наш мебельный комбинат» (5). Мебельный комбинат выпускает спортсменов-разрядников? А почему бы не написать: «...беговые, для спортсменов-разрядников, выпускаемые нашим мебельным комбинатом»?

«Трое молодых врачей неболчской больницы живут времящниками» (10). Не пугайтесь: это не фавориты царя или царицы, пользующиеся неограниченным влиянием на государственные дела. Так названы люди, которые считают, что находятся здесь временно.

«...верит, что это стремление всего советского народа. „Видимо,— продолжал он,— и в дальнейшем будут существовать идеологические разногласия, но как они, так и мы заинтересованы в хороших отношениях...“» (3). Кто «они»? Разногласия?

«Фольклористы, почти единственные ученые в стране, не имеют своего периодического органа» (13). Получается, что почти единственные ученые в стране — фольклористы. А может быть, лучше: «единственные среди ученых страны»?

Уважаемые товарищи!

Очень хорошая мысль — читательские обзоры. Это начинание сыграет большую роль в области улучшения языка периодических изданий, а следовательно, и литературного языка вообще (не только у писателей, но и у читателей).

МЕДВЕДЕВ
Тбилиси

ЖИВАЯ РЕЧЬ

Усилившееся в последнее время влияние разговорной речи на книжную проявляется, в частности, в широком проникновении элементов разговорного стиля на газетные страницы. Это подтверждается и наблюдениями над языком «Комсомольской правды».

На одной лишь странице (1 декабря) можно встретить такие, например, слова и выражения, как **отлынивать** 'уклоняться от чего-либо', **порядочно** 'довольно много', **вроде бы как** 'как будто', **подкидывать** 'доставлять', помещенные в четырехтомном «Словаре русского языка» с пометами «разговорное» или даже «просторечное».

Но, пожалуй, наиболее ярко ощущается разговорная стихия в синтаксисе. Так, на той же странице можно найти и присоединительные конструкции: «Я пошел в стоящие выше магазинов организации».

Потом еще выше»; и именительный падеж в роли несогласованного определения: «Космос-256», «Европа-1» и даже «Валенок-69!»; и характерный для устно-разговорной речи именительный темп: «Дорогое канадское дерево гикор или синтетическая окантовка? Эту проблему с успехом недавно решили...» и многие другие конструкции.

Любопытно, что разные газетные материалы резко отличаются друг от друга по насыщенности разговорными элементами. Это зависит, по-видимому, от жанра и тематики материалов, а также от особенностей индивидуально-авторского стиля. Такому, например, жанру, как хроника, разговорность и экспрессия не свойственны. Однако в некоторых заметках в зависимости от темы могут встретиться и элементы разговорного стиля: «Вчера телетайпы... отсутствовали...» — читаем мы в одной из хроникальных заметок (под рубрикой «Новости-68»), посвященной спортивным состязаниям (3).

Впрочем, конструкция с именительным падежом в роли несогласованного определения, широкое употребление которой в литературно-письменной речи вызвано влиянием разговорного синтаксиса, в жанре хроники распространена едва ли меньше, чем в других жанрах. Связано это, видимо, с тем, что такие образования сами по себе не воспринимаются сейчас как разговорные.

Стремление журналистов приблизить язык газеты к живой речи и тем самым сделать его ярче, выразительнее весьма отрадно. Необходимо только соблюдать в этом меру. Думается, однако, что М. Бластину в хорошо написанном спортивном репортаже «Сегодня соперники, а завтра...» (4) чувство меры изменило в следующей фразе: «...всякий уважающий себя хоккейный болельщик имеет свое категорическое суждение, готов отстаивать его аж до первых петухов». Грубовато, по-моему, звучит здесь просторечное **аж**.

Чрезвычайно важны в газете заголовки. В «Комсомольской правде» они, как правило, разнообразны, нередко свежи, оригинальны. Вот некоторые из них. «Грипп крадется...» — так названо интервью с ученым секретарем Всесоюзного центра по гриппу (4). «Оскар старой доктрины» — под таким заголовком помещена статья профессора С. Гониморского, разоблачающая политику США в Латинской Америке. Каждый из этих заголовков — художественный образ, рожденный метафорой. Удачно обыграна известная пословица в названии «Любим кататься... любим и саночки возить» (1), под которым объединены два читательских письма с жалобами на нехватку в магазинах санок, лыж и других спортивных товаров.

В заголовках следует избегать однообразия, оно притупляет внимание. Однако если посмотреть первую страницу газеты за 4 декабря, то сразу бросится в глаза, что многие заголовки совпадают по грамматической структуре: «Колыбель физики», «Помощники хлеборобов», «Планы агрессора», «Слет пропагандистов».

Ю. ГОРДЕЕВ,
зам. директора средней школы
(село Новопокровское Балашовского района
Саратовской области)

ВЕСЕЛЫЕ НАЗВАНИЯ И ЧУВСТВО МЕРЫ

Популярность «Комсомолки» среди молодежи объясняется не только тем, что газета много пишет о делах, заботах и интересах молодых людей, но и тем, что она говорит с ними хорошим, живым языком.

Газета очень изобретательна: после известных «ИнФорг-67», «Текстиль-69» в газете видим «Валенок-69»: «Мне продемонстрировали „Валенок-69“... довольно изящный сапожок из черного войлока» (1). Понятно, где родилось это веселое название: в конструкторском бюро валяльно-войлочного комбината или под пером казанского корреспондента, но название, безусловно, очень меткое.

Иногда интересно обыгрывается какое-нибудь слово. В профтехучилище № 41 «готовят энергетиков, специалистов по контрольно-измерительным приборам и автоматике, машинистов турбин... Для подростков эти специальности „звучат“, они им представляются модными. Наши школы продолжают „озвучивать“, если так можно сказать, очень немногие профессии» (Шаги рабочей смены. 12).

К достоинствам газеты надо отнести и то, что в ней довольно редко штампы. Всего один раз за период с 1 по 15 декабря встретилось: «Разрушения вызваны взрывом пластиковой бомбы **весом порядка одного килограмма**» (Провокаторы — в стране реакции. 10). В заметке о спорте один раз говорилось о **приумножении его традиций** (Быстро, метко! 11), а **первая ступень пьедестала почета** не встретились ни разу.

Когда авторы корреспонденции чувствуют, что общеупотребительные слова недостаточно точно выражают их мысль, они образуют новые: Ребята «поставлены в новые условия. Теперь меткость **рогаточника** не будет оценена» (Свет и музыка. 5). Из контекста видно, что рогаточник стреляет из рогатки по фонарям. «Задачей наших следующих экспедиций явится поиск более старых бревен, для того чтобы **удревнить** шкалу вглубь» (Тайны древесных колец. 14). Правда, последнее слово лишнее: нельзя же удревнить вширь! «Не успел родиться, а уже **афоризничает**» (13 миниатюр. 15). «Непутевый. Отдыхающий без путевки» (там же).

Но вот что интересно: явно новое слово газета никак не выделяет (**непутевый** дано в разрядку, по-видимому, потому, что уже существует **непутевый**, образование от **путь**), а слово общего словаря, чем-то показавшееся газете необычным, выделяется кавычками: «Я расскажу сегодня об одном из „старожилов“ Антарктики...» (Только одна биография. 12). Рассказывается биография человека, всю свою сознательную жизнь прожившего и проработавшего в Арктике и Антарктике. Зачем же кавычки? «Какие качества, на ваш взгляд, всего „заметнее“ у молодого человека?» (Шаги рабочей смены. 12). Опять кавычки. Оправданы они, по-видимому, только в приведенном примере со словами **звучать** и **озвучивать**, которые стоят в необычном союзе со словом **профессии**.

К сожалению, «Комсомольская правда» в стремлении сохранить живость, интонационную окраску, так сказать, первозданность языка своих спецкоров закрывает глаза на многочисленные языковые ошибки их заметок. Газета не видит разницы в значении слов **устранены** и **отстранены**: «Ныиче невозможно себе представить, чтобы **общественные организации**, и в частности, комсомол, были **устранены** от формирования рабочего коллектива» (Еще раз о «Комсомольском приказе» и проблеме прокурора. 8).

И еще: «— Мы прошли рабфак, **врачевали** совсем в других условиях» (Трое «на чемаданах». 10). Разве **работать врачом** и **врачевать** — это одно и то же?

«Терапия цветов» (14) — так называется заметка, но в ней речь идет не о терапии цветов, а о терапии с помощью цветов.

«В книге я надеялся найти советы по уходу за ребенком. Однако издание „Молодым родителям“ также оказалось **за прилавком**» (На повестке дня — разное. 4). Корреспондент из Белгорода хотел сказать: **под прилавком**, то есть не в открытой продаже.

«...**Состояние азарта к жизни**, к любимому виду спорта **живет** в знаменитом тренере постоянно» (Главный конструктор хоккея. 10). Во-первых, азарт к жизни (?!), во-вторых, состояние **живет** (?!).

Чуть ли не каждая заметка «спец. корра» и «нашего корра» дает примеры небрежения к русскому языку, примеры того, как слова случайно оказываются рядом. «Итак, на льду сборные СССР-1 и СССР-2. Какие, в общем-то, **непривычные соперники!**» (Сегодня соперники, а завтра... 4). Здесь одно из двух: или это — **необычные соперники**, или команды, которые **не привыкли** соперничать друг с другом. «...Лишь его [вратаря] **чудодейственная интуиция** спасла ворота после мощного щелчка Сорокина...» (там же). Определенно речь идет о **сверхинтуиции**.

Иногда авторы корреспонденций теряют чувство меры: «Конечно, все понимают, что турнир-то, **так сказать**, тренировочный, что для команд, участвующих в нем, это если не первая проба льда, то всего лишь, **так сказать**, легкая „разминка“ перед грядущими, куда более ответственными баталиями» (Лужники, большой хоккей!. 3). Слишком много вводных слов для одного предложения!

«Желаем, чтобы жизнь его [трепера] и дальше была бы такой же **молодой, яркой и оптимистичной**, как вся игра хоккейной дружины» (Главный конструктор хоккея. 10). «С **настоящим драматизмом** написан образ Нади. **Особенно талантливо** исполнена глава „Помнит Нада“. Кстати, в этой главе с **наибольшей яркостью** проявилось в прозе Игоря Жданова ее поэтическое начало» (Поэтическое проза. 3). Подобное нагромождение эпитетов явно не украшает материал.

«Комсомольская правда» — газета, пользующаяся большой популярностью у молодых читателей, может и должна воспитывать у своих друзей любовь и бережное отношение к русской речи.

Л. Н. ФЕДОСЕЕВА
г. Люберцы
Московской области

ПУСТЬ ГАЗЕТА СТАНЕТ БЕЗУКОРИЗНЕННО ГРАМОТНОЙ!

Откликаясь на призыв редакции, я руководствовался только хорошими намерениями. Хочется верить, что критика поможет редакции «Комсомольской правды». Пусть эта газета, такая живая, интересная и боевая, станет безукоризненно грамотной. Ведь она воспитывает нашу молодежь!

Приведу примеры неточностей: «Во втором отделении связи, которое обслуживает наш дом...» (Ныне по «тройке» часы не сверишь. 4). Кто кого обслуживает?

«Позиция, занятая обкомом комсомола, создала обстановку бесконтрольности, и в ней тепло устроились люди, которых близко нельзя подпускать к делу воспитания молодежи» (Пустоцвет из Липовой долины. 15). Где «в ней»: в позиции, обстановке или бесконтрольности?

Некоторые фразы изложены так неряшливо, что просто диву даешься: «А кто компенсирует мне новости, которые „Комсомолка“ разнесла по всей стране, а меня миновала?» (Ныне, по «тройке» часы не сверишь. 4); «Перенося песню из народа, из той атмосферы, в которой она родилась и живет, хотели бы мы того или нет, на профессиональной сцене лишается она своей неповторимости» (Берегите самородное. 13).

«Теперь комсомольцы не те, какими были их ровесники тридцать лет тому назад...» (Вечно юный юбиляр. 15); «Был май месяц (Пустоцвет из Липовой долины. 15); «За два года обучения надо обучить ребят профессии и дать знания в объеме восьмилетней школы» (Как идет эксперимент. 14); «Беспокоит то обстоятельство, что подобных писем в редакционной почте, пожалуй, многовато» (В спортзале звенят бокалы, 10); «Дорогая „Комсомолка“! Дело в том, что наступила зима, а я до сих пор не могу приобрести лыжи...» (По первопутку — на чем?). 5).

Неточность словоупотребления:

«Прежде всего меняться надо самим и менять своих воспитанников» (Чего тебе, человек, надо?. 13); «Человеком... пользующимся заслуженным авторитетом у окружающих по своим моральным качествам, по своей гражданской зрелости, по своей политической эрудиции и культуре» (Пустоцвет из Липовой долины. 15); «...Попадает в место, где кто-то уже не побывал» (Берегите самородное. 13); «Труд других профессий» (Ныне по «тройке» часы не сверишь. 4).

Ненужное словотворчество:

«Мастеровитость человеческой руки» (Там за поворотом. 1); «Кирсанов понял уловку и тут же прилюдно разоблачил ее» (Дело о делишках. 12); «Почему так бедно? Может быть, из-за неразворотливости директора?» (Сближая глушь со столицами. 13).

Впрочем, все это, сравнительно, мелочи, а вот попробуйте догадаться, что значат следующие фразы:

«Людская память отходчива. Но в ней застревают пограничные

слова» (Не соответствует действительности. 1); «Суд осудил и Жидикова на четыре года. Правда восторжествовала. Бюрократ стал уголовным преступником» (Дело о делишках. 12); «У оперативников появилась еще одна фамилия — Губенко» (Просчитались. 3); «Кому не хочется быть здоровым? Всем...» (На повестке дня — разное. 4).

М. А. БАБИЕВ
Кустанай

НАСТОЯЩИЕ НАХОДКИ

Репортажи В. Пескова, заметки-этюды или небольшие поэтические повеллы о жизни природы — настоящие находки для «Комсомольской правды». Думаю, что очень многие читатели, раскрывая очередную помер газеты, ищут прежде всего корреспонденции В. Пескова. Возможно, многих привлекают его всегда оригинальные фото-этюды (Пескова-фотоохотника), но еще большее число читателей спешит на этот праздник русской речи. Здесь В. Песков — чародей-фенолог, знающий русскую природу до тонкостей. Путешествуя вместе с ним, никогда не заблудишься и не обманешься, а всегда точно узнаешь и время года, и часы суток, и лес под Москвой, и лес в Мещере, и запах чебреца, и запах снега, и посвист суслика, и говор зябликов. А какой русский не вдохнул бы полной грудью «пахучее вянское разнотравье», не посидел бы час-другой в засаде, чтобы понаблюдать за трепетным дыханием лани, ну, пускай лишь «поглядел бы одним глазком» на дикого зверя «с древним названием вепрь».

По-моему, главная удача Пескова — в его своеобразном строе речи: до обиходного простой, взволнованной, удивительно динамической, в его простых, житейских образах, сравнениях, оборотах, словах. Указать на отдельные примеры невозможно. Нужно читать всего Пескова. Только один пример. Чего стоит сопоставление кабаньего стада с „семейной иерархией“!

«Все стадо теперь мчит к столу. Впереди с визгом, натываясь друг на друга, катятся рыжевато-серые, полосатые поросята. А следом трусят мамыши, тетки, дядья. Достигли корма и сразу, бесцеремонно, поддавая в бок, стали теснить разведчиков... Сами мамыши и тетки не забывают хватать там, где погуще насыпано... Один-два ослушника прорываются к середине, но получают затрецины рылом...».

Живостью языка и новизной темы выделяется репортаж А. Ларионова «Там, за поворотом...» (1) — из жизни карпатских лесорубов; репортаж В. Позизовского «Наследники» (3).

Удачно начало статьи Н. Павловой «„Робинзоны“ среди людей» (4), удачно своим сравнением, привлечением в научное обозрение старого емкого слова **смотрины**: «Молодые социальные науки, как новички в классе, — не миновать им пристрастных смотрин. Вдвойне не миновать их психологии межличностных отношений».

И. К. МАРКОВСКИЙ
Николаев

Терминология

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ТЕРМИНОВ

Принцип систематичности применительно к научно-технической терминологии в наши дни стал лингвистической аксиомой. Но какие систематизирующие признаки можно выделить, например, в таких терминах, как **облой**, **кожимит**, **лавсан**? Только этимологический анализ или фраза из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина «Пуля вылетела с облоем» позволяют считать, что данный термин восходит к глаголу **лить**. Многие воспринимают термин **кожимит** как обычное сложное слово и пишут через **е**, между тем его точный перевод: «имитация кожи». Только специалисты знают, что термин **лавсан** — аббревиатура от названия «Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук СССР».

Где те «достаточные и необходимые» признаки, которые позволяют отнести слова **облой** к терминологии дефектов литья, а **кожимит** и **лавсан** — к синтетическим материалам? Только зная исходную классификацию понятий, можно установить принадлежность каждого из перечисленных терминов к той или иной системе понятий.

Совершенно загадочным выглядит внутреннее строение слов **домна**, **вагранка**, **жеребейка**, **свищ** и сотен других технических терминов. Поэтому даже специалист вынужден обращаться к справочной литературе в поисках «ключа» к тайнам терминируемого понятия. Причем объем справочной литературы с годами увеличивается и прямо пропорционален количественному увеличению терминов со скрытой семантикой.

Поэтому, как правило, объектом стандартизации оказываются не систематизирующие свойства терминов (о них не приходится говорить), а систематизирующие свойства понятий, которые практически реализуются через определения. Термины механически приклеиваются к понятию, как знак, ярлык. В этих случаях дефинитивная (определительная, «разъяснительная») функция термина остается нереализованной.

Но при таком взгляде на функцию термина умаляется лингвистический аспект стандартизации научно-технической терминологии. Основное внимание концентрируется на околызыковедческих моментах — построении классификации понятий и определений к ним. Вклад лингвистов в разработку требований к термину как собственно языковой единице обычно ограничивается разговорами об ориентирующих свойствах термина, о приближении буквального значения слова к содержанию понятия, традиционными требованиями однозначности, точности и краткости.

По существу единственная цель, которой достигает стандартизация, — это обеспечение однозначности, то есть количественного равновесия между системой понятий и системой знаков. Эта цель считается достигнутой даже в том случае, если «качеству» термина, его лингвистической правильности,

информационной емкости не придавалось особого значения. Поэтому вся современная практика стандартизации научно-технической терминологии носит характер унификации. Она обеспечивает соотношение 1:1 между системой понятий и системой знаков и тем самым устраняет синонимию и омонимию в пределах одной терминологической системы. Не удивительно, что в большинстве международных и национальных организаций работу по унификации научно-технической терминологии проводят не лингвисты, а инженеры, прибегающие к помощи лингвистов лишь в отдельных случаях.

Унификация — лишь начальная стадия работы по стандартизации. И этого явно недостаточно. Главная задача языковеда — выразить классификацию понятий в самой структуре и форме термина. «В основу построения системы терминов,— писал Д. С. Лотте,— должны быть положены классификации, рассматривающие понятия в их развитии и имеющие прогрессивный характер» (Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, стр. 73).

И химики раньше, чем представители других наук, пришли к выводу, что терминология точной науки должна быть систематичной. Они разработали интернациональный «алгоритм» образования наименований органических соединений (имеются в виду Льежская и Женевская химические номенклатуры). Не случайно, когда нужно сослаться на терминологию, в которой принцип систематичности проведен последовательно, обычно называют химическую терминологию. В химии по существу реализован метод дескрипторного описания объекта, получивший применение в информатике. Суть его сводится к следующему. «Углы зрения», под которыми рассматривается объект (в данном случае — понятие), сводятся к ограниченному числу стандартных аспектов или, как их принято называть в информатике, дескрипторов, а весь процесс описания объекта осуществляется путем приписывания каждому объекту того или иного набора дескрипторов. Так, название любого химического соединения, например **поливинилхлорид**, представляет собой набор ограниченного числа дескрипторов (их около 700; в данном случае: поли-+ -вини-+ -хлор-+ -ид). С их помощью очень подробно описано свыше двух миллионов существующих в настоящее время химических соединений.

Метод, использованный химиками, получает стихийное выражение в ряде терминологических систем. Каждый аспект содержания кодируется определенной частью слова или словом. В первом случае получаем многокомпонентный сложносокращенный термин, во втором — терминосочетание. Инженеры предпочитают вместо «мягкая искусственная кожа с поливинилхлоридным покрытием» говорить «винилискожа», вместо «пластическая масса на основе поливинилхлорида» — «винипласт». Таким образом, метод многоаспектного описания объекта позволяет в самой форме термина отразить те признаки деления, которые лежат в основе исходной классификации понятий.

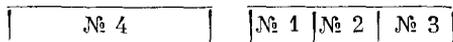
Этот метод получил применение при построении терминологических рядов для понятий, лежащих на одной классификационной горизонтали (см.: «Техническая классификация металлов». Вып. 53. М., 1948; «Терминология технологии стекла». Вып. 23. М., 1951).

Термины образуются путем сложения компонентов, каждый из которых выражает индивидуальный или общий признак понятия. Процесс терминообразования в этом случае сводится к кодированию семантики с помощью морфем (частей слова). О возможности такого подхода писала Т. Л. Канделаки в

интересной статье «Связь между содержанием понятий и морфемной структурой технических терминов» («Филологические науки», 1964, № 3). Способ, регулярно используемый при образовании терминов для понятий одного классификационного ряда, называется *моделью термина*.

Примером многокомпонентных моделей терминов, полученных путем сложения и аббревиации, могут служить модели терминов для мягких искусственных кож и пластических масс на основе высокополимеров. Эти модели могут быть изображены в виде схем.

Модель термина для мягких искусственных кож

Компоненты выражают следующие признаки:

№ 1 — индивидуальный признак — тип основы (тканая, нетканая, трикотаж; морфемы: текст-, трико-, волокн-);

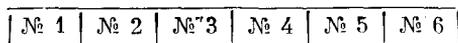
№ 2 — индивидуальный признак — вид полимерного покрытия (морфемы: вини-, нитро-, амидо- и т. д.);

№ 3 — общий признак — принадлежность данного материала к кожеподобным материалам (терминоэлемент **-искожа**);

№ 4 — индивидуальный признак — целевое назначение и отдельные свойства искусственной кожи — располагается перед определяемым сложносокращенным термином.

Термины, построенные по данной модели: вагонная текстовинилискожа, галантерейная винилискожа, автотекстовинилискожа, нитроискожа, текстоамидискожа и др.

Модель термина для пластмасс на основе высокополимеров

№ 1 — морфемы, описывающие выпускную форму полимерного материала (трубо-, листо-, пено-, поро- и т. д.);

№ 2 — морфемы, описывающие наполнитель (асбо-, стекло-, бума- и т. д.);

№ 3 — морфемы, описывающие химический состав полимерного связующего (вини-, нитро-, стиро-, буро-, акрило- и т. д.);

№ 4 — постоянный терминоэлемент **-пласт**, относящий данный материал к полимерным материалам;

№ 5 — аффикс **-ик-** — в случае термопластичности и нулевой, — в случае термореактивности;

№ 6 — морфемы, описывающие добавки к полимерному связующему (**-ат** — для пластификаторов, **-ас** — для стабилизаторов и т. д.).

Примеры терминов, образованных по этой модели: асбоизобутиленопластик, фенопласт, хлопкорезопласт, асборезопласт, слоедреворезопласт, стеклоэпопласты, листоакрилопластикат, тетрафторопласт, пеностиропластик, изо-стиропластик, титанопласт, стеклотекстопласт, слоемефодревопласт.

Возможность показать классификацию в самой форме термина — вещь

чрезвычайно соблазнительная, поскольку в этом случае принцип систематичности из призыва к действию превращается в последовательно проводимый, явно обозначенный лингвистический принцип.

Специалисты, разрабатывающие проекты стандартов на терминологию, высказываются за термины, построенные исключительно на признаках, диктуемых классификацией. В отзыве о первой редакции стандарта на терминологию искусственных кож, руководители Богородского завода «Искожа» пишут: «В определениях большинства видов мягких искусственных кож преобладают многословные наименования..., загромождающие устную и письменную речь практически ненужными словами. Со своей стороны считаем, что наименования видов искусственных кож должны быть по возможности краткими, четкими и в то же время позволяющими судить об их прямом назначении и некоторых основных чертах».

Итак, стремление «разместить» все компоненты в пределах единицы, эквивалентной слову, ведет к импликации (сжатию) полных наименований и к образованию многокомпонентных сложносокращенных терминов, которые чрезвычайно распространены в современной русской научно-технической терминологии. Поропласт, стеклопласт, асбовинипласт, текстивинит, автотекстивинилискожа, текстолит — все это широко известные термины, образованные путем сложения и аббревиации. «Прочтение» морфем (границы которых очерчены весьма четко) позволяет получить полную информацию относительно выражаемого ими понятия. Поэтому-то аббревиатуры и удобны для отражения классификации в структуре и семантике термина и для выдвижения модели многокомпонентного термина в качестве объекта стандартизации.

Нельзя не согласиться с утверждением, что «регулярность терминологических обозначений воспринимается специалистами разных областей как важнейшее свойство термина. Если термин „выбивается“ из системы, его сразу стараются упорядочить, поставить в общую шеренгу» («Словообразование современного русского литературного языка». М., 1968, стр. 159). Принудительная сила аналогий вызвала к жизни термин **отверждатель** вместо ожидаемого **отвердитель**: выравнивание пошло по глагольной основе — **отверждать/отверждаемый**. Старославянские основы и корни в научно-технических терминах не несут той традиционной экспрессивной окраски, которая свойственна им в художественной речи: предпочтение старославянскому корню в терминах **древопласт** и **древолит** можно объяснить лишь жесткими рамками сложившихся моделей (стеклопласт, асбовинипласт, поропласт; текстолит, волокнит).

Практика стандартизации должна довести до логического конца наметившуюся в современной русской научно-технической терминологии тенденцию к регулярности способов образования терминов для выражения родственных понятий. Логическим завершением этой тенденции станет модель термина.

Модель термина позволяет устранить тот произвол при выборе признаков, положенных в основу обозначения понятий, который характерен для современного терминотворчества. Зная модель термина для мягких искусственных кож, на базе которой образованы **винилискожа**, **нитромскожа** и др., можно предвидеть, что термин, выражающий понятие «мягкая ис-

кусственная кожа с полиамидным покрытием» (этого материала пока нет) примет такой вид: **амидискожа**.

Неупорядоченность терминологии, обусловленная отсутствием моделей, приводит к тому, что в обращении не участвует определенная часть терминов, «не понятая», не освоенная специалистами, но часто отвечающая научному и техническому прогрессу. Когда таких терминов становится достаточно много, издательства начинают готовить к ним соответствующую справочную литературу. Отсутствие в обращении хотя бы части терминов, оказавшейся не воспринятой широким кругом специалистов, сказывается на качестве научной работы. Нельзя забывать, что терминология — это свидетельство научного и технического прогресса, и модель термина усиливает пропагандистскую силу научно-технической терминологии как носителя полезной информации.

В настоящее время объем справочной литературы, вызванной необходимостью дать толкование терминам, растет не только прямо пропорционально количественному увеличению терминов, но и опережает его, поскольку необходимость в словарях-справочниках и другой специальной («расшифровывающей») литературе возникает всякий раз, когда нужно дать интерпретацию вновь возникающим объектам. Установление моделей терминов позволило бы, по крайней мере, сократить объем такого рода литературы и уменьшить количество переизданий.

Модель термина выступает как критерий оценки существующей и формирующейся терминологии и устраняет тот разрыв между планом выражения и планом содержания, который характерен для современной научно-технической терминологии в целом.

П. В. ВЕСЕЛОВ,
научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского
института технической информации,
классификации и кодирования

Знаете ли вы, что....

...русское слово *бревно* существует в современном арабском языке в виде *мүрина* 'балка, бревно'. Первоначальную его звуковую обработку произвели кыпчаки-половцы, которые долгое время жили в степях Северного Причерноморья: в их языке это слово стало звучать так, как оно звучит сейчас у казахов — *бөрене*, но к арабам слово попало из такого половецкого диалекта, в котором начальный звук *б*-изменился в *м*-. После нашествия татар много половцев оказалось в Египте и Сирии.

УЧЕБНИК РОДНОГО ЯЗЫКА

В прошлом номере мы публиковали ответы авторов экспериментальных учебников для IV класса средней школы на анкету журнала.

Для проверки учебников в 1968/69 учебном году был проведен эксперимент в ряде школ РСФСР. Всего по новым программам работало 180 учителей. Проверка подтвердила возможность на год раньше начинать изучение в школе систематического курса русского языка и выявила преимущества новых программ перед старыми.

Отзывы учителей, результаты обсуждения их в педагогических коллективах школ и на кафедрах высших учебных заведений, мнения лингвистов свидетельствуют о том, что лучший из пробных учебников — учебник, подготовленный коллективом авторов в Академии педагогических наук СССР (Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Л. А. Тростенцова). Однако и в этом учебнике есть ряд недостатков, и поэтому потребуются доработка, прежде чем он может быть введен как обязательный.

Коллегия Министерства просвещения РСФСР признала целесообразным продолжить в 1969/70 учебном году экспериментальное преподавание русского языка в IV классе только по учебнику Т. А. Ладыженской и др., что обеспечит лучшие условия для его дальнейшей проверки и доработки. Вопрос об утверждении учебника в качестве стабильного будет окончательно рассмотрен в марте 1970 года.

Решено подготовить к изданию «Книгу для учителя русского языка IV класса», в которой будут использованы опыт и материалы других пробных учебников, имеющих ряд существенных достоинств (так, учебник С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова отличается высоким научно-теоретическим уровнем, а учебник Л. П. Федоренко интересен упражнениями по лексике и развитию речи).

4—7 января 1969 года в Суздале проходили семинарские занятия для учителей, работающих по экспериментальному учебнику русского языка для IV класса, подготовленному коллективом авторов в Академии педагогических наук СССР — Т. А. Ладыженской и др. Авторы учебника много делают для повышения лингвистической и методической подготовки учителей, постоянно проверяют, насколько учебник понятен, удобен учителю, советуют, как лучше дать ту или иную тему и провести урок.

Одновременно состоялась и расширенная конференция по обсуждению новых учебников.

Хорошая организация семинара и сама обстановка старинного тихого городка располагали к напряженной работе. Чувствовалась горячая заинтересованность учителей в деле.

Предлагаем читателю заметки, в которых мы постарались свести воедино впечатления от бесед и встреч с учителями, от их выступлений на конференции. Кстати, здесь присутствовали и учителя из Новосибирска и Новосибирской области, из Куйбышева, Курска, Ташкента, Тосненского района Ленинградской области.

Итак, слово учителям.

Каково общее впечатление от новой программы, нового учебника? Ответ на этот вопрос всегда был однозначен: изменения в программе полезны, учебник хорош, он нужен школе.

Чем же хорош учебник и что в нем особенно ценно? Приведем некоторые мнения, на наш взгляд, наиболее характерные.

Е. И. Мыльникова (г. Куйбышев, средняя школа): «Эксперимент, который проводится в последние годы, безусловно, оживил работу учителя. Мне кажется, что нововведения в программе и учебниках помогают работникам школы. Нужны постоянные поиски и существенные, а не частные изменения. Все это развивает инициативу учителя. В этом отношении полезно было бы иметь для выбора несколько учебников. Постоянный, не подвергающийся существенным изменениям учебник, пожалуй, даже вреден для школы потому, что в этих условиях останавливается развитие учителя. Я вот преподаю в школе 20 лет. Из года в год имела дело с

одним и тем же учебником, с одними и теми же упражнениями. Так работать становилось скучно.

Появление нового учебника — радость для учителя. Прежде всего, в нем очень интересны упражнения, представляющие собой, как правило, связные тексты. И упражнений много. Учителю предоставляется возможность выбора в соответствии со своими методическими принципами, в зависимости от подготовленности класса. Есть в учебнике и необязательный материал, который можно проработать только в том случае, если класс все легко усваивает и проявляет повышенный интерес к языку.

Три молодые учительницы — В. И. Баженова (Брутовская школа), Н. М. Сафронова (Богословская школа), Л. В. Кондратьева (Борисовская школа) совсем недавно окончили Юрьево-Польское педучилище.

Мы рады, говорят они, что с первого же года пришлось участвовать в эксперименте; работать пока трудно, но интересно. Н. М. Сафронова отмечает, что в новом учебнике очень разнообразные упражнения, все задания хорошо продуманы. К ее мнению присоединяется Л. В. Кондратьева: «У меня в IV классе дети внимательны, думают, оживляются даже самые вялые из них, а в V классе, где я занимаюсь по старой программе, уроки проходят скучнее, монотоннее; задания в старом учебнике слишком однообразны».

Ценно в учебнике АПН СССР то, что он открывает перед учителем новые перспективы для творчества. Вот что говорит об этом В. И. Баженова: «Я и сама начинаю придумывать упражнения на сообразительность, ребятам они нравятся. Например, я попросила составить предложение по такой схеме:

если 1 , то 2-е и 3-е
 предложение предложение предложение

(Если завтра будет хорошая погода, то мы пойдем в лес и будет весело). В VI классе это задание выполнить не смогли, а четверо-классники с ним справились!».

А вот мнение новосибирцев.

Заслуженная учительница РСФСР Д. И. Федорова (Новосибирск, Академгородок): «Очень полезно, что новый учебник дает не просто набор сведений, а систему знаний. К каждому выводу дети подводятся постепенно, подготавливаются к нему, а не получают его готовым. Формулировки, теории в учебнике даются как итог опыта ученика, его собственные наблюдения. Все это обеспечивает общее развитие учащихся».

В академических учебниках и по русскому языку и по математике, составленных по новой программе, наблюдается очень хорошая тенденция: не перегружая ученика сведениями, приучать его

думать, развивать мыслительные способности. У детей, занимающихся по новой программе, безусловно, повышается интерес к учебе. К нам в класс пришел мальчик из другой школы. Вскоре родители заметили, что у него появился интерес к русскому языку, стремление прочитать что-то и помимо учебника. К сожалению, учителя мало что могут рекомендовать. Подходящих научно-популярных книг почти нет».

Г. И. Кузнецова (Абрамовская школа Куйбышевского района Новосибирской области), присоединяясь к мнению Д. И. Федоровой, считает большим достоинством учебника воспитательный и познавательный характер упражнений: они всегда подчинены задачам развития мышления и речи учеников. «Новая программа и учебник исключают разрыв между IV и V классами,— добавляет М. С. Коршикова (Степная школа Искитимского района Новосибирской области).— Раньше в V классе синтаксисом занимались недостаточно, но даже и для тех отрывочных сведений, которые давали, ученик старого IV класса не был подготовлен. Четвероклассники теперь гордятся, что знают иногда больше, чем ученики V и VI классов. Им нравится проявлять самостоятельность, они хорошо умеют пользоваться словарем, данным в конце учебника. Вообще в работе детей, занимающихся по новой программе, больше сознательности и старания».

Довольна учебником и Р. Я. Лашкова (Суздальская школа-интернат): «Очень хорошо и просто в учебнике изложена теория. Материал дается с постепенным нарастанием трудности. Дети приучаются к серьезной, сосредоточенной, самостоятельной работе. Очень им нравится система условных обозначений, при помощи которых учебник сам учит, что нужно повторить, что вспомнить, на что обратить особое внимание».

Как видим, мнения учителей в чем-то совпадают. Много и различий. Думается, здесь дело не только в творческой индивидуальности каждого учителя, но и в том, что учебник весьма полно, разносторонне и по-новому трактует вопросы обучения. И в этом тоже его несомненная ценность.

Но следует ли безоговорочно принимать новый учебник? Наверное, нет. Книге необходима некоторая доработка.

Так, Р. Я. Лашкова советует изменить в учебнике систему повторения. Многие учителя отмечают как недостаток отсутствие в нем сводных таблиц местоимений, спряжения глаголов и др. Такие таблицы очень удобны для повторения (они, кстати, даны в других экспериментальных учебниках).

По мнению некоторых учителей (В. Н. Баженовой и других), трудно даются ученикам разделы: «Диалог», «Распространенные и нераспространенные однородные члены».

Н. П. Зотова (Боголюбовская школа Суздальского района) считает, что для четвероклассников сложен фонетический разбор. Рано, по ее мнению, вводить транскрипцию, хотя это и хороший прием для того, чтобы показать различие звука и буквы.

Некоторые учителя (Н. П. Зотова, Н. М. Сафронова) отмечают, что в учебнике недостаточно четко объяснено значение йотированных гласных. «Правда, эта тема,— добавляет Н. М. Сафронова,— дана как дополнительный материал, но и он попадает в контрольные работы, которые присылает району, так что практически дети должны усвоить все, что есть в учебнике».

Единодушно отмечая достоинства упражнений, некоторые учителя (Д. И. Федорова, Н. П. Зотова) высказывают пожелание увеличить число упражнений в разделе «Лексика», особенно по теме «Устойчивые сочетания».

Особо хочется сказать об учителях так называемых малокомплектных школ. В небольших деревнях, где не удается укомплектовать класс полностью, учитель одновременно ведет занятия с детьми нескольких возрастных групп (классов). Хотя этих школ по стране не очень много, мнение о новом учебнике педагогов, работающих в таких необычных условиях, тоже интересно.

Мы разговаривали с учителями начальных школ: Л. Н. Кабановой (Кутуковская школа), Л. В. Тихоновой (Дюково-Борская школа) и З. П. Парамоновой (Чернижская школа). Отмечая специфические и общие трудности, они сходятся на одном: после занятий по экспериментальному учебнику им не хотелось бы возвращаться к старому. Учебник нравится и преподавателям и ученикам. Хорошо, что в нем есть рисунки. Пожалуй, можно их дать и еще больше, желательно в красках. Некоторые темы учителям малокомплектных школ также показались трудными для восприятия детей.

Л. В. Тихонова второй год преподает в школе, занимается одновременно во II и IV классах по пяти экспериментальным учебникам, в том числе и по экспериментальному учебнику русского языка для IV класса. «В новом учебнике есть довольно трудные разделы,— говорит она.— Например, фонетика в целом дана удачно, но трудна транскрипция, на различение звука и буквы нужно дать побольше упражнений. Мало сказано о правописании сочетаний *чи, чк, нч*. Мне кажется, что последняя тема лучше дана в учебнике Л. П. Федоренко. Рано давать четвероклассникам и „Диалог“. Мне кажется, что нужно учесть наши особые трудности и издать для малокомплектных школ специальное методическое пособие».

Итак, переход на новые программы, новые учебники — дело непростое. Учителям необходимо повысить свой научный уровень, отказаться от многих старых привычек, освежить в памяти те знания, которые они получили в институте или педучилище. Нужна переподготовка учителей начальной школы: ведь многие из них должны будут перейти на преподавание в среднюю школу.

Много трудностей организационного характера ожидает областные и районные отделы народного образования. Заведующий Владимирским облоно Г. И. Чернов выразил общее мнение присутствующих на конференции, сказав, что школа в конечном результате выигрывает. Введение новой программы и нового учебника по-

зволит решить многие современные проблемы. Очень важно, что педагогическая работа приобретает более творческий характер, учитель становится организатором учебного процесса, а не просто передатчиком знаний. Отсюда и интерес к работе. Занятия по экспериментальному учебнику развивают у детей любовь к знанию, науке, творчеству.

Л. Е. ЛОПАТИНА

О ЗАКОНАХ И ТАЙНАХ РОДНОГО СЛОВА

Составленный группой авторов пробный учебник для IV класса, как мне кажется, открывает перед учителем богатейшие возможности вооружения учащихся смысловыми и эмоциональными богатствами родной речи. Это жизненно важно для освоения подрастающим человеком главных основ общей культуры.

Проделана большая и очень вдумчивая, во многом новаторская работа для того, чтобы школьники наши уже в IV классе смогли приобщиться ко всем тайнам, красотам и сокровищам родного языка, которые, к сожалению, частенько еще остаются нерасслышанными за скучно звучащими, безрадостно и вглухую заучиваемыми в классе и в заданиях на дом правилами грамматики.

Авторы на сотнях примеров могут доказать, что они действительно «стремились приблизить, насколько это возможно, школьный курс к научному, отразить достижения лингвистической науки».

Учебник этот не только поможет школьникам стать грамотными, но и раскроет перед ними в доступном виде проблемы фонетики, графики, орфографии, лексики, морфологии и синтаксиса, связав их в единое целое, позволяющее распознать самые недра русского слова, постичь смысл и глубину его звучания. Словом, как мне думается, настоящий учебник призывает учителя к творческому подходу в преподавании русского языка. И в то же время учебник щедр на познавательный, в чем-то порой обязательный, хотя и в свободной манере излагаемый материал, иллюстрируемый множеством изобретательно найденных примеров словупотребления, затейливо придуманных учебных задач, остроумно поданных рисунков, различных графических приемов.

Дидактический материал взят авторами прежде всего из произведений советских детских писателей, а также из тех творений классических авторов, которые доступны по содержанию и по фор-

ме учащимся IV класса. Следует отметить, что подбор материала сделан авторами учебника широко и свободно. Здесь ученики встретятся не только с отрывками, примерами, цитатами, взятыми из книг наиболее популярных детских писателей (Маршак, Житков, Михалков, Барто, Бианки, Гайдар, Носов, Каверин, Фрайерман, Осеева, Воронкова, Ильин и др.), но и таких, как Паустовский, Пришвин, Твардовский, Шолохов, Фадеев, Н. Островский, Хикмет, Лебедев-Кумач, Исаковский.

Отрадно, что в учебнике нашлось место и для улыбки. Как, например, уместно звучит стихотворение «Веселая грамматика» О. Высотской в разделе «Части речи».

Но кое-где, как мне кажется, авторы проявили недостаточную взыскательность к художественной стороне привлекаемых цитат. Например, вряд ли следовало уделять место среди хорошо в целом подобранных литературных материалов таким «упражнениям», как рассказец «В трамвае» по Н. Патову, нестерпимо сладкий и примитивно назидательный. Сомневаюсь, чтобы достойны были хорошего учебника, призванного воспитывать и вкус к художественному образу, такие строки: «Чистоту им (лугам и рощам.— Л. К.) передали нашей родины снега», или рассказик «Картошка и помидор» по Б. Беспалову.

Мне показалось, что где-то учебник превращается уже в некий сборник упражнений, как бы задачник для определенной речевой тренировки или практики правописания. Это, как будто, хорошо. Законы, правила, изложенные в учебнике, перестают быть абстрактными и тут же в живой и интересной форме иллюстрируются, применяются в речи и начертании. Однако иногда, особенно в начале учебника, ну, скажем, в первом его разделе «Повторение пройденного», я не вижу принципа, по которому какие-то определения, уже, по-видимому, известные учащимся, даются в учебнике снова, когда другие немаловажные сведения не повторяются, как бы признанные заведомо навсегда запомнившимися школьникам. Почему, например, дается развернутое пояснение понятия «имя существительное», а о различных склонениях напоминает лишь в упражнениях? Или, например, не объясняется, почему по-разному пишутся в окончании и склоняются слова *мяч* и *мышь*.

Не совсем ясно мне, почему многие стихотворные цитаты напечатаны без разбивки на строки. Вряд ли это полезно. Ведь дети хорошо чувствуют ритм стиха, и стихотворения, напечатанные в виде прозаического текста, заставят их спотыкаться там, где должны быть окончания строк. И в то же время отсутствие разбивки на строки мешает детям воспринимать метр стиха.

Все эти частные замечания ни в какой мере не снижают той высокой оценки, которую, на мой взгляд, заслуживает учебник.

ЛЕВ КАССИЛЬ,
член-корреспондент АН СССР

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕРЕСА К РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Оценивая учебник Т. А. Ладыженской и др. в целом, следует сказать, что это интересная, превосходная книга. С первого взгляда она не производит такого впечатления, и достоинства ее начинаешь ценить только в работе, постигнув ее «систему». Отмечу то, что показалось особенно хорошим.

Впервые в учебнике мы встречаем материал для самостоятельных наблюдений учащихся, что позволяет учителю прибегнуть не только к дедуктивному методу, но и к индуктивному, причем без затраты особых усилий. Желательно было бы расширить и постепенно усложнять тексты для наблюдений, превращая ребят постепенно в своеобразных «исследователей» языка.

В учебнике дано много разных и хороших по языку текстов. Думается, предпочтение здесь должно быть отдано русской и советской классике, что в основном и сделано. Но, к сожалению, этот принцип не всегда выдержан, и тексты малохудожественные и просто примитивные все же встречаются. Зато как приятно работать над текстами Паустовского, Маршак, Пришвина, Королёк и др.

Особое значение имеют тексты, которых раньше у нас никогда не было: рассказы из истории языка и высказывания о богатстве, красоте русского языка. Хочется обратить внимание на то, что их ценят и сами ребята. Совершенно добровольно почти все дети выучили высказывания о русском языке наизусть и даже начали самостоятельно подбирать их. В анкетах они просят дать побольше таких текстов.

Следует также сказать об упражнениях и заданиях по развитию речи. Во-первых, большинство их дано в органической связи с изучаемым теоретическим материалом. Во-вторых, интересен (и совершенно нов, по-моему) самый принцип сочетания этих упражнений; сначала образец («вот, смотри, как надо»), затем пример плохого, невыразительного текста («смотри, как не надо») с заданием исправить текст и только потом — самостоятельная работа. Редактирование текста сразу стало любимейшим упражнением ребят: они просят увеличить количество таких упражнений. Наконец, подбор упражнений позволяет и учителю проявить свое творчество. Приведу пример такой работы.

При изучении синонимов ребятам последовательно предлагается рассмотреть упражнение 303 (по Фадееву), 304 (по Лавреневу), 305 (редактирование) и самостоятельное сочинение. Здесь учитель должен не просто показать самый факт употребления синонимов писателем, а, раскрывая оттенки значений, дать почувствовать ученику выразительную силу слова (например: засмеялся, прыснул, хохотали).

Особенно интересные возможности дает в этом отношении текст Лавренева: смотрела — нейтральное слово; созерцала — смотрела пристально, внимательно, долго; взирали — смотрели с равнодушием и, может быть, превосходством; глазели — смотрели во все глаза, ничего не понимая; глядела — тоже нейтральное слово, но в контексте оно перестает им быть, а как бы вбирает в себя слова *устно, тоскливо*.

В доступной форме все это разъясняется учащимся. Потом предлагается прочесть упражнение 305. Ребята прямо-таки возмущаются невыразительностью, бедностью текста. Появляется желание его исправить, что им и разрешается сделать. Но в том-то и дело, что даже и после исправления текст не удовлетворяет их. Тогда предлагается самим написать сочинение на ту же тему.

Результаты очень неплохие. Чувствуется у ребят попытка работать над выразительностью употребляемых глаголов. Анализ показывает, что даже не очень сильная ученица хорошо справилась с заданием. Вот глаголы движения, которые она употребила: отправилась, поехали, шел, плелась, забралась, вихрем съехал, скатился, прокатиться, храбро ринулась и др. Ученица правильно поняла задачу: не просто не повторять одно и то же слово, а добиться выразительной и точной передачи значения. К этому ее подвел ряд данных упражнений.

Мы остановились только на одном моменте работы по развитию речи, а таких возможностей учебник дает очень много.

Невозможно подробно охарактеризовать все положительные стороны учебника, перечислим еще лишь некоторые. Хорошо, что определен минимум для заучивания, что в разъяснениях терминов даются греческие и латинские корни (мы с ребятами завели специальную карточку, куда заносятся эти слова). Интересно давать подготовленные диктанты и изложения: это развивает зрительную память и речь учеников. Хорошо, что в учебнике много веселых стихов.

Коротко о недостатках учебника. Синтаксис требует большего повторения, чем для этого предоставляется возможность в учебнике при изложении последующих тем. Как-то не улавливается система в повторении.

Многие тексты все же слишком упрощены, примитивны, иногда очень назидательны, прямолинейны. Но в общем, конечно, не такие тексты определяют материал учебника.

Неясно, как вести словарно-орфографическую работу. Мало элементов игры (может быть, дать приложение к учебнику из элементов занимательной грамматики).

Несмотря на некоторые частные недостатки, учебник очень хорош. За 12 лет работы в школе я не видела такого интереса к своему предмету, как в этом году в IV классе. Без сомнения, в первую очередь это заслуга нового учебника.

И. А. ПРУГАЛОВА,
учительница ленинградской школы № 157

МАХРЫ- МАХРОВЫЙ

В одном из писем читателей был вопрос: «Почему слово *махровый* употребляется в отрицательном смысле, например, *махровый реакционер?*». Вопрос закономерный, хотя и сформулирован не совсем точно.

Прилагательное *махровый* в современном русском литературном языке встречается в сочетаниях с существительными, относящимися к трем различным смысловым рядам, и — соответственно — выступает в трех значениях, уже не очень тесно связанных между собою. В сочетаниях с существительными, обозначающими какой-либо материал (тканый или плетеный) или изделия из такого материала, оно означает 'имеющий махры', то есть бахрому или что-нибудь подобное ей, например свисающие нити, клочки и т. д.; в отношении к тканым предметам *махровый* значит также 'имеющий ворс, образуемый нитяными узлами' (махровое полотенце, махровая простыня и т. п.). Это основное и исходное значение слова.

Другое значение, связанное с первым, но, несомненно, специализированное и потому обособившееся, выступает в сочетаниях с названиями цветов, цветущих растений (махровые розы, гвоздика, георгин и пр.). Прилагательное *махровый* закрепилось в ботанической, садоводческой терминологии. Оно выделяет 'цветы с тычинками, превратившимися в лепестки' (Н. А. Тимирязев. Жизнь растения). «Явления махровости,—

писал Тимирязев,—любозытны еще в том отношении, что они могут быть отчасти вызваны искусственно». Действительно, выведение махровых цветов, пышных, с обилием лепестков, давно уже распространено в садоводстве.

Именно от этого терминованного значения и ведет свое начало использование прилагательного *махровый* как своего рода эпитета, характеристики в чисто качественном значении. В подобных случаях *махровый* сочетается либо с отвлеченными существительными (обозначениями различных свойств, качеств или действий и явлений социальной жизни), либо с названиями лиц, деятелей, носителей таких свойств.

Такое особое употребление прилагательного и занимает нашего читателя (в «Словаре современного русского литературного языка»: 'ярко выраженный, достигший высшей степени'). Прилагательное *махровый* в этом общем значении особой интенсивности проявления чего-либо соотносится теперь только с теми качествами, свойствами и явлениями, а также их носителями, которые имеют отрицательный, с нашей точки зрения, характер. Вот типичные сочетания со словом *махровый* в данном значении из произведений литературы и из црессы последних десятилетий (эти примеры содержатся в большой словарной картотеке Института

русского языка АН СССР в Ленинграде): *махровая* реакция, *махровый* реакционер, белогвардеец, националист, бандит; *махровая* порнография, *махровая* ложь и т. п. Сочетания эти для современного употребления, несомненно, типичны. Круг их сравнительно ограничен, но зато некоторые из них весьма употребительны (особенно *махровая реакция* и *махровый реакционер*). Напротив, невозможно теперь представить сочетания *махровый* со словами, выражающими положительные, с нашей точки зрения, понятия, или с наименованиями лиц — носителей положительных свойств.

Любопытно, что в тех редких для современного употребления примерах, где прилагательное соотносено по воле автора с существительным нейтрального, во всяком случае не чисто отрицательного, содержания, оно становится как бы «сокращенным» указанием на отрицательную сущность данного явления или лица. Так, в одной из газетных статей мы встретили сочетание: «писатель дореволюционный, за исключением самых махровых...», откуда очевидно, что автор имеет в виду писателей явно реакционных, ретроградных.

Итак, *махровый* в таком употреблении сейчас не только имеет общее значение интензивного, крайнего проявления чего-либо (в этом смысле оно синонимично словам *явный*, *очевидный*, *безсловный*, *крайний* и т. д.), но и содержит дополнительный экспрессивный оттенок отрицания, неодобрения того, что выражено сочетающимся с ним существительным (и в этом смысле оно ближайшим образом соотносится с другими не менее выразительными эпитетами — *отъявленный*, *оголтелый*).

Почему же за словом *махровый* закрепилось ограниченное применение? Как, когда и при каких условиях оно сложилось?

Как уже сказано, такое употребление слова следует признать переносным; оно сложилось в результате образного использования прилагательного *махровый* в его «садоводческом» значении. Эта связь и сейчас, несмотря на всю специфич-

ность и обособленность экспрессивного, «публицистического» по преимуществу применения слова как своеобразной характеристики явлений и лиц, еще опутима. Ведь рядом с сочетаниями *махровая реакция* или *махровый реакционер* мы постоянно употребляем и явно образные, сравнительные построения типа: «реакция расцвела махровым цветом». У Курина: «Он попл в ресторанах отъявленных дураков и негодяев, терпеливо выжидая, пока в объявлении они не распусят пыльным махровым цветом своего уродства» (Штабс-капитан Рыбников).

Махровый — ближайшее производное от существительного *махор* (в другом произношении и написании — *мохор*), чаще всего употребляющегося во множественном числе — *махры* (*мохры*). В этимологических словарях русского языка А. Преображенского и М. Фасмера мы найдем указание (безоговорочное у Фасмера, предположительное у Преображенского) на то, что *махор* (*мохор*) восходит к общеславянскому *мох* (*мъхъ*) и родственно со словом *мохны* (единственное число *мохна*) 'шерсть или перья на ногах животных, птиц', также вообще 'кочки, лохмы волос, шерсти' (от последнего произведены *мохнатый*, *мохнатея* и т. п.). Однако данная этимология сомнительна. Возводя это слово наряду с *мохна* к исконно славянскому *мъхъ*, составители указанных словарей (ср. также: Г. А. Ильинский. Звук sh в славянских языках — «Известия Отделения русского языка и словесности АН», 1915, т. XX, кн. 3) опирались на мнение, впервые высказанное чешским языковедом А. Матценауэром. Кроме ссылок на Матценауэра, другие этимологи, обратившиеся к данному слову (И. Зубатый, Г. Ильинский, А. Преображенский, М. Фасмер), никаких доводов в пользу этого утверждения не привели. Между тем сам А. Матценауэр очень осторожно и предположительно писал: «Однокоренными с *мъхъ* 'muscus', кажется, являются (zdaji se býti): рус. мохнá..., мохор..., мохры..., мохровый» (А. Matzenauer. Příspěvky ke slovanskému jazykozpytu. — «Listy filologické

a paedagogicé». Т. X. Praha, 1883). Есть данные, которые заставляют усомниться в таком предположении.

Начнем с того, что слово *махор*, *махры* известно только русскому и белорусскому языкам, а *махровый* — типично русское образование (в современном украинском литературном языке оно употребляется лишь в своем переносном значении и несомненно взято из русского). В русском языке оно появилось довольно поздно. Первые его фиксации относятся к XVIII веку. Оно приводится в переводном (немецко-русском) словаре «Российский Целлариус» (1771), а из толковых словарей — в «Словаре Академии Российской» (1792). Любопытно, что в словарях XVIII века (упомянутом «Российском Целлариусе», Словаре И. Нордстета, 1780) сперва выступало написание: *махры*, *махровый* и лишь несколько позднее с *о* в корне, которое может уже служить признаком этимологических отождествлений этих слов со словами *мох*, *мохна*, *мохнатый* и т. д. Впрочем, и впоследствии написание с *о* не стало единственным, а практика последних лет восстановила — как унифицированное — написание с *а*.

Наша историческая словарная картотека (древнерусского словаря — в Москве, словаря XVIII века — в Ленинграде) также свидетельствуют, что *махровый* не встречается в памятниках ранее XVIII века, да и в них регистрируется не так часто и только в значении «садоводческом» или «огородническом». Наиболее ранних из известных случаев его употребления находим в переводной книге «Флоривова экономия» (1-е издание — СПб., 1738), посвященной описанию различных домашних занятий и потреб. Там, например, читаем о капусте: «Сего плода разные сорта находятся, а имянно белая, серая, махровая, италийская и немецкая капуста». Ср. в журнале «Экономический магазин» (московское издание Н. И. Новикова, ч. IX, 1782): «вишни с махровыми цветами»; «Словарь ботанический» Н. М. Максимовича-Амбодика (СПб., 1795): «гвоздички пестрые махровые».

Слово *махор* (*махры*) более раннего происхождения. Оно распространено в русских народных говорах, северных и южных, и представлено в них довольно широкой гаммой значений, относящихся к различным предметам. По данным областных словарей и богатых собраний картотек современного русского словаря и «Словаря русских народных говоров» в Ленинграде (записи, сделанные в разных местах на протяжении XIX—XX вв.), слово *махры* (*махор*) значит и «бахрома», и «различные предметы туалета (например, платок, палль и т. п.) с бахромой по концам», и «различного рода кисти, подвески (например, у пояса)», но вместе с тем — и «лоскутки», «рваные трипки», а также «оборванная старая одежда (с торчащими по краям, на подоле, на рукавах и т. п. нитками, ключьями и т. п.)». Здесь мы не имеем возможности привести весь этот пестрый диалектный материал. Но вот скудные сводные данные с указаниями на место фиксации слова.

1. Бахрома (соответственно для форм единственного числа — «отдельная часть, кисть бахромы»). Очень широко (записано в Кировской, Владимирской, Калининской, Смоленской, Псковской, Орловской, Пензенской, Новосибирской областях). Ср. также белорусское *махры*.

2. О различных предметах одежды с бахромой или иными украшениями по краям. Ср. орловское (запись Е. Ф. Будде начала XX века): «головной платок с бахромой, образующий на голове мохнатую повязку в виде турецкой чалмы»; владимирское: «полотенце, выстроченное с бахромой»; кировское (вятское): «оборки по подолу сарафана» и т. п.

3. Различные подвески, кисти как украшение. Отмечено в этом значении в Пензенской, Орловской, Воронежской, Рязанской, Смоленской, Калининской областях, на Дону и т. д. Ср. в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского (Смоленск, 1914): «Махры вышиваные — узоры на занавеске, пришитые к низу занавеси; узоры вышиваются красными нитками»;

в записях народных песен П. В. Киреевского: «Я по пояс в золоте обвилась, Жемчужные махорчики до земли».

4. Лоскутки, тряпки (Рязанская обл.), куски рваной одежды (Псковская обл.).

5. Оборванная (особенно по краям) старая одежда (записано в быв. Вятской губ., в Саратовской обл.). С этим значением прямо связаны некоторые производные существительные, известные народным говорам. Например, *махряк* (женский род: махрячка) 'оборванец, неопрятный в одежде человек' (В. И. Даль. Словарь); *махря* 'растрена, разгильдяй' (употребляется как бранное слово, например, в говорах вятских); *махоря* 'неповоротливый, неловкий человек'; *махратник* 'мелочной торгаш, коробочник, разносчик' — Пензенская обл. (Дополнения к Опыту областного словаря. СПб., 1858), 'тот, кто собирает разный утиль, кости, тряпки и т. д.' (записано в Пензенской обл. в 1966 году Зиминим) и др.

6. Пучки волос у лошади на ногах, под копытами (записано в Смоленской обл.).

Даже из краткого перечня видны не только широкое распространение существительного *махры* (*махор*) в говорах и широкая амплитуда его смыслового наполнения, но и ведущее положение среди диалектных значений первого — 'бахрома'. Это нам представляется прямо указывающим на происхождение слова. Видимо, оно произведено не от слова *мах*. Естественнее предположить, что оно — вариант, видоизмененное заимствованного русского языком несколько веков назад *бахрома* (последнее отмечается впервые в русских текстах XVI века). Характерно, что в русских говорах, как отметил еще В. И. Даль в своем Словаре, встречается также его звуковой вариант — *махрома*. Слово, очевидно, пришло к нам из тюркоязычной среды. В. В. Радлов в «Опыте словаря тюркских наречий» (т. IV. СПб., 1911) отмечает *махрама* в языке караймов со значением: 'вуаль для женщин' и возводит его к арабскому источнику (см. И. Д. Ягел-

ло. Полный персидско-арабско-русский словарь. Ташкент, 1910; *ma(u)qrama* — 'покрывало с вышитыми рисунками, платок носовой, салфетка'; 'постельное белье'; ср. также в болгарском: *махрома* 'большой деревенский платок с полосатыми узорами'). Слово это в пору усиленных сношений (в том числе и торговых) с тюркоязычным тогда Крымом проникло в русский язык и здесь претерпело и смысловую (хотя прежде всего и осталось в живой народной речи связанным с обозначением предметов туалета и их украшений) и звуковую, формальную эволюцию (*махра*, *махор* из *махрома*; наряду с сохранением и *махрома*, *бахрома* — обе последние формы, по свидетельству академика Ф. И. Корша, были известны и тюркским источникам). Смысловую эволюцию *махры* от значения 'бахрома' к значению 'свисающие нитки, лоскутья, клочья' и даже 'рваная одежда, ветошь' и т. п. объяснить нетрудно. Такое 'ухудшение' предметного значения — случай в языке нередкий, особенно в заимствованных словах. Ведь и *бахрома*, прочно закрепившееся в русском литературном языке в его исходном значении, может в определенных речевых контекстах употребляться для обозначения обтрепанных краев одежды.

Существительное *махры* (*махор*), широко распространенное в говорах, лишь в последние полтора-два столетия стало употребляться в так называемом «литературном просторечии», то есть в кругу слов обиходного, сниженного характера, привносящих в нашу речь известный бытовой колорит. В литературных текстах XVIII века оно представлено немногими примерами. Причем и тут мы встречаем его прежде всего со значением 'бахрома':

Увидела себя без райских покрывал,
Лежащу в платыце простом и ненарядном,

В какое Душеньку, в несчастье
Бесприкладном,

Оставив выкладки и всякие махры,
Родные нарядили.

БОГДАНОВИЧ. Душенька

Выкладка здесь — «нашивки на полях или подоле женского платья».

Особое распространение в литературе это существительное получило с середины XIX века, когда в реалистическую прозу все сильнее проникают слова народно-обиходного языка. Вот несколько примеров: «[Лошади] с подвязанными хвостами, в сбруе с кольцами и махрами» (Л. Толстой. Анна Каренина); «Вон ночью умные-то понадели красную рубаху, пояса с махрами, лосные картузы — словно господа» (Н. Успенский. Егорка-пастьух); «витой с нарядным махром арапник» (Шолохов. Тихий Дон), «пушистые махры шарфа» (там же) и т. д. Это — об украшениях разного рода, бахроме и пр. А вот и в «ухудшенном» смысле — о торчащих ключьях чего-либо, оборванных, растрепанных концах и т. д.: «Крыши... были крыты соломою, но под щетку, так что глаз не огорчался ни махрами, ни всякими ключьями» (Щедрин. Сказки. Деревенский пожар); «Хозяин разбранил его за то, что он ходил с махрами на сапогах и голыми пальцами и велел купить ему новые сапоги на базаре» (Л. Толстой. Алеша-горшок) и пр.

Немудрено, что при такой широкой распространенности слова *махры* с его различной предметной отнесенностью становятся популярными, обычными в литературе и его различные образные применения, «переносы» по сходству. Например: «В поле ни травинки нет, кое-где только торчит махрами сопрелая ветوشь, которую прошлой осенью скотский зуб венароком обошел» (Щедрин. Сказки. Коняга); «Новыль... белел одинокими махрами» (Вересаев. На мертвой дороге).

Одно из таких образных применений слова *махор*, легко получившее специальный терминированный смысл, сложилось в садоводческой практике. «Словарь Академии Российской» (1792) так описывал значение и употребление существительного *махор*: «Каждая из нитей к краям платья для украшения пришиваемых и бахрому собою составляющих. *Махры у чеп-*

рака золотые, шелковые. Говорится также уподобительно о цветках растений, имеющих часто сидящие лепестки и длинные зубчики. *Махры на маке*».

От слова *махор* в русском народном языке развилось довольно много производных. Ср., кроме приведенных выше *махряк, махря, слова махрить, махриться, махроветь, махорчатый.* Но наиболее употребительным и распространенным из них оказалось самое ближайшее по смыслу его производное — прилагательное *махровый*. Описание этого прилагательного в ранних словарях, вплоть до «Словаря церковно-славянского и русского языка» 1847 года и «Голкового словаря живого велико-русского языка» В. И. Даля, хотя и дают ему общее формальное определение «покрытый мохрами, имеющий большие мохры», «с мохрами», однако иллюстрируют его употребление только одним садоводческим примером: *махровый мак.* И только в 30—40-х годах XIX века появились новые импультсы, придавшие слову более широкое употребление и вдохнувшие в него новый смысл, не известный ранее разговорной речи.

Дело в том, что в литературе 30—40-х годов XIX века, особенно в публицистике и литературной критике, а также в речи интеллигенции, обнаружилось сильное стремление видоизменить и оживить слог собственно книжный, связанный с выражением отвлеченных понятий — философских, социально-политических и т. д. — речевыми средствами иного порядка, словами и выражениями не стертыми, не шаблонными, а выпуклыми, конкретно образными, взятыми из живой речи, связанными, в частности, с реальным бытом, различными практическими навыками и занятиями и т. д. Примеров подобного рода в литературе тех лет, после Пушкина, мы найдем немало.

Писатели новой школы охотно обращались к сравнениям и уподоблениям из материального мира, чтобы раскрыть с предельной резкостью и очевидностью жизненное значение новых, по всей вероятности отвлеченных идей. В словах предметного характера при их про-

экции на мир идей всегда обнаруживался свежий запас убеждающей силы. Среди таких слов и выражений оказалось тогда и профессиональное слово *махровый*. Началось, как всегда, с прямых образных употреблений, которые и впоследствии сохранили свою силу в языке, вошли в арсенал обычных речевых удоблений.

Предшественник В. Г. Белинского, литературный критик Н. И. Надеждин писал в своем журнале «Телескоп» (1832, № 1): «Между искусственно выращенными — так сказать — махровыми цветами подражательной литературы и указать не на что». Авторское «так сказать» указывает на непривычность еще выражения. Приложил руку к новому, образному применению слова и русский романтизм с характерной для него тягой к неожиданным и предметно-обостренным сопоставлениям. Так, еще в записках А. А. Бестужева-Марлинского «Поездка в Ревель» (1821) находим следующую картинную фразу: «Дымилися махровые туманы. Здесь явно индивидуальная попытка связать прилагательное с одним из значений слова *магры* — ‘ключья’ — и вместе с тем придать ему образное осмысление — ‘пышный’, ‘сильно клубящийся’.

Переносное осмысление слова *махровый* легко и быстро распространилось и стало обычным для литературной речи середины XIX века. Ср.: «Проговорил..., иокраснев, как махровая роза» (Достоевский. Хозяйка); «Лицо его..., багровое, как махровый пион» (Григорович. Похождения Накатова); «Петербургский чиновник... это махровый чиновник, далеко оставляющий за собою мелких плутов, уездных и губернских» (Герцен. Новгород Великий и Владимир на Клязьме) и т. п. На первых порах при таком переносе основным оказывается один признак — усиленной «развитости» явления. Отсюда и довольно обычные в этих случаях антонимические противопоставления махрового, как особенно, чрезвычайного, искусственно развитого, — простому, заурядному, обычному, не выходящему за пределы нормы. Ср.: «У нас теперь на

Руси всякий водится народ: и славнофилы, и чиновники, и простые и махровые генералы, и эпикурейцы, и подражатели, и чудаки» (Тургенев. Ночь).

Но с течением времени на передний план выходит другой, более узкий признак — «отрицательности». Соответственно с этим все более суживаются и границы фразеологической сочетаемости слова с существительными. Сейчас оно как экспрессивный эпитет обычно, по набор существительных, с которыми охотно и легко сопрягается это слово, сильно ограничен и в общем исчерпывается кругом существительных, перечисленных в начале статьи. В наши дни преобладает публицистико-сатирическая устремленность слова *махровый*.

Что же определило такое смысловое наполнение слова в его переносном применении, его ограниченную сочетаемость, замкнутую узким рядом существительных — обозначений отрицательных явлений, особенно социального порядка?

Как уже говорилось, довольно значительная группа слов (в частности и прилагательных), первоначально связанных со сферой бытовой, хозяйственной и т. п., в середине XIX века получила переносные значения и стала употребляться применительно к явлениям социально-политическим, идеологическим и т. д. Многие из них при этом получили «сниженную» стилистико-понятийную тональность. Ср. *доморощенный* — первоначально ‘родившийся и вскормленный дома’, например: доморощенные утки; затем переносно и иронически о чем-либо невысокого достоинства, примитивном: «наши доморощенные эстетикн» (Добролюбов); *мелкотравчатый* ‘покрытый мелким узором (об атласе)’, затем переносно и с отрицательным экспрессивным оттенком ‘незначительный, педадекий (о человеке или поступке)’, например: мелкотравчатый писатель, мелкотравчатое обличие и т. д.; *мягкотелый* — первоначально о плодах с нежной мякотью: мягкотелая дыня, ср. позднейшую ироническую формулу: мягкотелый интеллигент; *разношерстный* — первоначально о

животных: 'имеющий шерсть разного цвета', позднее — переносно о людях и явлениях — с подчеркнутой снижающей экспрессией.

В этом же направлении эволюционировало и прилагательное *махровый* в его переносном употреблении, в котором оно оказалось особенно тесно связанным с публицистическими жанрами. Язык публицистики, прессы, постоянно нуждающийся в броских и резко отчётливых формулах, обнаруживает часто явное тяготение к своеобразному «жесткому» отбору таких наиболее очевидных формул. Это приводит к их повторяемости, к сужению фразеологической активности, к ограниченному кругу сочетаемости одних слов с другими. Вот почему в этих стилях и слово *махровый* как очень сильный и выразительный эпитет стало обычно сочетаться с ограниченным кругом существительных, вызывающих особое отрицание: реакция и реакционер, национализм и националист и т. д.

Особая причина, способствовавшая сгущению отрицательных тонов в определении *махровый*, заключалась в наложении на складывающееся переносно его употребление (в исходном садоводческом значении) одного выражения с этим словом, сложившегося в другой среде и восходящего к другому значению слова *махры*. В народно-разговорной речи существовало выражение: махровый дурак. Подобно словам *мохряк*, *мохря*, *мохорь*, оно имело бранное, уничижительное значение. Ср. у Н. Гарина: «И куда он только лезет, дурак ма-

хровый,— ругаются наши матросики» (Из дневников кругосветного путешествия). Здесь *махровый* тяготеет по смыслу к тому же значению существительного *махры*, что и слова *мохряк*, *мохря* и под., то есть 'тряпки, ветошь' и т. д.

Махровый дурак — это не только глупый человек, но и неряха, разгильдяй. Однако в подобного рода эмоциональных оценках реальный смысл всегда оказывается поневоле расплывчатым, легко размываемым. Главное здесь — сила отрицательной оценки, а не конкретная характеристика. Не удивительно, что это народное выражение, попав на иную почву, легко поддавалось воздействию и ассимилировалось с тем особым переносным значением, которое определилось на почве литературного языка. *Махровый* и в подобных сочетаниях становилось выражением особой интенсивности свойства. *Махровый дурак* стало восприниматься в смысле 'дурак особенный, в высшей степени, совершенный'. Явные признаки такого осмысления мы находим, например, в реплике Пигасова (Тургенев. Рудин), где, правда, выражение *махровый дурак* заменено иным вариантом, с употреблением синонимического существительного: «Он махровый болван, с треском болван». Несомненно, что переосмысленное в этом направлении народное выражение *махровый дурак* также способствовало сгущению отрицательной окраски прилагательного *махровый* в его переносном употреблении.

Ю. С. СОРОКИН
Ленинград

Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрерывно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идет вместе с жизнью народа...

В. Г. Б е л и н с к и й. Ответ на ответ г-на Д... [1846]

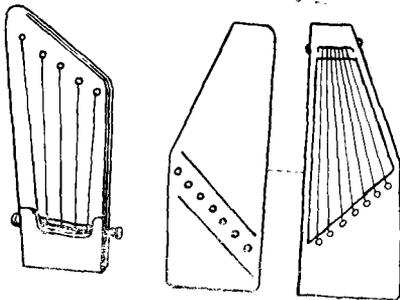

Музыкальные инструменты на Руси

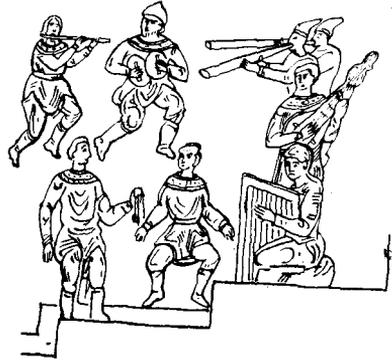
В нашей стране большой популярностью пользуются выступления оркестра русских народных инструментов, созданного В. В. Андреевым в конце XIX века. О том, какие народные инструменты входят в этот оркестр, об их истории мы и расскажем. Вероятно, начать следует с наиболее древних, существовавших на Руси в далекие времена гуслей, свирели, трубы и бубна, составлявших инструментальную основу славянской музыки (см. об этом: Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956). Они были широко распространены и звучали тогда на разных торжествах, свадьбах, похоронах.

Слово *гусль* — *гусли* — древнеславянское (из праславянского *gędslī, связанного с *гудети* 'играть, гудеть'), первоначально выражало понятие о струнных инструментах вообще. Словом *гусль* переводились греческие *Κιθάρα* и *λύρα*, например: «яко же и при гоуслех [... ἐπι τῆς Κιθάρας] не довлеет [не подобает] единою строуюю пѣ(с)творити» (Пчела, конец XIV века).

Гусли — струнный щипковый музыкальный инструмент, первые письменные сведения о существовании которого относятся к VI веку. Наиболее ранний их вид — небольшой плоский ящик в форме трапеции. Струны (вначале жилные) натягивались на плоскую, продолговатую доску, овальную или с прямыми гранями. Этот тип гуслей в народе получил наименование звончатых. Количество струн менялось от трех до восьми, а в XI—XII веках известны гусли-псалтири (с корпусом крыловидной формы) и с большим числом струн. Во время игры они лежали на коленях, а играли на них, правой рукой перебирая струны, а левой — приглушая звук. В XVII веке появились настольные гусли.

Свирель — также один из самых древних музыкальных инструментов. Слово, обозначающее игру на свирели, встречается дважды в «Житии св. Наума» X века в выражении «пастыри свиряюще» (о пастухах, играющих на свирели). *Свирель* происходит от *svirati, древнерусское *свираги, свиряти, свирити, свирю* 'играть', церковнославянское *свираги* 'свистеть, дудеть' (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). Словом *свирель* переводилось греческое λ 'свирель, флейта'. Небезынтересно и другое его значение — 'трубка, полый стержень'.

Свирель — духовой народный инструмент в виде дудки, изготовлявшийся из дерева или тростника. Следует упомянуть также и о разновидности свирели — *пищали*. Само это слово в Древней Руси обозначало, во-первых, деревянные инструменты вообще, и, во-вторых, пищалью называли духовой инструмент вроде дудочки, свирели. В «Очерках по истории музыки в России» их автор Финдейзен пишет: «Мы встречаем названия: пищаль, свирель, сопель... и, по толкованию некоторых исследователей, все они отвечают понятию флейты-пана, т. е. многоствольной флейты».

Гусли и свирель были очень популярны в народе. Лишь только где-то слышались знакомые звуки этих музыкальных инструментов, там сразу собирались люди, чтобы посмотреть представление скоморохов, послушать гуслиаров, свирельщиков. Церковь жестоко преследовала актеров и музыкантов. Еще в Лаврентьевской летописи под 1068 годом сообщается, что народ собирается на представления, на «игрища», а церкви между тем пусты: «но сими дьяволъ летить и другими нравы всячьскими. лестьми превабляя (отвлекая, отвращая) ны (нас) отъ Ба. трубами и скоморохы, гуслими и русальи. видимъ бо игрища оутолочена и людии много множество...

позоры (представления) дьюще отъ бѣса замышленного дѣла. а цркви стоять егда же бываеъ год (время) молитвы мало ихъ обрѣтаеся в цркви». Но, запрещая и преследуя выступления скоморохов и музыкантов, служители церкви сами были не прочь послушать игру на гуслях и свирели и поплясать под музыку: «игумен у себя на келеинной кровле и в кели заставлявал в трубу трубить и в скрышки и в гусли и в свирѣли играть и плясать...

а плясал у него в кеми келееникь ево» (Пинежская челобитная. 1676).

В произведениях русских поэтов и писателей упоминание о гуслях и свирели встречается не раз. У А. С. Пушкина в «Руслане и Людмиле»: «Княжна лежит во сне глубоком; Князья и витязи кругом Стоят унылы; гласы трубны, Рога, тимпаны, гусли, бубны Гремят над нею» и в стихотворении «Как счастлив я»: «А речь ее... Какие звуки могут Сравниться с ней — младенца первый лепет, Журчанье вод, иль майской шум небес, Иль звонкие Бояна Славья гусли». А вот строки из стихотворения А. В. Кольцова «Ночлег чумаков»: «Но вот во тьме игра свирели, Вот тихо под свирель зацели Они про жизнь своих дедов». У Гл. Успенского читаем: «[Отец] играл на гуслях, и я с раннего детства... постоянно слышал и рад был слышать эти унылые, стройные и первые звуки, исторгаемые моим отцом из металлических струн старых-престарых гуслей» (Волей-неволей). Интересно отметить, что *свирель* в произведениях русских поэтов — символ поэзии, поэтического творчества; у Пушкина: «Теперь, любезный друг, я дал тебе совет, Оставишь ли свирель, умолкнешь, или нет?» (К другу стихотворцу).

В русских народных песнях и былинах часты упоминания о гуслях и свирели, что свидетельствует об их большой популярности в народе.

В некоторых городах нашей страны уже в советское время были созданы ансамбли гусляров, выступления которых привлекают любителей русской народной музыки. А недавно в газете «Известия» (14 октября 1968) появилось небольшое сообщение под заголовком «И свирель, и волынка»: «В Воронеже создан вокально-инструментальный ансамбль русской современной песни „Лада“ Самодельные артисты учатся играть на старинных национальных инструментах: свирели, трещотках, волянках и других».

Наше первое путешествие в мир музыкальных инструментов заканчивается. В заключение следует сказать лишь о том, что разновидности гуслей есть и у финнов — это *кантеле*, у эстонцев — *каннель*, у латышей — *кокле*.

В. С. ФИЛИПОВ

Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному...

Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка.

А. С. П у ш к и н. Письмо к издателю [1836]

Языковые контакты

До XVI века в английском языке было лишь одно русское слово — *соболь* (sable), да и то заимствованное через другие языки. Систематически заимствования русских слов английским языком начинаются в XVI веке. Причина англо-русских сближений — быстрый рост английского империализма, его захватническая политика, борьба Англии с Португалией, Испанией, Голландией и другими странами за захват новых земель. Англии нужен был мощный флот, а своего леса для кораблестроения у нее не было. Северным путем, через Белое море в Холмогоры, а оттуда к «царю Московии» стали приезжать английские купцы и предприниматели для заключения торговых сделок.

Начало регулярных отношений с Англией было положено в 1528 году, когда в Англию заехали русские послы по пути ко двору Карла V в Испанию. В 1552 году один из кораблей экспедиции Уиллоби — Ченслера посетил русские земли (Холмогоры). И в следующем году, когда Ченслер добрался до Москвы, между Англией и Русским государством были установлены дипломатические и торговые связи. В течение последующих десятилетий эти связи расширились благодаря покровительству Ивана Грозного: английский купцам был подарен дом в Москве, здесь было организована Торговая компания, разрешена беспошлинная торговля, английские купцы получили право разъезжать по русским землям.

По возвращении в Англию купцы и предприниматели в своих отчетах подробно рассказывали о впечатлениях от всего увиденного в России, часто употребляя в своих докладах русские слова для обозначения предметов

и понятий русской жизни. Некоторые из них получили широкое распространение в английском языке. Среди первых заимствований — наименования, связанные с государственным устройством (царь, воевода, указ), обозначения мер веса, расстояния и денежных единиц (верста, аршин, пуд, рубль, копейка), названия предметов одежды и продуктов питания (кафта, квас, кумыс), а также бытовые слова (самовар, тройка, дрожки) и др.

Приведем слова, вошедшие в английский язык из русского, в хронологическом порядке их заимствования.

Соболь: через посредство среднелат. *sabellum* проникло сначала в старофранц. *sable* (франц. *sable*), откуда заимствовано англ. *sable* и нем. *Zobel*. Русск. *собольный* (старофранц. *sebelin*) стало итал. *zibellino*, откуда заимствовано франц. *zibeline*, а из него англ. *zibeline*. Меха соболя от восточных славян попадали во многие страны.

Паром (из *пором*) первоначально, вероятно, было заимствовано среднеголланд. *praem*, *prame* (голланд. *praam*), а отсюда в 1548 году попало в англ. *praam*, *pram* («норвежское» плоскодонное судно»; ср. также нижненем. *Prahm*).

Квас заимствовано англ. *kvass* (1553 год).

Рубль заимствовано всеми европейскими языками, в том числе англ. *r(ou)ble* (1554 год).

Царь и производные от него *царевич*, *царевна* стали англ. *czar* (ранее *tsar*), *czarevich*, *czarevna*, а русск. *царица* под влиянием нем. *Czarin* стало англ. *czarina* (1555 год).

Верста (род. множ. *верст*) заимствовано англ. *verst* (1555 год); ср. нем. *Verst*, франц. *verste*.

Чижик — англ. *siskin* ‘чиж’ через посредство голланд. *sijsken* (<славянск. *szyžik*) (1562 год).

Мужик: англ. *moujik* (1568 год), а русск. *воевода* > англ. *voivoda* (1570 год).

Названия видов рыб *стерлядь* и *белуга*, прежде неизвестные англичанам, были заимствованы в 1591 году — *sterlet* и *belouga*.

Калач через франц. *kalatch* пришло в англ. *calash*, *caleche* (1666 год).

Русск. *господарь* (ср. стяженное *государь*), вероятно, через посредство румынского и французского языков, стало англ. *hospodar*.

Копейка заимствовано всеми языками и англ. *copnick* (1698 год).

Мамонт (в Словаре В. И. Даля также *мамуть*) заимствовано англ. *mammoth* (1706 год); ср. также франц. *mammoth*, нем. *Mammut*.

Кнут, согласно М. Сарджентсону, заимствовано англ. *knout* (1716 год), но, по мнению Е. Парtridge, впервые было употреблено во французском языке Ж. Ж. Руссо в 1772 году, откуда взято как англ. *knout* и нем. *Knute*.

Указ: англ. *ukase* (1729 год).

Астрахань стало англ. *astrakhan* в значении ‘каракуль’ (1766 год) — метонимия по месту разведения овец. Ср. также франц. *astrakan* или *astracan*, нем. *Astrachan*.

Суслик зарегистрировано в англ. *suslik* (1774 год).

Водка заимствовано многими языками: ср. англ. *vodka* (1802 год), нем. *Wodka*, итал. *vodca*, испан. *vodka*.

Дрожки (через франц. *drojki* или *drochki*) стало англ. *droszki* (1808 год).

Самовар: англ. samovar (1830 год); ср. также франц. samovar, нем. Samovar.

Тундра: англ. tundra (1841 год); ср. также франц. toundra, нем. Tundra.

Тройка (лошадей): англ. troika (1842 год); ср. также франц. troïka, нем. Troika.

(Манная) крупа: англ. (manna) sroup (1843 год).

Тарантас: англ. tarantas (1850 год); ср. также франц. [устаревшее] tarantass, нем. Tarantas.

Полынья: англ. polyna (1853 год).

Займствованы без перевода названия мер веса *пуд* и длины *аршин*: англ. poud и arshin, франц. poud и archine, нем. Pud и Arschin; названия блюд: *щи* — англ. shchi; *борщ* — англ. borshch (франц. borchtch, нем. Borschtsch); *шашлык* — англ. shashlik (франц. chachlyk, нем. Schaschlik); *кисель* — англ. kissel (франц. kissel, нем. Kissel); названия музыкальных инструментов: *балалайка* — англ. balalaika (франц. balalaïka, нем. Balalaika); *баян* — англ. bayan. Вид охотничьей собаки *борзая* — англ. borzoi (нем. Barzoi).

В XIX веке в России бурно развивается промышленность, а вместе с ней рабочий класс; борьба передовых людей России против царского самодержавия и дальнейшее усиление революционного движения в XIX — начале XX века получили отражение в таких английских словах, заимствованных из русского языка, как *decembrist* (калька с русского *декабрист*), *nihilist* 'нигилист', *zemstvo* 'земство'.

В начале XX века были заимствованы *дума* — англ. дума (1905 год), ср. также франц. douma, нем. Дита; *погром* — англ. ragrom (1905 год), ср. также франц. pogrom(e), нем. Pogrom.

От всех этих слов по своему характеру отличаются слова, заимствованные английским и другими языками после Великой Октябрьской революции, идейное влияние которой сказалось на возникновении таких интернационализмов, как англ. Soviet 'совет', 'советский', Leninism 'ленинизм',

Знаете ли вы, что....

...арабское слово *џазир* 'министр' дважды вошло в русский язык. Через языки Востока оно попало к нам в виде *визирь* (писалось также *визир* (!), *везир*, а также у Афанасия Никитина *возыр*), которое означает 'высшее должностное лицо, сановник'. Через Испанию это же слово пришло в наш язык в другом виде — *альгвазил* или *алгвасил*, но значит оно уже 'полицейский, служитель при суде', а также 'смотритель арены для боя быков'. Начальное сочетание *ал(ь)* представляет собою арабский артикль.

bolshevik (и Bolshevism, bolshevist) 'большевик', commissar 'комиссар', intelligentsia 'интеллигенция'. В ходе социалистического строительства возникли и сразу были заимствованы другими языками: *колхоз* — англ. kolkhos, *ударник* — англ. udarnik, 'стахановец' — англ. stakhanovite, *комсомол* — англ. komsomol и др.

Всемирно известные достижения русской и советской науки и техники привели к заимствованию из русского другими языками слов: *спутник* — англ. sputnik (ср. еще аналогичные образования lunnik, flornik), *синхрофазотрон* — англ. synchrophasotron и др. Название прогрессивного сельскохозяйственного метода *яровизация* заимствовано англ. yarovization (ср. также калькированные vernalization, springization — 'яровизация').

Помимо прямых заимствований, в английский язык вошло множество слов и выражений при посредстве калек, то есть путем перевода части слова или выражения для называния данного понятия, предмета или явления. Вот некоторые из них: Periodic Law 'Периодический закон', Soviet power 'Советская власть', Patriotic War 'Патриотическая война', five-year plan 'пятилетний план', collective farm 'колхоз', collective farmer 'колхозник', state farm 'совхоз', work-day unit 'трудодень', Exhibition of Economic Achievements 'Выставка достижений народного хозяйства', Hero of the Soviet Union, 'Герой Советского Союза', Hero of Socialist Labour 'Герой Социалистического Труда', People's Artist 'народный артист', Honoured Artist 'заслуженный артист', Honoured Scientist 'заслуженный деятель науки', Honoured Art Worker 'заслуженный деятель искусства', brigade of Communist Labour 'бригада коммунистического труда', labour education 'трудовое воспитание', Russian Hockey 'хоккей с мячом', Park of Culture and Rest 'парк культуры и отдыха', Palace of Culture 'дом (дворец) культуры', Wedding Palace 'дворец бракосочетаний', House of Rest 'дом отдыха' и многие другие.

В заключение следует отметить, что, несмотря на некоторую тенденциозность английских и американских лексикографов в отношении включения советизмов в словари, русские слова все прочнее занимают место в толковых словарях английского языка. Например, в одном из последних словарей: «The Penguin English Dictionary» by G. N. Garmonsway. (Лондон, 1965) говорится:

intelligentsia n (pl) — intellectual persons considered as a class or group (*интеллигенция* — образованные люди, составляющие группу или класс);

kolkhoz n (Rus) — Soviet collective farm (*колхоз* — советское коллективное хозяйство);

sputnik n — an unmanned artificial satellite, especially that launched by Russia in 1957 (*спутник* — искусственный спутник без человека, который был запущен Россией в 1957 году).

Нет сомнений, что благодаря огромной роли Советского государства в укреплении мира и дружбы между народами, а также выдающимся достижениям советской науки, техники и искусства с каждым годом все более и более русских слов будет заимствоваться другими языками в качестве интернационализмов.

В. И. ФАДЕЕВ
Житомир

Словарный состав любого языка содержит определенное количество экзотизмов. Они отражают особенности жизни, быта, обрядов, обычаев отдельных народов.

Бывает так, что экзотические слова выходят за рамки одного языка и распространяются (вместе с предметами, обозначаемыми этими словами) в целом ряде языков, становятся интернациональными словами. Такова судьба турецкого существительного *güveç* (гювеч), имеющего два значения: 'кушанье из тушеных овощей с мясом' и 'глиняный горшок'. Это наименование заимствовано было рядом балканских языков. Правда, в них звуковой облик слова несколько изменился. Достаточно сопоставить турецкое *güveç* (гювеч), болгарское *гювеч*, македонское *гјувеч* (гјувеч), сербскохорватское *ђјувеч* (джювеч), молдавское *гивеч*, румынское *ghiveci* (гивеч) и т. п.

Так как эти слова, восходящие к турецкому *güveç*, обозначают специфическое балканское кушанье и глиняный горшок, не имеющие исконного русского названия, то составители иноязычно-русских переводных словарей затруднились при поисках русского соответствия. Некоторые ограничивались описательным переводом вроде «блюдо из овощей и мяса», другие давали переписанное по-русски слово с описательным пояснением в скобках. Поэтому в русский язык вошли следующие варианты этого слова: *гювеч* (Болгарско-русский словарь. М., 1966), *гјувеч* (Д. Толовки, В. М. Иллич-Свитыч. Македонско-русский словарь. М., 1963), *джүвеч* (И. И. Толстой. Сербско-хорватско-русский словарь. М., 1958; Р. И. Григорьева. Краткий сербскохорватско-русский словарь. М., 1960), *гивеч* (Молдавско-русский словарь. М., 1961).

Составители, очевидно, поступали правильно, ибо обозначение этими словами кушанье было нам известно только понаслышке. Однако с ростом экономических связей между странами социализма создались реальные условия для введения единообразного написания этих слов. В течение нескольких последних лет из Болгарии в нашу страну ввозятся *гювеч* в виде овощных консервов и замороженной овощной смеси для приготовления этого блюда. Болгарское слово *гювеч* стало знакомым и понятным нам. Появилась возможность заменить несколько вариантов наименования глиняного горшка и балканского овощного блюда одним — *гювеч*. Это тем более удобно, что болгарское звучание слова близко к исконной турецкой форме *güveç*.

Следовательно, в дальнейшем составители переводных словарей с балканских языков могут переводить все названные здесь балканские видоизменения турецкого *güveç* одним словом *гювеч*, которое пришло к нам из Болгарии и вместе с называемым предметом становится у нас все более и более популярным. Пока это слово нашим словарям неизвестно, но они должны включить его именно в таком виде — *гювеч*.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

Введение в языкознание

С Л О В А Р И

Лексикография — одна из старейших языковедческих дисциплин. Название (от греческого *лексис* 'слово', *графо* 'пишу') говорит о ее содержании: описание словарного состава языка. Этим лексикография отличается от лексикологии (греческое *логос* 'слово, изучение'), изучающей состояние и развитие лексики. Но они и тесно связаны: первая в системе языковедческой науки располагается непосредственно рядом или даже включается в состав второй. Причина этого не только в общности предмета, но и в их взаимозависимости: лексикография, регистрируя значения и свойства слов, прямо обусловлена состоянием научной разработки лексики; лексикология же не может обойтись без словарей.

Под лексикографией мы понимаем искусство (науку) составления словарей, практическую деятельность в этой области и теорию, историю словарного дела. Некоторые крупные лексикографы, например Х. Касарес, отрицают существование теории лексикографии, сводя ее к чисто творческой, индивидуальной или, наоборот, «механической» работе над словарем. Но обычно такие высказывания противоречат деятельности этих ученых.

На Руси интерес к словарной работе проявился очень давно, почти одновременно с развитием письменности. Уже с XIII—XIV века при разных произведениях, документах встречаются словесные комментарии (глоссы), перечни непонятных слов, названий (произвольники). Примером может служить «Толкование неудобь познаваемом речем» при «Лествице» Иоанна Синайского (XIV век). Постепенно, в XVI—XVII веках, на основе этих материалов возникают словарные своды с алфавитным расположением — азбучовники и собственно словари. Крупнейшие печатные словари ранней поры — «Лексис» Лаврентия Зизания (1596) и «Лексикон славеноросский, имен толкование» Памвы Беринды (1627, переиздан в 1961 году).

XVIII век — время бурного развития русской лексикографии: создаются и печатаются крупные словари, охватывающие широкий круг лексики. Над составлением их трудятся выдающиеся филологи, переводчики. Словари XVIII века дву- и многоязычны. Таковы русско-греческо-латинский «Лексикон трезязычный» издателя и переводчика Ф. Поликарпова (1704), словари Ф. Гельтергофа, И. Нордстета, И. Соца, И. Гейма и др. Трехязычные и четырехъ-

язычные словари были обычны, словарь Г. Полетики включал шесть языков, а словарь путешественника П. Палласа — около 200! Однако словари этого времени были в большей степени сопоставительными, чем переводными, и русская часть в них нередко занимала самостоятельное положение.

Итог работы лексикографов XVIII века — «Словарь Академии Российской» в 6-ти томах (1789—1794 — с гнездовым расположением слов; 1806—1822 — этот же словарь напечатан «по азбучному порядку»). «Словарь Академии Российской» положил начало семье академических словарей русского языка. В 1847 году вышел «Словарь церковнославянского и русского языка» в 4-х томах. Сам факт издания трех законченных словарей за сравнительно короткий срок свидетельствует о высоком уровне русской лексикографии той поры. Об этом же говорят и обзоры европейской лексикографии, публиковавшиеся в 50—60-е годы XIX века академиками И. И. Срезневским и Я. К. Гротом. Лишь в некоторых европейских странах со старыми академическими и университетскими центрами были созданы подобные словари: Словарь Академии Круска (*Vocabolario degli Accademici della Crusca*, 1612, 4-е изд. — 1729—1738), Словарь Испанской Академии (*Diccionario de la lengua castellana*, 1726—1739, 5-е изд. — 1817) — оба на диалектной основе; Словарь Французской Академии (*Dictionnaire de l'Académie française*, 1669, 6-е изд. — 1835—1836). Для многих языков создание полных словарей общелитературного языка оставалось тогда нерешенной задачей.

Новые словари

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТРУДНОСТЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

«Как правильно сказать, как лучше и точнее выразить свою мысль в каждом конкретном случае?» — на эти вопросы помогает ответить «Краткий словарь трудностей русского языка (для работников печати)», составленный преподавателями факультета журналистики МГУ В. Н. Вакуровым, Л. В. Рахманиным, Л. И. Рахмановой, И. В. Толстым, Н. И. Формановской (М., 1968).

В нем анализируются (в основном из газет, журналов, радио- и телепередач) неправильно, неуместно или неудачно употребленные слова и грамматические формы. Разбор речевых ошибок идет в со-

поставлении с примерами из русской и советской классики, из газет и журналов, представляющими образцы литературного, нормативного словоупотребления. «Краткий словарь» разъясняет причины речевых ошибок и после подробного разбора смысловых, стилистических и эмоционально-экспрессивных оттенков слова предлагает исправленные варианты. (В словаре фиксируются также разные случаи обоснованного отступления от языковой нормы.)

Так, в предложении «Они обсуждали планы благоустройства улицы, слушали беседы на различные темы» вместо *сообщение* употреблено *беседа*. В словаре дается разъяснение: «*Сообщение* — это информация, рассказ о чем-то, не предполагающий обязательного выступления слушателей. Оно употребляется в сочетании с глаголами *сделать, слушать* (прослушать, выслушать) и т. п. Слово *беседа* предполагает выступление слушателей,

Словарь Академии Российской и Словарь 1847 года — собственно одноязычные словари с широким охватом лексики и разъяснением слов средствами родного языка. Здесь четко представлены основные элементы, ставшие традиционными в такого рода словарях: общий алфавитный порядок, грамматические и стилистические указания, рубрикация материала по значениям, иллюстрации (цитаты и речения), структура словарной статьи. В позднейших словарях эти элементы получили дальнейшую разработку.

Работа над академическими словарями непрерывно продолжалась, но следующий полный словарь был подготовлен не скоро. Это объясняется усложнившейся в XIX веке проблематикой лексикографии. Отдельные тома и выпуски нового академического словаря, издававшегося с конца XIX века, различались по установкам редакторов — объему и трактовке материала, включению тех или иных слоев лексики и т. д. Это «Словарь русского языка» под редакцией академика Я. К. Грота (буквы А — Д, 1891—1895), последующие выпуски, на буквы Е — З, — под редакцией академика А. А. Шахматова (1897—1907), отдельные выпуски выходили до 1937 года. Раздел на букву И (1935) в этом незаконченном словаре составлен академиком Л. В. Щербой.

Проблема включения в словарь диалектного материала была поставлена перед лексикографами второй половины XIX века. Областная речь дала обильный материал для «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля (1-е изд. — 1861—1867). Энтузиаст, замечательный знаток русского быта В. И. Даль посвя-

обмен мнениями и на обсуждаемую тему; чаще всего употребляется со словами *провести, организовать, устроить*» (стр. 23).

Отмечены в словаре и ошибки, вызванные неразличением паронимов (*причина* или *причинность*) и тематически близких слов (*суметь* или *удаться*).

Как указывает «Краткий словарь» (приводим отрывок из статьи *грядущий*), «в отличие от стилистически нейтрального *будущий* (*будущее*), которое может употребляться в различных контекстах, слово *грядущий* (*грядущее*) является высоким словом, поэтому оно наиболее уместно в контекстах стилистически повышенных, исполненных патетики, в поэтических текстах, а также в том случае, когда речь идет о чем-либо значительном, далеком от бытовой сферы, выходящем за пределы повседневности. Ср.: „Зеленым листьям наступил конец. В предчувствии гря-

дущего мороза уже поникла юная береза“ (В. Инбер). Неудачны поэтому: „Примечательная особенность *грядущего* (следует: *наступающего*) курортного лета в том, что необычайно вырастут здравницы не только в европейской части страны, но и в Сибири, на Дальнем Востоке“, (стр. 62).

В словаре рассматриваются трудные случаи согласования (в городе *Шебекине* и в городе *Шебекино*), управления (*обеспечить чем-либо* и *удовлетворить в чем-либо*), образованию и употребление грамматических форм (*более умный* или *умнее* вместо *более умнее*, использование местоимений *его, ее, их*), грамматические и синтаксические варианты (*с веса — с весу, две красивые женщины — две красивые женщины*), условия сочетаемости слов (*оказать впечатление, создан университет мастеров*). избыточность и упрощение речевых конструкций (*активист общественной*

тил всю жизнь собиранью материала и составлению словаря, куда вошли, кроме собственно литературной лексики, основная терминология и огромное число пословиц, поговорок, местных выражений, наименований промыслов и т. д. Обилие живых примеров, тонкость и верность определений сохраняют значимость словаря до сих пор. После второго издания (1880—1882; оно было воспроизведено в 1935 и в 1955—1956 годах) выходит третье (1903—1909) под редакцией и с дополнениями И. А. Бодуэна де Куртэнэ (который ввел в общий реестр слова, рассматривавшиеся В. И. Далем в гнездах, уточнил этимологические указания). Словарь В. И. Даля закрепил термин *толковый* за существовавшим тогда типом одноязычного словаря, сложившимся в русской лексикографии начиная со Словаря Академии Российской.

Новый этап нашей лексикографии начался в советское время. В связи с коренными социальными и культурными изменениями в стране потребовалось составление двуязычных словарей (русско-национальных и национально-русских) на языках народов СССР, в том числе тех народов, которые ранее не имели письменности. Интенсивно проходила (и проходит) работа над одноязычными словарями.

В первые годы Советской власти В. И. Ленин обращает внимание на необходимость создания нового словаря русского языка, указывая его характер, назначение и хронологические рамки: «Не вроде Даля, а словарь для пользования (и учения) всех, словарь, так сказать, классического, современного русского языка...»

работы, дом три этажа), явления контаминации (по силе возможности из насколько возможно и по мере сил), аналогии (на эту дату по модели на это число) и т. д.

Устанавливая ошибочность употребления того или иного слова, авторы словаря руководствуются не только существующими нормами русского литературного языка, но и учитывают тенденции в развитии языка печати (расширительное употребление слов, стилистические смещения и т. д.). На этой основе составители определяют место речевого факта в системе стилей (автор жатки, автор гола), показывают, в каких случаях расширительное употребление оправдано, закономерно (абитуриент, дебют), а где оно из-за неумелого обращения со словом расплывает его смысловой стержень (дует спортивных соперников) или приводит к утрате лексической определенности (решить вопрос с установкой антенны).

Достоинство словаря в том, что в нем различаются сходные явления; примером могут служить комментарии к словам: авторитет, честь, слава, уважение, известность, популярность. Если их заменить словом *авторитет* (а такая опасность существует: смотрите словарную статью) и принять подобное словоупотребление, вряд ли это будет способствовать обогащению русской речи!

Известно, что языковая норма — сложное и многогранное понятие и нормализация речи — трудная и ответственная работа. Здесь неизбежны разные позиции, мнения. Отдельные рекомендации «Краткого словаря трудностей» кажутся спорными или нуждаются в уточнении. Однако польза его несомненна: словарь воспитывает чувство языка, помогает читателю ориентироваться в море речевых изменений.

Н. Д. Бессарабова

(В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 192). «Задание — краткий (*малый*, „Лярусс“ образец) словарь русского языка (от Пушкина до Горького). Образцового, современного. По новому правописанию» (там же. Т. 52, стр. 199).

Работа была начата, но 1-й том нового «Толкового словаря русского языка» вышел лишь в 1935 году, а 4-й — в 1940-м. Авторами-составителями была группа замечательных советских филологов: В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Б. В. Томашевский, Б. А. Ларин и Д. Н. Ушаков (он же редактор словаря). Словарь включал свыше 85 тысяч слов — основной лексический состав, представленный в классической отечественной литературе, и лексика, возникшая в советский период; в нем разработана система стилистических квалификаций (помет) применительно к современному языку (зачатки ее были еще у Грота). В 1947—1948 годах словарь переиздан. Его можно считать примером современного «толкового» словаря (в отношении содержания, сведений о слове и порядка изложения словарных статей). Например. *Лежанка* — в слове проставлено ударение, указано окончание родительного падежа единственно числа (-и), род (женский). Далее перечисляются основные (три) значения слова, каждое из которых имеет определение (например, к первому значению: «Невысокий каменный выступ у печки...») и обычно примеры (к первому значению: Печь с лежанкой. Валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки. Пушкин). Для глаголов и других частей речи эти грамматические сведения соответственно иные — все они приводятся непосредственно при заглавном слове. В конце словарной статьи за знаком ромба (◇) приводится фразеология.

Однотомный толковый словарь для массового пользования, составленный С. И. Ожеговым (Словарь русского языка, 1959, 1-е изд. — под редакцией академика С. П. Обнорского), получил широкое распространение и неоднократно переиздавался (6-е изд. — 1964). От Словаря под редакцией Д. Н. Ушакова он отличается прежде всего отбором и подачей материала: резко сокращен словник после 4-го издания — 53 тысячи слов) за счет исключения областных, устаревших слов, опущены второстепенные и малоупотребительные значения, более обобщена (не дробна) смысловая рубрикация слов. Словарь не приводит литературных цитат и пользуется исключительно краткими речениями.

Крупнейшее достижение отечественной лексикографии — семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка» (1948—1965). Это полный академический словарь русского языка. Он включает литературную лексику от Пушкина (отчасти схватывая предпушкинскую эпоху) до наших дней — свыше 120 тысяч слов. Дана детальная смысловая разработка слов; в качестве примеров широко используются цитаты из литературных произведений разных жанров. Многие словарные статьи — по существу самостоятельные исследования. Словарь задуман как толково-исторический и нормативный: он характеризует не только

современные свойства слов, но по мере возможности показывает историю смыслового развития слов, указывает словарь, впервые отметивший слово, и приводит этимологические справки.

О трудностях издания подобных лексикографических работ отчасти свидетельствуют такие факты. Известный Оксфордский словарь английского языка (*The Oxford English dictionary*) в 13-ти томах (1-е издание закончено в 1928 году) потребовал 50 лет непрерывной составительской и издательской работы; за это время сменилось четыре поколения редакторов (некоторые из них не увидели осуществления своих трудов). Издание Словаря немецкого языка братьев Grimm в 16-ти томах (I. Grimm, W. Grimm. *Deutsches Wörterbuch*) заняло столетие (1854—1954). Не без основания Л. В. Щерба приводил в предисловии к своему «Русско-французскому словарю» (1-е изд. — 1936) стихи средневекового французского филолога XVI века Ж. Скалигера в переводе известного деятеля Петровской эпохи писателя Феофана Прокоповича:

Если в мучительские осужден кто руки,
Ждет бедная голова печали и муки,
Не вели томить его делом кузниц трудных,
Не посылать в тяжкие работы мест рудных:
Пусть лексикон делает — то одно довлеет [этого
одного довольно],
Всех мук роды сей един труд в себе имеет.

Еще до окончания большого академического словаря был подготовлен и издан четырехтомный «Словарь русского языка» (1957—1961). По объему примерно равный Словарю Д. Н. Ушакова (немногим более 82 тысяч слов) «малый» академический словарь (в своих пределах) отразил изменения в русской лексике за последние десятилетия. Более современны в нем и стилистические указания. Как и в большом словаре, основную часть примеров здесь составляют цитаты. Однако установки этого словаря сугубо нормативны, и материал служит показу современных свойств слов. Таким образом, в русской лексикографии последних десятилетий созданы разные толковые словари, различающиеся объемом, отбором материала, назначением и трактовкой слов, — условно говоря, большой, средний («малый») и краткий (однотомник) С. И. Ожегов. О трех типах толковых словарей современного русского языка. — «Вопросы языкознания», 1952, № 2).

Толковые словари дают наиболее «универсальные» сведения о слове: минимум орфографических, грамматических, стилистических, исторических, этимологических данных; полнее всего они раскрывают смысл, употребление, сочетаемость слова. Обратившись к толковому словарю, можно получить справку по всем перечисленным вопросам. Причем в зависимости оттого, каким словарем воспользуемся, сведения могут быть количественно и качественно различными: в «среднем» найдем слова и значения, не учтенные

в «кратком», в большом — подробные литературные примеры и давшие о слове, его фразеологии на протяжении длительного времени.

Но есть словари, в которых указанные аспекты (кроме смыслового) сделаны предметом специального и подробного рассмотрения. Это словари:

Орфографические. В них фиксируется правильное, научно обоснованное написание каждого слова. После реформы русского правописания 1918 года такие справочники издавались часто. Потребность в них велика, они выходят большими тиражами и постоянно обновляются. Первый стабильный «Орфографический словарь» с приложением правил правописания составлен Д. Н. Ушаковым в 1934 году. Хотя этот сравнительно небольшой словарь предназначался для школ, он получил широкое распространение и многократно переиздавался (с 6-го издания 1944 года при участии С. Е. Крючкова); в 1966 году вышло его 21-е издание. Наиболее полный «Орфографический словарь русского языка» создан в 1956 году (104 тысячи слов, 6-е изд.—1965), его редактировали известные русисты С. Г. Бархударов, С. И. Ожегов, А. Б. Шапиро. Примеры из этого словаря: **ввёргнуть**, -ну, -нешь, прош.: **вверг**, **ввергла**; **вбок**, нареч. (смотрел вбок), но *сущ.* в бок (ударить в бок). Об истории этих словарей см. статью С. И. Зинина («Русская речь», 1968, № 6).

Орфоэпические. Здесь указывается произношение слов и сочетаний с ними. Основной справочник этого рода — «Русское литературное ударение и произношение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1955; 1959; 1960 — 52 тысячи слов). В словаре применяются транскрипционные обозначения; приводятся формы слов, в которых возможны ошибки, делаются предупредительные замечания. Вот примеры справок, которые можно получить в этом словаре: **завинтить** [н'б'т'], -винчу́ [н'б'ч], -винтишь [н'б'т'] [*не*-винтишь]; **река́**, -и, *вин.* реку́ и реку, *мн.* ре́ки, рек, река́м, река́ми, о река́х и *доп.* ре́кам, ре́ками, о ре́ках Δ за́ реку, на́ реку.

Иностранных слов. Назначение их — объяснение смысла и происхождения заимствованных слов. В основном это термины, принятые в общелитературном употреблении. Поэтому объяснения в них отличаются от толкования и большей частью энциклопедичны. Наиболее полный — «Словарь иностранных слов» (главный редактор Ф. Н. Петров, 1939, 6-е изд.—1964).

Перечисленные словари — это справочники для повседневного пользования, помогающие понять и правильно употребить слово. Другие же дают углубленные сведения об отдельных сторонах слов, их истории или отражают какую-либо часть словарного состава. Это словари:

Этимологические. Дают сведения о строении, происхождении разных слов с древнейших времен, восстанавливая формы и значения слов и не зафиксированные письменностью. Эта область русской лексикографии сейчас интенсивно разрабатывается. Этимологические словари можно разделить на два вида: 1) сравнительно краткие справочники: учебный «Школьный этимологический словарь» под редакцией Г. М. Милейковской (1955), «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (1961) и 2) собственно научные издания с полным и детальным рассмотрением материала: перепечатка извест-

ного «Этимологического словаря русского языка» А. Г. Преображенского (1958, 1959), не законченный еще перевод «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера, сделанный О. Н. Трубачевым с его примечаниями (т. 1—2, 1964—1966), составляется «Этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанским (А — В, 1963—1968).

Исторические. Показывают развитие, изменение лексики; хронологические рамки словаря при этом не служат определяющим признаком. Обычно сюда относят словари, которые объясняют и иллюстрируют лексику отдаленных эпох. Единственным полным таким справочником у нас остаются пока «Материалы для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского в 3-х томах (перепечатаны в 1958 году с издания 1893—1912 годов). В Институте русского языка АН СССР ведутся работы над многотомными словарями русского языка XI—XVI веков (руководитель Р. И. Аванесов), XI—XVII веков (руководитель С. Г. Бархударов), XVIII века (руководитель Ю. С. Сорокин).

Областные. «Опыт областного великорусского словаря» (18 тысяч слов) издан Академией наук в 1852 году, «Дополнения» к нему — в 1858 году. С тех пор сделано много наблюдений, накоплены новые данные, подготавливались региональные (областные) диалектные словари. Значительная часть этих материалов положена в основу сводного «Словаря русских народных говоров» (главный редактор Ф. П. Филин. Вышли буквы А—В, 1965—1968).

Фразеологические. Кроме издававшихся ранее сборников пословиц и поговорок, крылатых слов (В. И. Даля, С. В. Максимова, Н. С. и М. Г. Ашукиных и др.), составлен словарь собственно фразеологизмов русского языка (вертеться на глазах, легок на помине, приносить жертву и др.) — «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1967, 4 тысячи выражений).

Синонимические. Не считая давних по времени работ, у нас есть «Краткий словарь синонимов русского языка» В. Н. Клюевой (1956, 2-е изд.—1961) учебного назначения и «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (М., 1968, около 9 тысяч синонимических рядов). Готовится к печати фундаментальный синонимический словарь русского языка, составленный коллективом сотрудников АН СССР под руководством А. П. Евгеньевой.

Языка писателя. Этот тип словаря представлен крупной работой — «Словарем языка Пушкина» в 4-х томах (1956—1961), дающим полное и тщательное описание лексики великого писателя. Словарь составлялся и редактировался большой группой высококвалифицированных филологов, сотрудников Института русского языка АН СССР. Создается словарь русской советской поэзии, словарь языка М. Горького, словарь к «Мертвым душам» Н. В. Гоголя, ведется работа по языку других писателей.

Речевых ошибок. Борьба за культуру речи, ее точность и выразительность — важнейшая задача. Первый в этом роде словарь русского языка наших дней, где показаны и разъяснены распространенные в письменной и устной речи неправильности и неточности, — «Правильность русской речи» (составители Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, руководитель работы и редактор С. И. Ожегов; 1-е изд.—1962; 2-е изд.—1965 — около

600 слов и выражений). К этому же типу относится «Краткий словарь трудностей русского языка» (издание Московского университета, 1968 — 400 словарных статей), большое внимание здесь уделено смысловым и стилистическим соотношениям слов в современной речи.

Не перечисляем другие словари и справочники, имеющиеся сейчас в распоряжении читателей, — сокращений русского языка, собственных имен, иноязычных выражений в русской литературе, топонимов (географических названий) и т. д. (о некоторых из них см.: А. В. Калинин. Лексика русского языка. М., 1966). В совокупности они дают представление о современной русской лексике, ее истории, разных сторонах и составных частях. Используя тот или иной словарь, можно получить нужные, полные или краткие сведения о слове.

Некоторые понятия и термины лексикографии:

С о с т а в словаря. Виды лексики, слова, формы, производные и т. д., включаемые в словарь.

С т р у к т у р а, построение словаря. Как организован материал в словаре, порядок его изложения в словарных статьях; типы помет, пояснений, рубрикации и т. д., принятые в словаре; части словаря (помимо собственно словаря — вводные инструктивные замечания, словоуказатели, приложения и т. д.).

С л о в н и к. Перечень объясняемых слов в том порядке, в каком они следуют в словаре. Они образуют реестр, или алфавит, словаря.

З а г л а в н о е слово. Объясняемое слово, входящее в реестр и начинающее собой словарную статью.

С л о в а р н а я статья. Текст, относящийся к объясняемому слову; каждое заглавное слово имеет свою словарную статью; словарь делится на словарные статьи по числу объясняемых (реестровых) слов.

С с ы л о ч н ы е слова. Слово в реестре, указывающее (посредством пометы см.) словарную статью, в которой оно объясняется или к которой относится; это же слово в словарной статье. Например: *закругление*, см. *закруглить*.

С с ы л о ч н а я статья. Словарная статья, содержащая только ссылку (см. приведенный пример).

П р и м е р ы, иллюстрации. Фразы, показывающие употребление слова в речи. Это могут быть речения, составленные авторами, или цитаты из литературных произведений.

П р о з р а ч н ы й. 1. Пропускающий сквозь себя свет, просвечивающий насквозь: Прозрачное стекло. Прозрачные краски. Прозрачная кожа. Твоих задумчивых ночей прозрачный сумрак, блеск безлунный (Пушкин); Было сухо, прозрачно, морозно (Пришвин); Прозрачный воздух, день хрустальный (Тютчев)... (Толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова).

П о м е т ы. Указания для пользования словарем (смотри, то же и т. д.), о свойствах слов (разговорное, переносное, мужской род и т. д.), об употреблении слов (с дательным падежом и т. д.).

Значение словарное. Раздел словарной статьи (обычно под номером), посвященный одному из значений слова.

Толкование. Объяснение слова путем раскрытия его значения, то же, что *определение* и употребляется реже последнего. Вообще же толкование — шире, чем определение: значение слова может быть раскрыто и посредством собственно определения (дефиниции), и посредством синонимов (**Миловать**. В народной поэзии: ласкать), антонимов, описания предмета и его функций (**Молоток**. Металлический или деревянный брусок, насаженный под прямым углом на рукоятку, служащий для забивания чего-нибудь, ударов по чему-нибудь) и т. д.

О п р е д е л е н и е. В узком смысле — формулировка значения слова (**Милосердие**. Готовность помочь кому-нибудь или простить кого-нибудь из сострадания, человеколюбия); часто вообще раскрытие значения слова. Определение может быть *словарное* (филологическое, лингвистическое), когда раскрывается значение слова, и *энциклопедическое*, когда излагается понятие или описывается сам предмет. На этом основано различие толковых (вообще филологических) словарей и энциклопедий. Сравните подачу одного и того же слова в филологическом (толковом) словаре и энциклопедии:

*Словарь русского языка
в 4-х томах*

БСЭ, 2-е издание

Циркулярная пила — машина для распиловки дерева, в которой режущей частью является круглая пила.

Циркулярная пила (циркулярка) — широко применяемое название круглопильных станков (см.). Чаще всего Ц. п. называют используемые в деревообрабатывающих производствах универсальные круглопильные станки, диаметр пил которых не превышает 500 мм.

В. В. ВЕСЕЛИТСКИЙ

Книги о словарях и словарниках:

С. Г. Бархударов. Русская советская лексикография за 40 лет. — «Вопросы языкознания», 1953, № 5.

М. В. Канкава, В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1953.

Л. С. Ковтун. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.

М. А. Булатов и В. И. Порудо-

минский. Собирал человек слова... М., 1966.

Словари, изданные в СССР. Библиографический указатель. 1918—1962. М., 1966.

Р. М. Цейтлин. Краткий очерк истории русской лексикографии. М., 1958.

Н а р о д н ы й ф и л о л о г В. С. ДУБРОВИН

Их много, народных филологов, исследователей русской речи — и знаменитых, и пока неизвестных. Неодинаковы их судьбы, различны пути к знаниям, у каждого свой вклад в отечественную науку. Удивительно наследие В. И. Симакова (1879—1955), крестьянина-самоучки из Тверской губернии: 100 тысяч народных частушек, редкое собрание песен, шесть рукописных томов лингвистических материалов. Д. В. Наумов составил диалектный и аргоический словарь села Верховим Пензенской области. Продолжают пополнять академические словарные картотеки учитель-пенсционер В. Г. Колеганов и железнодорожник П. В. Зимиц (Пенза), С. Д. Мастепанов (Ставрополье), П. А. Амосов (Ленинградская область) и другие, пожилые и молодые, ставшие добровольными собирателями слов для монументального «Словаря русских народных говоров», создаваемого впервые в истории. Интересны находки Н. Ф. Немудрова (Куйбышев), слесаря по профессии: неизвестные произведения А. М. Горького, новые факты из его биографии.

Филологов-добровольцев объединяет бескорыстная приверженность к делу, стремление непременно самому «обойти и осмотреть все уголки народного языка» и, отыскав слова-самоцветы, собрать их воедино — каких бы сил ни стоила эта старательская работа.

Мы расскажем о В. С. Дубровине, который пришел в языковедение недавно.

Василию Семеновичу Дубровину 69 лет. Живет он в селе Ясашная Ташла Тереньгульского района Ульяновской области. До ухода на пенсию работал бухгалтером. Да и сейчас ежегодно помогает своему совхозу вести учет в страдную пору уборки урожая. За безупречную работу в сельском хозяйстве, которому он отдал почти 50 лет жизни, отмечен благодарностями, грамотами и наградами. Василий Семенович — книголюб. Личную библиотеку (свыше 500 томов) он недавно передал в общественное пользование.

Филологией Василий Семенович «заболел» на 61-м году, прочитав в «Ульяновской правде» статью об об-

наруженном диалектологами «масовском» языке на территории Николаевского района. Дубровину был понятен этот условный язык: десятилетним мальчонкой он научился ему от отца-портного и сам им пользовался когда-то, занимаясь отхожим промыслом.

«Масовский» язык, или арг (от слова *мас* — ‘я, сам’), — одна из тех тайн, которые передавались от отца к сыну вместе с секретами портновской профессии. Давно отмерло отходничество, потерял практическую ценность и спутник отходника — ‘тайный язык’. Дубровин, еще не вполне понимая, что уходящий в прошлое профессиональный язык ремесленников представляет интерес для науки, сообщил в редакцию газеты несколько десятков тереньгульских «масовских» слов: *масть* — ‘мать’, *юсы* — ‘деньги’, *крёсо* — ‘мясо’, *яман* — ‘базар’, *улёп* — ‘глаз’, *дрябёха* — ‘вода’, *пүло* — ‘дело’ и др.

Впоследствии, по нашей просьбе, он составил словарь, содержащий в первом варианте около 500 арготизмов. Уже этот неполный словарь помог решить одну лингвистическую загадку: сто лет назад в «Материалах для географии и статистики России» (ч. 2. СПб., 1868) был приведен безадресный список «шведских» (портновских) слов, записанных на территории Симбирской губернии. Сличение этого списка со словарем В. С. Дубровина показало, что «шведские» слова собирались именно в Тереньгульском районе. Уточнилась и зона прежнего бытования «масовского» языка — в селах Риновка, Суровка, Новая Ерыкла, Тумкино, Красноборск.

Началась интенсивная деловая переписка с диалектологами Поволжья (только за 8 лет нами было получено от Василия Семеновича более 100 пи-

сем), установилась связь с Институтом русского языка АН СССР (Москва, Ленинград). Горячая поддержка лексикографа-самоучки академиком В. В. Виноградовым, профессорами С. И. Ожеговым, С. И. Котковым и другими лингвистами укрепила в Дубровине уверенность в научной значимости его работы.

С исключительной тщательностью Василий Семенович записывает все, что сберегла его память и что припоминали для него тереньгульские старожилы. Его собеседниками-помощниками были П. Д. Лептунов, Е. С. Бобков (Суровка), Н. А. Лебедев, И. А. Максимов (Красноборск), А. Т. Сенькин, А. В. Мурзаев (Тумкино), Я. А. Силачев (Н. Ерыкла), И. Г. Бурдин (Зеленец) и др. Арготизмы и фразы-иллюстрации на «масовском» языке десятки раз переписываются на карточки, в тетради, сводятся в русско-масовские и масовско-русские словари, проверяются и уточняются.

В 1965 году В. С. Дубровин закончил и передал в Институт русского языка АН СССР «Русско-масовский словарь» (суровско-риновский вариант), включающий 7 тысяч разных слов. Даже В. И. Далю, собиравшему (вместе с Лури) в середине прошлого века офенскую лексику на территории нескольких губерний — Владимирской, Ярославской, Костромской и др., не удалось получить такого количества слов.

Уникальная коллекция В. С. Дубровина имеет большую ценность для ученых самых различных специальностей — лингвистов, социологов, историков, психологов, этнографов и др. Мы постараемся рассказать об основных источниках «масовской» лексики и высказать соображения о происхождении словаря тереньгульского арга.

Обратимся, например, к следующим словам: гостёс — 'гость', фйлец — 'палец', шмонь — 'день', показь — 'показать', купсбить — 'купить', зяблѣха — 'зима', кру́глик — 'арбуз', скрипóты — 'ворота', лох — 'мужчина', сакáл — 'борода', кресо — 'мясо' и под. Нетрудно заметить, что первые пять слов похожи на соответствующие русские (они образованы путем искажения фонетического облика русских слов различными «маскирующими» приставками, вставками и сочетаниями звуков: -ес, фи, шм, -ом, -ес), три следующих слова имеют ясную «внутреннюю форму»: зяблѣха — от глагола *зябнуть*, кру́глик — от прилагательного *круглый*, скрипóты — от *скрипеть* (ворота обычно скрипят), а последние не связываются в словообразовательном плане ни с одним из русских слов. Лох, сакáл, кресо — иноязычного происхождения и их в составе тереньгульского и других профессиональных и территориальных разновидностей арго немало.

Как и следовало ожидать, в «тайный» язык заимствовались слова из языков, с носителями которых ремесленники-отходники имели более тесные контакты. Так, в языке тереньгульских ремесленников-портных и шерстобитов находим слова «соседних» языков: чувашского (гавагáл — 'гусь', ср. чувашское *кăвакал* 'утка'; *сибадá* — 'лапти', чувашское *çăпáтá* — с тем же значением; сокрѣй — 'хлеб', чувашское *çăкар*; сёмор — 'дождь', чувашское *çумёр* и др.), татарского (сáры — 'деньги', ср. татарское и общетюркское *сары* 'желтый'); сакáл — 'борода', татарское и киргизское *сакал* — с тем же значением) и некоторых других тюркских языков.

Но в тереньгульском «масовском» арго обнаруживаем и слова территориально удаленных языков: поль-

ского (лох — 'мужчина', польское *włoch*), венгерского (ловáк — 'лошадь', венгерское *ló*, множественное число *lovak*), цыганского (шкáры — 'штаны'), финского (куресó — 'деревня'). Присутствие этих слов в поволжском арго на первый взгляд кажется неожиданным: тем более, что в Польшу, Венгрию и Финляндию тереньгульские портные никогда не заходили.

Еще более странно и труднообъяснимо паличие в арго Тереньгульского района Ульяновской области значительного количества грецизмов. Так, само название здешнего арго — *масовский язык* — греческого происхождения: от греческого *μας η'μας* — 'нас', винительный падеж множественного числа от слова *εγω* — 'я'. К греческим словам (корням) восходят такие арготизмы: кресо — 'мясо', пúлить — 'купить', трóить — 'есть, кушать', хирьгá — 'рука', улѣц — 'глаз', лáсо — 'мало'.

С Грецией так же, как и с Польшей и Венгрией, симбирские ремесленники не были связаны. Как же попали в тереньгульское арго грецизмы, полонизмы и другие иноязычные элементы?

Решить этот сложный вопрос помогает обращение к вариантам арго, обнаруженным на территории Владимирской, Ярославской, Костромской, Ивановской, Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и ряда других областей страны. Сравнительно-исторический анализ совокупности русских и — шире — восточнославянских профессиональных арго позволяет говорить о значительном сходстве между ними. Многие слова-арготизмы оказываются общими для десятков русских, а также белорусских и украинских «тайных» языков: мас — 'я, сам', трóить — 'есть, кушать', емѣля, омѣль — 'мед',

ёный — 'один', адю — 'два', пёнда — 'пять', крёсо — 'мясо', псала, псалуга — 'рыба', бусать — 'пить', кимать — 'спать', вёрбух — 'глаз', мурлыть — 'варить', ряха — 'изба'. Многие из них иноязычного происхождения и могли быть в составе арго первых русских отходников — торговцев-коробейников (офеней) и связанных с ними ремесленников: портных, шаповалов, кузнецов, свечкоделов и др. Тереньгульский «масовский» язык представляет собой один из многочисленных вариантов русских арго, по происхождению связанных с профессиональным языком офеней.

Словарный материал В. С. Дубровина интересен и для лингвистов. Изучение арготического словотворчества, употребления слов-арготизмов на базе грамматики русского народного языка, взаимодействия слов местного говора и социально-профессионального арго, процессов отмирания данного типа арго в новых социальных условиях — все это может быть выполнено на материале, добытом и хорошо систематизированном В. С. Дубровиным. Конечно, составленный народным филологом Словарь не отвечает всем строгим требованиям со-

временной лексикографии. Это вполне понятно: у автора всего двухклассное образование и специальной лингвистической литературы он не изучал. Однако нам представляется возможным рекомендовать его работу в печать, она действительно уникальна.

Многое предстоит еще сделать не молодому, но полному сил человеку. В его планах — «Сводный словарь тереньгульских профессиональных арго», включающий материалы пяти вариантов «тайного» языка. Задумано составление фраз-иллюстраций к арготическим словам — не менее 20 тысяч карточек. Василий Семенович интересуется и историей сел, в которых некогда бытовал «масовский» язык, работает в архивах, его материалы оказались полезными для местных районных организаций.

Хочется сердечно поздравить рядового труженика советской науки с успехами и пожелать осуществления его новых творческих замыслов.

Доцент Д. И. АЛЕКСЕЕВ
Куйбышев

Профессор В. Д. БОНДАЛЕТОВ
Пенза

Дорогие читатели!

**Результаты эксперимента по психолингвистике,
проведенного в № 1 за этот год,
будут опубликованы в № 5
нашего журнала.**

Поступающему в вуз

Отбор материала

Прежде чем приступить к написанию сочинения, необходимо определить задачу, которую потом предстоит решить при отборе и изложении материала. Чаще всего эта основная задача поддается формулировкой темы. Например:

1. Чацкий — выразитель идей декабризма в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

2. Катерина — «луч света в темном царстве» (драма А. Н. Островского «Гроза»).

3. Рост революционного сознания рабочего класса в повести А. М. Горького «Мать».

Иногда тема формулируется таким образом, что этот основной вопрос приходится выделять самому автору сочинения. На наш взгляд, это первый и в то же время главнейший этап в работе над сочинением. А между тем многие поступающие не умеют вдумываться в предложенную им тему, группировать материал вокруг центрального вопроса, подчинять ему всю структуру работы.

Допустим, на экзамене предложена тема: «Образ Евгения Онегина в одноименном романе А. С. Пушкина». Многим она покажется, бесспорно, легкой. Однако проверка сочинений убеждает в обратном: поступающие не умеют выделить узловые вопросы в сочинении, не видят того, что является определяющим в образе.

Чтобы правильно отобрать материал по теме, нужно сразу же решить для себя, какой тезис положить в основу сочинения. Вот, к примеру, возможные направления в раскрытии образа Онегина:

1. Онегин — незаурядная, богатая натура. Опираясь на оценку В. Г. Белинского, нужно показать Онегина как человека, глубокие духовные силы которого «остались без приложения, жизнь без смысла...».

2. Онегин — это образ человека, сущность которого А. С. Пушкин раскрывает в эпиграфе к первой главе романа: «И жить торопится и

План сочинения

чувствовать спешит». Следуя тексту романа, можно раскрыть образ Онегина совершенно в ином направлении, не расходясь в то же время с замыслом Пушкина.

3. Онегин — яркая личность, но преждевременно состарившаяся. Если взять это направление в работе, то следует вскрыть прежде всего условия, которые искалечили характер Онегина, сделали его в условиях царской России лишним человеком. Некоторые могут не согласиться с этими аспектами в характеристике Онегина, возможно, выдвинут свои аргументы. Дело не в этом. Важно выделить в работе основной вопрос, определить тот угол зрения, под которым и будет рассмотрена проблема в целом. Это избавит автора сочинения и от другой распространенной ошибки — импровизации на тему. Импровизация — дело неплохое, но здесь часто можно упустить существенное, увлечься деталями, привести ряд неверных, субъективных оценок. А это приведет к снижению оценки за сочинение.

Рассмотрим подробнее на одном из конкретных примеров, как меняется подход к отбору материала, его компановке в зависимости от того, сумел ли автор выделить ведущий тезис.

В прошлом году в 10-м классе мы предложили учащимся следующую тему: «Образ Павла Петровича Кирсанова и его роль в раскрытии центрального конфликта романа И. С. Тургенева „Отцы и дети“». Легко заметить, что тема сформулирована так, чтобы авторы сочинений смогли изложить не только материал, связанный с характеристикой Павла Петровича Кирсанова, но и показать его роль в классовой борьбе, которая нашла отражение на страницах романа Тургенева.

Забыв об этом, один из десятиклассников изложил материал следующим образом:

1. Павел Петрович — аристократ, «светский лев». Прожигание жизни в свете, встреча с княгиней Р., «вся жизнь поставлена на карту женской любви».

2. Павел Петрович в Марьино. Уход от дел, жизнь на английский лад, отсутствие глубокого духовного мира.

3. Павел Петрович и Базаров. Его презрительное отношение к Базарову, споры с ним, стремление унижить «нигилиста».

4. Тургенев о Павле Петровиче.

Этот подробный план дает основание считать, что ученик хорошо знает материал, и рассказывает подробно о Павле Петровиче. Тем не менее высокой оценки за работу автор не получил, так как из его сочинения нельзя понять, что же является определяющим в этом образе, какое место занимает Павел Петрович в идейно-политической борьбе 60-х годов XIX века.

Другой автор подошел по-иному к отбору материала: опустив в данном случае несущественное, он весь материал сгруппировал вокруг основного тезиса работы и тем самым четче определил логическую структуру сочинения. Приведем отрывок из этой работы:

Павел Петрович — это, на мой взгляд, политический противник Базарова. Это и есть самое главное в нем. Рассказ о воспитании, светской жизни, его успехах у женщин дается И. С. Тургеневым скорее для того, чтобы подчеркнуть социальную разницу между этими героями. Сам Тургенев называет Павла Петровича «мертвецом». Я бы сказал, что это не совсем так. Он и не думает без боя уступить свое место в жизни. Он вообще считает, что только он и думает о прогрессе, о народе, считает себя знатоком жизни. Его общественный идеал — это английская конституционная монархия, а идеал человека — аристократ. Он много говорит о принципах, которыми нужно руководствоваться в жизни. Беда в том, что они у него «мертвые», в них нет знания жизни, да и самому Павлу Петровичу они достались в «наследство», если так можно сказать. Он их не выстрадал, не выработал в борьбе с жизнью. Внешне он вроде бы и ушел от жизни, но это не совсем так... Он знает о гегельянцах, говорит о религиозности и патриархальности русского народа. По-моему, политическая обстановка в стране ему ясна. Он чувствует, что многое из того, что дорого для него, рушится, потому он так и ненавидит этих «разрушителей». Действительно, это сильный противник, и Базаровым придется упорно и долго с ним бороться. Наверное, Тургенев и сам понимал это...

Рассмотрим теперь, что принципиально важно в таком подходе к раскрытию темы? Автору удалось сделать образ Павла Петровича ярче, объемнее. Сильнее и убедительнее раскрыта в работе социальная сторона этого характера. Ценно и другое: от рассказа о Павле Петровиче ученик перешел к анализу образа, сделал попытку определить свое отношение к герою; разобравшись в позиции Тургенева.

Обобщая сказанное, сделаем первый вывод: прежде чем приступить непосредственно к раскрытию темы сочинения, тщательно продумайте ее, выделите основную задачу, которую вы будете решать в ходе изложения и которой подчините как отбор художественных картин, фактов, так и их компоновку. Продумав тему сочинения, определив ведущий тезис — стержень всей работы, приступайте к отбору главнейших аргументов, с помощью которых вы будете доказывать выдвигаемые вами проблемы, обосновывать свои выводы. Вы определяете, какой материал следует включить в сочинение, в каком плане проанализировать отобранные сцены, отдельные факты, какие суждения вы сделаете на основе анализа фактического материала.

От вас потребуется не только хорошее знание текста, но и серьезные навыки анализа художественного произведения, умение работать с критической литературой, умение цитировать.

Проследим за возможным ходом работы над темой: «Рост революционного сознания рабочего класса в повести А. М. Горького „Мать“». Сама формулировка темы поможет нам найти ведущий тезис: сочинение должно доказать, что в ходе революционной борьбы растет политическое сознание рабочего класса, формируется новый тип рабочего-революционера, борца за классовые интересы рабочих.

Поскольку центральный герой повести Горького — фабричный коллектив, пролетарская масса, отбор материала следует начать

с анализа основных массовых сцен повести. Вначале мы видим придавленную нуждой безликую массу похожих друг на друга людей. В плотном тумане слободской жизни «едва мерцали... одинокие искры неумелой, бессильной мысли». Отметив появление в слободке людей, «которые говорили правду», заметим, что с этих пор сквозь серый, грязный поток слободской жизни начинает пробиваться светлая струя.

Более подробно анализируем «историю с болотной копеей», которая имела для рабочих огромное значение: они впервые в своей жизни услышали политическую речь. Затем следует перейти к анализу событий, связанных с подготовкой и проведением первомайской политической демонстрации — символом «пробуждения, духовной весны трудового человечества» (А. Овчаренко. О положительном герое в творчестве М. Горького. М., 1956, стр. 469).

Наконец, сцена суда. Она даже отсталым рабочим показала, что их враг — не только капиталист, но и самодержавно-полицейское государство. Эта сцена — апофеоз политической сознательности рабочего класса.

Такова примерная канва первой части сочинения. Но сила М. Горького как раз в том, что он показывает рост личности в тесной связи с ростом рабочего коллектива. Поэтому необходимо остановиться и на судьбах Павла Власова, Николая Весовщикова и других героев повести.

Павел Власов занимает в повести центральное место. Тем не менее вряд ли есть смысл детально рассматривать этот образ. Главное — подчеркнуть, что рассказ о жизни Павла в повести постоянно перерастает в рассказ о рабочей среде, о зарождающейся партии. Именно в этой связи и нужно говорить о богатстве его ума, сердца, о его политической зрелости. В этом отношении очень показательна сцена суда, ибо как раз речь Павла на суде и представляет собой сгусток мыслей, к которым пришли рабочие, общими усилиями овладевшие знаниями, политическим опытом.

Образы Андрея Находки, Николая Весовщикова, Григория Самойлова и других явятся естественным развитием темы сочинения. Это лучшие представители пробудившихся борцов, за которыми пойдут десятки и сотни тысяч рабочих и крестьян.

В связи с этой темой сочинения абитуриенты часто спрашивают: «А нужно ли говорить о Ниловне?». Мы считаем, что не только нужно, но и необходимо. Через восприятие матери даны почти все события романа. Кроме того, именно на образе Ниловны Горький показывает превращение раба в свободного человека. Как раз поэтому для Горького ее история «принимала значение символа».

Итак, отбор материала закончен. Пока мы говорили о содержании сочинения. Но ведь в любом сочинении есть и его другая сторона — план. Правда, уяснение темы уже есть первый набро-

сок плана. Отбор материала, о котором мы рассказали, уже был поисками плана. Следовательно, план не есть нечто застывшее, стандартное, он всегда подвижен. Это конкретизация основной мысли вашего сочинения. Если вы не продумали содержания, не определили основного направления в работе, план превратится в формальное членение работы. Мы говорим об этом потому, что абитуриенты обычно заготавливают планы на примерные темы, планы на «всякий случай»...

Но обязателен ли план вообще? Об этом нас спрашивают часто. Отвечаем: такая постановка вопроса наивна и упрощенна. Без плана нет и не может быть сочинения. План — это и последовательность ваших мыслей, это и ваши выводы и доказательства в работе, другими словами, все то, что делает сочинение сочинением. Вопрос должен ставиться несколько иначе: записывать план на первой странице работы или нет. Сейчас во многих вузах на приемных экзаменах по русскому языку и литературе разрешено писать сочинение без обязательной записи плана. Но это не означает, что в сочинении можно писать о чем угодно и как угодно. Основные требования к сочинению как со стороны содержания, так и со стороны его логической структуры остаются постоянными.

В логической структуре сочинения обычно выделяют три части: вступление, основную часть (изложение), заключение.

Вступл е н и е. В нем иногда можно указать на связь выдвинутой проблемы с определенными историческими условиями, иногда можно ограничиться раскрытием замысла писателя. «Эталона» вступления не существует, оно должно быть органически связано с содержанием всей работы, как-то психологически готовить читающего к восприятию последующего материала.

Положим, вы остановили свой выбор на теме: «Вольнолюбивая лирика А. С. Пушкина». С чего начинать сочинение? Рассмотрим два варианта, характерные для ученических работ.

Первый вариант (наиболее распространенный):

А. С. Пушкин — великий поэт. Его перу принадлежат много лирических произведений, роман в стихах «Евгений Онегин», повесть «Капитанская дочка» и другие. Среди его лирики особое место занимает вольнолюбивая лирика, к которой относятся такие стихотворения, как «К Чаадаеву», «Деревня», «В Сибирь» и другие.

В стихотворении «К Чаадаеву»... и т. д.

Второй вариант:

Лирика А. С. Пушкина — гордость нашей литературы. Стихи Пушкина переведены на многие языки мира, их любят люди всех возрастов, всех национальностей. Из пушкинских стихов я особенно люблю вольнолюбивую лирику. Она дорога мне своей ненавистью к самодержавию, любовью к родине и т. д. и т. п. Например, в стихотворении «К Чаадаеву»...

Можно ли назвать эти примеры хотя бы удовлетворительными? Конечно, нет. Такое «вступление» ничего не дает для понимания вольнолюбивой лирики Пушкина.

По-видимому, здесь следовало бы сказать о подъеме общественного самосознания в русском обществе первой четверти XIX века, показать процесс идеологического сближения России с Западом и, как следствие этого, рост недовольства среди мыслящей дворянской интеллигенции, создание тайных политических обществ. Это важно потому, что именно в такой атмосфере формировалось мировоззрение Пушкина, крепили его политические настроения. Сложная общественная обстановка в стране не могла не получить отражения в творчестве поэта.

Основная часть — это система тезисов и аргументов, цель последовательных умозаключений.

Простейший прием членения этой самой большой в работе части — употребление абзацев, которые и будут этапами, звеньями в общей структуре сочинения.

Заключение должно «закруглить» сочинение, своеобразно связать его с началом. Его нужно написать так, чтобы читающий понял: дальше по этому вопросу говорить нечего. Заключение должно быть органически связано со всем содержанием работы, определяться ее целями. К сожалению, учащиеся об этом забывают. В сочинении пишут о Павле Власове, а в заключении говорят о значении творчества М. Горького; рассматривают «милльон терзаний» Чацкого, а завершают работу общими фразами о значении «Горе от ума». Уж если вы говорите о значении произведения в целом, то различайте художественное значение (значение данного произведения в развитии определенных художественных принципов на том или ином историческом этапе в развитии искусства) и значение общественно-политическое. В сочинениях эти понятия зачастую не разграничиваются, а потому бывает крайне трудно судить, что же хотел сказать автор, завершая работу. Помните, что вступление, основная часть и заключение — части единого целого.

Сочинение во многом выиграет, если вы не забудете еще об одном важнейшем требовании — пропорциональности всех его частей. Вступление и заключение, вместе взятые, должны занимать лишь четвертую часть всей работы. О соразмерности нельзя забывать и в основной части: незначительные факты, частные выводы не должны загромождать изложение.

Итак, вы определили тему, отобрали и продумали материал, наметили план работы. Наступает последний этап работы — изложение материала. О требованиях к языку и стилю сочинений, о типичных ошибках, допускаемых при изложении материала, вам расскажут в другой статье.

П. С. ПУСТОВАЛОВ,
доцент МГПИ имени В. И. Ленина

прочитайте

д е т я м

ПОПУГАЙ

— Попугай, попугай,
Попугай нас, попугай!
Не пугает.
Мы его
Напугали
Самого.

**ВОЛЧОНОК
И ВОЛЧОК**

— Я — волчонок,
Ты — волчок.
Ты не бойся, дурачок.
— Я нисколько не боюсь.
Посмотри, как я кручусь...
Как волчок-то закружит!
Как волчонок побежит!
— Эй, волчонок,
Я — волчок,
Ты не бойся, дурачок...

НОРКА

Никто из нас наверняка
Не носит имя Дом.
Зачем же этого зверька
Мы норкою зовем!..

БАРАНКА

Вот шофер какой чудак:
Он поесть не мог никак,
Потому что спозаранку
Всё крутил-вертел баранку.
А зачем крутил-вертел! —
Лучше взял бы да и съел!..

**УДИВИТЕЛЬНЫЕ
С Л О В А**

А. А. ШИБАЕВ

Консультации

Речь как средство общения формируется у детей постепенно, в ходе их физического и психического развития. Вначале она заметно отличается от речи взрослых смысловыми особенностями, грамматическим оформлением и звуковым наполнением, но уже к пяти-шестилетнему возрасту оказывается в основном сформированной. Это позволяет ребенку хорошо понимать окружающих и пользоваться активной речью в соответствии с теми грамматическими и произносительными нормами, которые установились в данном языковом коллективе. Такую речь принято называть правильной, или нормальной.

Однако встречаются дети с различными недостатками, нарушениями или, как еще говорят, дефектами речи.

Это могут быть дефекты звуковой стороны речи, проявляющиеся в неумении правильно произносить те или иные звуки, преимущественно согласные. В таких случаях либо отсутствуют некоторые звуки и ребенок говорит **ак** (рак), **оля** (Коля), либо они заменяют другими: **лак** (рак), **Толя** (Коля), **суба** (шуба), либо смешиваются в употреблении: **лама** (рама), но **родка** (лодка), **суба** (шуба), но **шанки** (санки), **зук** (жук), но **жубы** (зубы), либо искажаются (дети произносят звуки, несвойственные родному языку, иногда похожие на звуки других языков).

Это могут быть дефекты темпа и ритма речи, проявляющиеся в замедленном, либо убыстренном произнесении слов и фраз, либо в речевых запинках, повторах начальных слогов в словах, либо в трудностях произнесения начальных звуков и слогов в словах вследствие судорог мышц речевого аппарата, возникающих в тот момент, когда ребенок хочет что-то сказать. Такой дефект принято называть заиканием.

Это могут быть нарушения смысла и грамматического строя речи, проявляющиеся в бедности активного словаря ребенка, в употреблении слов в несвойственных им значениях, в нарушении слоговой структуры слова, в нарушении согласования слов во фразе, в смешении форм словоизменения и др. Нарушения словаря и грамматического строя обычно сочетаются с недостатками звуковой стороны речи.

Перечисленные недостатки наблюдаются — и на это очень важно обратить внимание родителей — не только у детей с видимыми, грубыми нарушениями психического и физического развития (вопрос о нарушениях речи у таких детей в данной статье не освещается), но также и у детей, которых по этим показа-

тёлям можно отнести к категории нормальных. Довольно часто речевые нарушения наблюдаются у ребят, перенесших затяжные инфекционные заболевания и травмы, в том числе психические, ослабляющие организм и задерживающие их речевое развитие.

Кроме того, нарушения речи вызываются (можно более жестко сказать — порождаются) неправильным общим и речевым воспитанием ребенка в семье: неблагополучие в отношениях между родителями, резкость и грубость в обращении с ребенком и в обращении родителей между собой ранят и ослабляют нервную систему малыша и зачастую приводят к ее срыву, следствием которого может быть возникновение заикания. Непомерная для психики ребенка нагрузка в виде беспрестанного чтения книг, многочасового сидения у телевизора, демонстрация «talантов» ребенка перед гостями (столь милая сердцу многих родителей) перевозбуждают его — все это весьма нежелательно!

К неблагоприятным последствиям приводит и неоправданное стремление некоторых родителей ускорить ход речевого развития ребенка и, с другой стороны, «сюсюканье» с ребенком, подлаживание под его речь: «Маминский мой, папинский мой, идемь твуа». К нарушениям речи приводит и ограниченность ребенка в общении со взрослыми и сверстниками, вынужденное одиночество. В ряде случаев недостатки речи возникают у ребенка и вследствие подражания окружающим. Таким образом, причин, которые вызывают речевые нарушения (а мы перечислили далеко не все из них), достаточно много.

В нашей стране уделяется много внимания воспитанию правильной речи, потому что это не только первое и неременное условие полноценного общения детей с окружающими, но и средство формирования их мышления, предпосылка успешного обучения в школе, основа овладения грамотой и большинством учебных предметов. Исправлением недостатков речи занимаются специалисты, логопеды, которых готовят в педагогических институтах. У нас создана разветвленная сеть учреждений для оказания помощи детям с речевыми нарушениями: логопедические кабинеты при детских поликлиниках, логопедические пункты при массовых школах, детские сады (или группы) для детей с речевыми нарушениями, а также специальные школы и стационарные отделения при клиниках для детей с тяжелыми речевыми расстройствами.

Но помощь, оказываемая в названных учреждениях, не может быть достаточно эффективной без участия в ней самих родителей. Это не значит, что мы рекомендуем им переквалифицироваться в логопедов. Участие родителей в помощи детям с недостатками речи мыслится несколько по-иному.

1. Специальными исследованиями установлено: чем раньше обнаружен тот или иной недостаток речи, тем легче его исправить. Следовательно, родители могут помочь, своевременно выявив его и направив ребенка к логопеду. Понятно, что сама возможность выявления недостатка предполагает хотя бы общее знакомство как с закономерностями речевого развития детей (без знания их невозможно определить отклонение), так и с наиболее характерными признаками речевых нарушений и теми последствиями, к которым они могут привести.

Практика показывает, что многие родители не замечают недостатков речи у своих детей и даже обижаются на учителя или воспитателя детского сада, если тот рекомендует показать ребенка логопеду, либо замечают, но не придают этому значения, полагая, что с возрастом все пройдет. И нередко поводом для посещения такими родителями логопеда становится какое-нибудь чрезвычайное обстоятельство: родители вдруг обнаруживают, что их ребенка дразнят обидным словом (картавый, гундосый, заика и под.), или что ребенок начал стесняться своей речи, или что он перестал играть с детьми и из веселого и доброго превратился в хмурого, раздражительного, обидчивого и плаксивого.

А бывает и так: к логопеду приходит бабушка, обеспокоенная тем, что ее внук двух-трех лет не выговаривает „букву рэ“, и оказывается страшно удивленной, узнав, что он не произносит и другие звуки. Логопед объяснит, что несформированность некоторых звуков в этом возрасте — явление закономерное. Но это посещение окажется полезным для бабушки, так как она не только узнает, что ее внук развивается нормально, но и получит ряд советов, как лучше организовать речевое воспитание.

2. Многие недостатки речи, в том числе и такие серьезные, как заикание, можно предупредить разумно организованным общим и речевым воспитанием. Понятно, что все дети должны воспитываться правильно, однако далеко не все родители знают, что такое воспитание должно начинаться очень рано. Особенно важно, чтобы оно осуществлялось в период активного формирования речи у ребенка. Правильное воспитание должно непременно включать мероприятия по охране голоса и слуха ребенка, по охране его нервной системы, по воспитанию речи.

3. Став школьником, ребенок начинает овладевать новой для себя — письменной — формой речи. Это требует серьезной психологической перестройки, нового, осознанного отношения к собственной речи. Теперь ребенку приходится задумываться над тем, из скольких слов состоит произносимая фраза, из каких звуков состоят слова, в какой последовательности они находятся. Если ребенок не подготовлен к овладению грамотой, то в школе у него могут возникнуть специфические для письменной речи трудности, которые чаще всего связаны с нарушением устной речи, но не только с этим. Исследования показали, что значительный процент среди неуспевающих в I—III классах составляют дети с нарушениями письма.

Однако такие нарушения тоже можно предотвратить даже в тех случаях, когда у ребенка есть некоторые ошибки в произношении. Все родители должны знать, как заблаговременно подготовить ребенка к сложному процессу — овладению грамотой. В этом особенно нуждаются дети, не посещающие детский сад; у ребят старшей группы детского сада теперь введены специальные занятия по подготовке к школе. Разумеется, это нововведение не освобождает родителей от забот о такой подготовке, а лишь облегчает сам ее процесс.

4. В тех случаях, когда ребенок с недостатками речи посещает логопедический кабинет, ему даются определенные «домашние задания», варьирующие по форме и содержанию в зависимости от целей и этапов логопедической работы. Такие задания необходимы, так как перестройка усвоенных навыков неправильной речи требует и времени, и усилий, и под-

крепляющих занятий. Задания ребенок выполняет с помощью родителей. Таким образом, родители сами принимают участие в логопедической работе.

В ряде случаев ребенок не может посещать логопедический кабинет из-за отдаленности места жительства, может быть и так, что в той местности, где он живет, нет логопеда. Тогда возможна лишь эпизодическая консультативная помощь или переписка со специалистом. Основная нагрузка в таких случаях ложится на родителей. Но непосредственное участие их в логопедической работе, в преодолении речевых нарушений предполагает знакомство с некоторыми принципами и приемами логопедического воздействия при тех или иных речевых нарушениях. Знание принципов и приемов логопедической работы необходимо не только родителям, но и учителям начальной школы, так как оно позволит им более эффективно осуществлять индивидуальный подход к учащимся.

Итак, мы указали четыре аспекта, в которых может осуществляться помощь «неспециалистов» ребенку с нарушениями речи: выявление нарушений, предупреждение их, предупреждение нарушений письменной речи в связи с подготовкой к обучению грамоте и участие в работе по исправлению речи. Для всего этого нужно обладать определенными знаниями, которые будут сообщены читателям в последующих статьях.

Б. М. ГРИНШПУН

Москва

Справка

Какие темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе были в 1968 году?

**Новосибирский институт
инженеров геодезии,
аэрофотосъемки и картографии**

1. За что я люблю свой край.
2. Духовный рост героев романа М. Горького «Мать».
3. Тема счастья в советской литературе.
4. Любимые герои Л. Н. Толстого в романе «Война и мир».
5. Родина в произведениях Лермонтова.

6. «Уходили комсомольцы на гражданскую войну» (по произведениям советской литературы).

**Казанский
государственный университет
имени В. И. Ульянова-Ленина**

1. Судьба русской женщины в творчестве Некрасова.
2. Образы интеллигентов в романе М. Горького «Мать».
3. Есть ли у Вас любимый герой?
4. «Миллион терзаний» Чацкого.
5. В чем смысл духовных исканий Пьера Безухова и Андрея Болконского?
6. Тема народа в романе Шолохова «Поднятая целина».
7. Какой человек является для Вас героем, образцом, идеалом?

**Куйбышевский
электротехнический
институт связи**

1. От Дмитрия Старцева до Ионьча (по рассказу А. П. Чехова «Ионьча»).
2. «Нет героев от рождения, они рождаются в боях» (Твардовский).

консультации

Продолжение. Начало см. в № 1—2, 1969.

Жаргон. То же, что *арго*. В отличие от *арго* это слово часто имеет неодобрительную окраску: жаргон буржуазный, канцелярский, воровской. Например: «Аглая Петровна уже давно знала, что *мокрушник* — убийца, *слесарь* — квартирный вор, *светляк* — дневной... На воровском жаргоне *крах* — инвалид» (Ю. Герман. Я отвечаю за все).

Займствование. 1. Использование, усвоение языком иноязычных слов, выражений, конструкций или аффиксов (приставок, суффиксов). 2. Займствованные слова, выражения, конструкции, аффиксы. Например: буржуа, бюрократ, воллейбол, вундеркинд, манкировать, изолировать; априори, воленс-ноленс, альма матер; *англичастина*, *отзовизм*, *очеркист*, *супербложка* и т. п.

Залог. Грамматическая категория глагола, выражающая отношение действия к субъекту. Есть два залога — страдательный и действительный. Страдательный — указывает, что действие направлено на субъект. У глаголов несовершенного вида форма страдательного залога образуется присоединением суф-

фикса -ся: «Дом строится плотниками»; у глаголов совершенного вида — кратким страдательным причастием со вспомогательным глаголом *быть* или без него: «Книга была прочитана мальчиком», «Нами ты была любима». Действительный залог указывает, что действие не направлено на субъект: «Плотники строят дом», «Мальчик прочитал книгу», «Мы тебя любим».

Звательный. Выражающий обращение. В древнерусском языке у существительных была особая звательная форма: дево, владыко, богородице, отче, старче («Чего тебе надобно, старче?». Пушкин. Сказка о рыбаке и рыбке), боже (боже мой!).

Звукопись. Подбор слов в стихах, само звучание которых в той или иной степени соответствует содержанию, помогает образному восприятию (см. также *аллигация*, *ассонанс*). В «Евгении Онегине» Пушкина меняющееся звучание слов соответствует противопоставлению старинных и современных танцев:

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале все дрожало,
Паркет трещал под каблучком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы
Смолимиз по лаковым доскам.

Звукоподражание. 1. Создание слов, в той или иной степени воспроизводящих звуки природы, крики животных, а также само слово, возникающее таким образом: мяу, кукареку, мурлыкать, хохот, топот. 2. Одна из разновидностей звукописи в поэтической речи. В поэме В. Инбер «Пулковский меридиан» изображается рев самолетов:

Вверху рычат германские моторы:
Мы фюрера покорные рабы,
Мы превращаем горрода в гробы,
Мы — смерть... Тебя уже не будет
скоро.

Идиом, идиоба. Присущий только данному языку, неразложимый оборот речи, значение которого не совпадает со значением составляющих его слов, взятых в отдельности. Например: спусти рукава; кон-

цы в воду; ни дна ни покрывки; тянут капиталь; казанская сирота.

Идиоматика. 1. Учение об идиомах. 2. Совокупность идиом какого-либо языка.

Имперфективация (имперфективизация). Образование глагола несовершенного вида от глагола совершенного вида: узнать — узнавать, переписать — переписывать, заболеть — заболеть, закипеть — закипать.

Имя. В грамматике общее название для частей речи, изменяющихся по падежам: существительных, прилагательных, числительных и местоимений.

Ивэрсия. Изменение обычного порядка слов или словосочетаний в предложении с целью выделить часть предложения или придать всему предложению особую стилистическую окраску: *Мастер пришел* (при логическом ударении на слове *мастер* обычный порядок: *Пришел мастер*); На севере дальнем.

Интонация. Ритмико-мелодический строй речи, чередование повышений и понижений тона при произнесении. Интонация служит для выделения смысловых отрезков в предложении, а также для выражения различных экспрессивно-эмоциональных оттенков высказывания. Например, интонация повествовательная, вопросительная, восклицательная, разделительная, интонация пояснения, причинной связи и т. д.

Каламбур. Игра слов, состоящая в намеренном столкновении разных значений одного слова или омонимов, а также сходных по звучанию слов и выражений. Например:

Защитник вольности и прав

В сем случае совсем не прав.

ПУШКИН. Евгений Онегин

«Стремись уплатить свой долг, и ты достигнешь двойной цели, ибо тем самым его исполнишь» (афоризм Козьмы Прутков).

В юмористических и сатирических стихах используются калам-

бурные рифмы, построенные на сходных по звучанию словах и выражениях:

Услышав эти речи *Бредли*,

Весь мир подумал: «Уж не *бред ли?*»

МАРШАК

Калька. Заимствование путем буквального перевода (обычно по частям) слова или оборота речи. Например: впечатление (франц. *impression*), представление (нем. *Vorstellung*), прилагательное (лат. *adjektivum*), присутствие духа (франц. *présence d'esprit*), целиком и полностью (нем. *ganz und voll*).

Кириллица. Одна из двух древнейших славянских азбук (см. *глаголица*), в основу начертаний которой было положено греческое торжественное письмо (так называемое унциальное). На основе кириллицы возникли современные алфавиты: болгарский, сербский, украинский, белорусский и русский.

Книжный. Свойственный письменной литературной речи, особенно научной или публицистической. Например, книжные слова: деяние, благовонный, самопознание, своеобразие, созерцатель, созидаться, нежеле, автократия, адепт и т. п.

Коммуникативная функция языка. Функция языка как средства общения.

Компаративный Сравнительный, зравнивающий.

Компаративная лингвистика, или **компаративистика.** Раздел языкознания, занимающийся сравнительно-историческим изучением родственных языков.

Консонантизм. Система согласных какого-либо языка.

Контаминация. Появление новой формы нового значения слова или выражения в результате смешения, объединения частей двух или сходных форм, слов, выражений. Например, неправильное выражение *играет значение* возникло в результате смешения выражений *играет роль* и *имеет значение*. Употребление глагола *будировать* в значении 'возбуждать' — результат контаминации французского глагола *buder* 'сердиться, дуться' с русским *будить*.

(Продолжение в следующем номере)

поэма «Русской рези»

● Зачем крынка, когда есть кринка?

Читатель А. С. Торлин из города Юрьева-Польского Владимирской области в письме в редакцию сетует на словари современного русского литературного языка, которые, по его мнению, необоснованно узаконивают как стилистически равноправные варианты произношение и написание *крынка* и *кринка*. «Произношение *крынка*, — утверждает автор письма, — если еще не устаревшее, то во всяком случае быстро стареющее так же, как, например, *грыб* или же *прыну* и *прынца* в сказках наших бабушек... От них надо отвыкать и уж никак не вводить в литературный обиход».

Легко заметить, что здесь в один ряд поставлены единицы не совсем одинаковые: *грыб*, *прыну*, *скрыпеть*, *крычать* и др. действительно устарели и полностью отошли в область диалектной лексики. Они не соответствуют нормам современного русского литературного произношения, тогда как *крынка* в качестве наименования сосуда для молока употребляется почти повсеместно наравне с его более литературным вариантом *кринка*. Такое употребление слова поддерживается довольно свободным использованием его в произведениях художественной литературы. Например, у Л. Н. Толстого: «Опять зазвенела калитка, и из нее стали выходить женщины: с корзинами, туесами, крынками и менками» (Воскресение).

Поэты и писатели XVIII и начала XIX века к варианту *крынка* относились как к вполне литературному и стилистически нейтральному, например: «И плавает, как муха в крынке» (Сумароков); «Старушка говорит: „Вот крынка молока“» (В. Л. Пушкин); «Попав нечаянно в деревню, мы лакомимся ломтем ржаного хлеба и крыпкою молока» (Вяземский) и т. д.

В литературном языке той эпохи имя существительное *крынка* имело и другое значение: «А денег у него гораздо мало в крынке» (Сумароков). Здесь *крынка* означает сосуд для хранения денег, кубышку. Но наибольшей нестротой значений слово это отличалось в севернорусских говорах, где, между прочим, более употребительным был вариант *кринка*. *Кринка* (*крынка*) выступало в них главным образом в качестве наименования глиняной посуды самых различных форм и назначений.

По происхождению *кринка* — общеславянское слово. Оно встречается как название хлебной меры в старославянском и древнерусском языках в виде *крина* или *кринъ*, в сербском — *крина*, в болгарском — *крина* ‘четверик’. Следовательно, если исходить из этимологических соображений, то надо было бы предпочесть форму *кринка*, а вариант *крынка* оказался бы за пределами общеупотребительной лексики. Но такое решение вопроса полностью игнорирует тот реальный факт, что в разговорно-литературной речи сосуществуют оба варианта. В современном русском языке еще не завершился процесс «естественного отбора» их, и поэтому составители словарей вынуждены помещать оба варианта как параллельные, равноправные. При этом учитываются также случаи из истории русского литературного языка, когда народно-разговорная форма одерживала верх над старокнижным и более «правильным», с этимологической точки зрения, вариантом слова; ср., например, современное литературное *крыло* и древнерусское *крыло* (из *kridlo, польское skrzydło), которое еще в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года выступало как нейтрально-литературное слово рядом с *крыло*. С течением времени одна из двух вариантных форм — *крынка* или *кринка* — волей-неволей должна оказаться за пределами литературно-книжного словоупотребления. Но какая — это покажет будущее.

И. Т. Сергеев

● Ходит, плавает

Читатель А. И. Гольдциммер из Киева пишет:

На днях мне пришлось услышать от человека, хорошо знающего русский язык, следующее рассуждение: «Ко всем видам водных навигационных средств — корабль, яхта, пароход, лодка и т. п. слово *плавать* неприменимо, а только *ходить*, так как слово *плавать* употребляется по отношению к живым существам (человек, рыба, утка плавают) и еще к некоторым объектам (палка, доска плавают), но никоим образом не к навигационным средствам».

Будут ли стилистически неправильными такие фразы: «Мы плавали на яхте от Одессы до Ялты» и «Ледокол плавает в холодных водах Арктики»? Или в этих случаях следует употреблять только глаголы *идти*, *ходить*?

Приведенные в конце письма фразы в стилистическом отношении не вызывают никаких возражений. Глаголы *плавать* и *плыть* многозначны. Их основное значение — ‘передвигаться по воде и в воде’ (о человеке, животном и неодушевленном предмете). В первом предложении речь идет о движении по воде на плавающих сооружениях, во втором — о движении самих этих сооружений. Писатели-классики и современные советские писатели в этих случаях обычно употребляют глаголы *плыть* и *плавать*, например: «Сорок лет назад пароходы плавали медленно» (М. Горький); «Из дальнейших разговоров я узнал, что оба — матросы и плавают на коммерческом корабле» (Новиков-Прибой).

Встречаются также примеры и с глаголами *идти* и *ходить*: «Англичане изобрели лодку, которая ходит под водой» (Помяловский);

{по Волге} «шли нагруженные барки под парусами» (Л. Толстой); «Завиднелись струги. Легко против осенней воды на веслах идут» (Бажов).

Таким образом, нет основания и считать нелитературными ни конструкции с глаголами *плыть* и *плавать*, ни конструкции с глаголами *идти* и *ходить*.

Однако в среде моряков и спортсменов-парусников наблюдается тенденция употреблять в таких предложениях только глаголы *идти* и *ходить*, но не *плыть* и *плавать*: «ходили на корабле, подводной лодке, яхте» и т. п.; или «шел теплоход, эсминец, швертбот» и т. п. Употреблять выражения *плавать на корабле* или *плывет корабль* считается своего рода «дурным тоном». Но эти нормы бытуют лишь в узком кругу и не являются общелитературными. Более того, далеко не все моряки и спортсмены придерживаются этих норм. Так, в «Морском словаре», составленном флагоманом II ранга К. И. Самойловым (1939) в статье *идти* (с написанием *итти*) дана следующая формулировка: «Водою или морем плавают и ходят, идут (не ездят)». Эта формулировка повторяется дословно в статье о глаголе *идти* и в «Морском словаре» под редакцией вице-адмирала В. Г. Фадеева (1959). Характерно также, что писатели, служившие во флоте (например, Новиков-Прибой), часто употребляют глаголы *плыть* и *плавать*, имея в виду именно движение по воде на плавающих сооружениях и самих этих сооружений.

Д. И. Бугорин

● **Дискутировать или дискуссировать?**

Обычно употребляется глагол *дискутировать*, — пишет читательница Л. Р. Сергеева из Закарпатья, — но в газете «Неделя» (1968, № 30/438/) в статье К. Паустовского «Как писалась „Колхида“» представлена форма *продискуссировать*... Правильно ли это? И почему *дискутировать*, если существительное — *дискуссия*?

Оба варианта — *дискутировать* и *дискуссировать* — правильны, их можно встретить как в устной речи, так и в печати. Словари современного русского языка обычно дают обе формы. Правда, первая — более употребительна, особенно в книжных стилях языка, она имеет довольно длительную традицию книжно-литературного употребления, а *дискуссировать* — более новая, первоначально появившаяся, по-видимому, в устной речи.

Дискутировать восходит к немецкому *diskutieren* или французскому *discuter*, которые в свою очередь — к латинскому *discuter* «исследовать, разбирать». *Дискуссировать* образовано в русском языке от слова *дискуссия*, которое заимствовано, очевидно, из немецкого или французского языков (немецкое *Diskussion*, французское *discussion*, восходящие к латинскому *discussio* «исследование, разбор»). Скорее всего слово *дискуссия* вошло в русский язык через польское посредство — *dyskusja*: об этом свидетельствует ударение на предпоследнем слоге, такое ударение свойственно польскому языку; в немецком и французском это существительное имеет ударение на последнем слоге.

Таким образом, чередование согласных в словах *дискус-сия* — *дискутировать* объясняется в конечном счете наличием такого чередования в латинском языке: *discussio* — *discutere*.

Это чередование относится в русском языке к числу нерегулярных (в отличие от таких регулярных чередований, как, например, с/ш: носить/ношу, в/ж: возить/вожу, к/ч: рука/ручка, г/ж: могу/можешь, х/ж: пахать/пашу и др., объясняющихся историческими изменениями звуков славянских языках). Нерегулярные чередования представлены в ограниченном количестве слов. Так, чередование с/т представлено в нескольких словах иноязычного происхождения (из латинского): инверсия — инвертировать; рефлекс, рефлексия — рефлексировать и др.

Дублеты, подобные современным *дискутировать* — *дискуссировать*, существовали и в прошлом. Так, например, заимствованный глагол *аннектировать* был вытеснен глаголом *аннексировать*, образованным в русском языке от слова *аннексия*. Возможно, что со временем такая же судьба постигнет и *дискутировать*: в языке действует (хотя и непоследовательно) процесс так называемого «выравнивания» основ (изменения, приводящие к максимальной фонетической близости родственных слов или форм одного слова).

И. С. Улуханов

● Название предприятий

Читатель А. Н. Козулин из Ухиты нам пишет:

Многие промышленные предприятия, учреждения, организации награждены орденами. Вот и наш Ухтинский комбинат удостоен ордена Трудового Красного Знамени. Официально (на бланках, на вывеске, установленной на здании управления) наше предприятие именуется так: «Государственный ордена Трудового Красного Знамени Ухтинский комбинат». Однако в обиходе, в газетах слово *государственный* употребляется редко, пишут просто: «ордена Ленина Ухтинский леспромхоз», «ордена Трудового Красного Знамени Ухтинский комбинат».

Правильно ли такое сочетание слов? Или, может быть, сказать иначе: «Ухтинский ордена Ленина леспромхоз» или «Ухтинский ордена Трудового Красного Знамени комбинат». Иногда указывают производственный профиль предприятия: «Ухтинский ордена Трудового Красного Знамени нефтегазовый комбинат».

Но как быть, если название промышленного предприятия состоит из сокращенных слов? Например, комбинат «Воркутауголь», коллектив которого награжден орденом Ленина: «Коллектив Ордена Ленина комбината „Воркутауголь“».

В приведенных названиях устойчивые сочетания *ордена Трудового Красного Знамени*, *ордена Ленина* — несогласованные определения. Как правило, такие определения стоят в предположении после определяемого слова например: человек высокого роста. Но в целях логического выделения несогласованные определения могут стоять перед определяемым словом: «средней величины медведь» (Гоголь); «генерала Жукова дворовый» (Чехов).

Если в предложении наряду с несогласованным есть согласованное определение, то согласованное обычно ставится впереди: «Центральный ордена Ленина парк культуры и отдыха имени М. Горького» и др.

Некоторые несогласованные определения, выраженные устойчивыми сочетаниями, всегда стоят перед определяемым словом, например: золотых дел мастер; гвардии старший лейтенант; ордена Ленина комбинат «Воркутауголь»; ордена Ленина академический Большой театр.

Названия учреждений и предприятий могут употребляться и в полной форме (официальные) и в сокращенной. В официально-деловых сообщениях, заявлениях, строго деловых документах рекомендуется писать полное название: «Государственный орден Трудового Красного Знамени Ухтинский комбинат»; «Директор Ордена Ленина типографии газеты „Правда“ имени В. И. Ленина», «Коллектив Ордена Ленина комбината „Воркутауголь“». Первое слово в официальном названии пишется с прописной буквы.

Эти названия, как правило, состоят из большого количества слов. А так как в деловой речи существует стремление выразить мысль короче, то в неофициальных сообщениях возможно употребление более коротких, неполных форм названий: ордена Ленина Ухтинский леспромхоз; ордена Трудового Красного Знамени Ухтинский комбинат; Ухтинский ордена Трудового Красного Знамени комбинат. В устной речи, конечно, допустимо и так: Ухтинский комбинат.

А. Н. Козулин задает и другой вопрос:

Нужно ли ставить кавычки в названиях таких предприятий, как: комбинаты «Воркутауголь», «Интауголь», «Печорлес», строительно-монтажные тресты «Ухтастрой», «Комистрой» и т. д.? Одно время в наших газетах эти названия писали без кавычек, но сейчас их снова стали писать в кавычках.

Названия предприятий колхозов, шахт, рудников и т. д. выделяются кавычками: трест «Нефтегазстрой», комбинат «Тулауголь», трест «Комистрой» и др. Без кавычек пишут названия, представляющие сложносокращенное слово, образованное из полного официального названия, например: Политиздат (Политическое издательство), Днепротгэс (Днепровская гидроэлектростанция), Детгиз (Детское государственное издательство). Названия, о которых спрашивает читатель, надо писать в кавычках: комбинаты «Воркутауголь», «Интауголь», «Печорлес», тресты «Ухтастрой», «Комистрой».

Ю. Ф. Хаустова

СПОР О РУССКИХ ИМЕНАХ

Уважаемые товарищи!

Познакомившись со статьей В. А. Никонова «Иван и Винегрет» («Русская речь», 1969, № 1), я не могу согласиться с некоторыми утверждениями ее автора. «Уменьшение количества употребительных имен — процесс здоровый». Так ли это?

Автор пишет, что большое число имен приводит к тому, что многие из них становятся единичными, а это неизбежно ведет к путанице в написании. А по-моему, как раз наоборот. Единичными имена становятся из-за того, что используется их слишком малое число.

Примеры, приводимые в статье — Вечислав, Вечяслав и Владимир, неубедительны. Не отказываться же от этих имен только потому, что в них

легче сделать ошибку, чем в именах Джон и Карл? Что касается кадров, занятых регистрацией имен, то потребность в них не больше, чем в приемщицах телеграмм, которые, столкнувшись с названием неизвестного им географического пункта, обязательно заглянут в справочник. Вероятно, секретари сельсоветов, да и работники городских бюро ЗАГСов не пользуются справочниками не по лени, а из-за отсутствия таких книг. Разумеется, ни один справочник не может учесть фантазии некоторых родителей (в 1953 году после восхождения Тенсинга и Хиллара на высочайшую вершину мира один папаша-альпинист перепугал родственников, решив назвать дочку Джомолунгма, а теперь благодарит тех, кто отговорил его). Но удельный вес имен-придумок так мало, что его можно и не учитывать.

На мой взгляд, наличие в коллективе большого числа тезок ведет к неудобствам. Несколько лет назад, когда еще существовала в Ленинграде футбольная команда «Спартак», комментатор телевидения заметил: «Любопытно, что из десяти левых игроков у ленинградцев — 5 Викторов и 4 Анатолия». Представьте ситуацию — капитан говорит игроку: «Отдай Вите!», а игрок, обязанный мгновенно выполнить совет или не выполнить его совсем, должен еще понять, о каком Вите идет речь. Конечно, капитан мог назвать и фамилию, но первым в голову приходит более привычное, то есть имя. Это пример шуточный. Но вот другой. Летом 1967 года на Рижском

взморье я был свидетелем сцены, чуть не закончившейся трагически. Воспитательница детского сада привела детей на пляж. Уследить за группой в 20 с лишним человек довольно трудно. И вдруг слышится крик: «Света! Света! Света Веретенникова!». Одна из девочек заплывала на глубокое место. Привыкнув к тому, что не всякое «Света» относится к ней, девочка и не реагировала на крик воспитательницы. А воспитательница тоже привыкла называть ребенка не по фамилии (к тому же трудной для нее: она была латышкой) и не смогла быстро переключиться на более удобный для данного случая вариант. Оказалось, что в группе 5 Свет и 4 из них никак не могли понять, почему их зовут...

Однако главная причина, заставившая меня писать, не бытовые неудобства. Богатство русского языка — и в именах, и странно от филолога слышать призыв к отказу от части этого богатства. Необходимо всемерно расширять знания народа об именах, которые носили славные сыны и дочери нашей Родины, об именах, которые давали писатели своим героям.

Каждому из нас нужно отдавать себе отчет в том, что в факте присвоения ребенку имени, связанного с иной культурой, таится подчас равнодушие к культуре родной. И если бы первого космонавта звали не Юрий, а Джордж, нашей национальной гордости был бы нанесен урон!

С. А. ЧИСТЯКОВ
Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор), В. А. БЕЛОШАПКОВА,
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. В. ВИНОГРАДОВ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, В. Я. ДЕРЯГИН
(ответственный секретарь), И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН,
Ф. П. ФИЛИН, Н. Ю. ШВЕДОВА

Зав. редакцией *И. М. Беспалова*
Графическое оформление *Ю. И. Космынина*
Технический редактор *Т. А. Михайлова*
Корректоры *Н. Н. Глаголева, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 24/II-1969 г. Т-05708 Подписано к печати 11/IV-1969 г. Тираж 50 000 экз.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Печ. л. 8 Бум. л. 4 Уч.-изд. листов 9,6 Зак. 1850

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10